

**Нам
дороги эти
позабыть
нельзя**

**50-летию ПОБЕДЫ
посвящается**

Нам дороги эти позабыть нельзя

Воспоминания, статьи, материалы
из семейных архивов участников
Великой Отечественной войны
1941—1945 годов

НАЛЬЧИК · ЭЛЬБРУС · 1995

Часть I

НА КИЕВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

**ИВАН ХРИСТОФОРОВИЧ БАГРАМЯН,
Маршал Советского Союза**

СТОЙКОСТЬ СТО СЕМЬДЕСЯТ ПЯТОЙ

Бои приближались к Киеву. Непрерывные контрудары наших войск на подступах к городу срывали планы фашистского командования. Несмотря на то, что противник сосредоточил огромные силы на Киевском направлении, каждый шаг давался ему большой ценой. К 11 июля 1941 года передовые отряды немецкой пехоты с танками достигли реки Ирпень. До Киева оставалось всего 15—20 километров. Завязались упорные бои на ближних подступах к городу. В те дни мы вынуж-

дены были «с колес» вводить в бой прибывавшие из резерва новые соединения. В середине июля к нам прибыла 175-я стрелковая дивизия. Она вошла в состав 64-го стрелкового корпуса, который прикрывал шоссе Белая Церковь — Киев: здесь наступало до пяти вражеских дивизий. Главный удар трех фашистских дивизий пришелся по стыку 165-й и 175-й стрелковых дивизий на узком фронте Пинчуки, Винницкие Ставы. Разобщенные полки 165-й стрелковой дивизии были оттеснены к утру 31 июля на северо-восток. Это открыло фланг соседней 175-й стрелковой дивизии, вынудило и ее отойти, чтобы избежать разгрома.

По донесениям, которые мы регулярно получали из корпуса, можно было судить о величайшей самоотверженности наших бойцов и командиров. Особенной стойкостью отличались части 175-й стрелковой дивизии полковника С. М. Гловацикого, сформированной на территории Кабардино-Балкарии. Люди дрались до последней капли крови...

175-я стрелковая дивизия заняла оборону юго-восточнее Белогородки, а отряд генерала Матыкина — у Днепра, в окрестностях хутора Мрыги. Командование фронта приказело генералу Рогозному передать эти соединения в состав Киевского укрепрайона.

4 августа немецко-фашистское командование возобновило наступление с юго-запада и юга. Наиболее яростные атаки противник предпринял на участке Юровка — Мрыги против 175-й и 147-й стрелковых дивизий.

Командир 175-й дивизии С. М. Гловацик под огнем вражеской артиллерии объезжал полки, создавал группы для контратаки. Почти все политработники находились на переднем крае. Начальник политотдела 175-й стрелковой дивизии ба-

тальонный комиссар К. В. Штанев в сопровождении молодого комиссара 632-го стрелкового полка Г. П. Пираторова обходил батальоны, они разъясняли стрелкам, артиллеристам, саперам, как важно быстрее прийти на помощь окруженным в дотах боевым товарищам.

Вечером 632-й стрелковый полк поднялся в решительную атаку. Вслед за пехотинцами вручную катили свои орудия артиллеристы. Они были прямой наводкой по вражеским огневым точкам..

Почти в каждом донесении, поступавшем в штаб фронта, упоминались артиллеристы. Самую высокую оценку получили бойцы противотанковых батарей. Называлось имя командира взвода отдельного противотанкового дивизиона 175-й стрелковой дивизии младшего лейтенанта Ф. С. Перевертайлова¹. Он и его подчиненные, отражая атаку вражеских танков, не покинули огневой позиции даже под угрозой окружения.

7 августа 175-я стрелковая дивизия принимала участие в нанесении контрудара по вражеской группировке. Фашисты встретили наши части массированным артиллерийским огнем. В небе появились вражеские бомбардировщики. Несмолкающий гул доносился до города, а пыль и дым от разрывов крупных бомб и снарядов затмили солнце. Защитники Киева упорно шли вперед, устилая путь трупами фашистских солдат. Это был страшный путь, но наши люди шли и шли по нему, горя одним желанием — отбросить врага от города.

Снова своим бесстрашием прославились бойцы и командиры полковника С. М. Гловацикого и

¹ Федор Степанович Перевертайлов после тяжелого ранения в госпиталя некоторое время служил в военной комендатуре города Нальчика.— Примеч. сост.

больше всех — люди 632-го стрелкового полка. Командовал этим полком латыш подполковник Альфред Кришьянович Звайзгне.

...Среди особо отличившихся в этом бою людей полка были названы имена Нухчука Кумукова¹, артиллериста лейтенанта Николая Платоновича Тура, командира батальона старшего лейтенанта Иосифа Афанасьевича Бедусенко, пулеметчиков Ивана Максимовича Лаптева и Ивана Григорьевича Авершина, стрелков Ивана Васильевича Жусевича и Ивана Ивановича Силецкого, командиров отделений Семена Исаевича Чернова и Евгения Мисюка.

Всех героев этих боев не перечислить. Их тысячи и тысячи.

Враг не выдержал наших контратак. Его части начали медленно откатываться назад, а на отдельных участках гитлеровцам пришлось спасаться бегством. Фашистское командование поспешило ввело в бой свежую пехотную дивизию. Она кое-где потеснила наши части. Но недолго. Во второй половине дня 7 августа советские войска возобновили контратаки. Бои достигли невиданного ожесточения. Населенные пункты то и дело переходили из рук в руки. Распространившаяся среди защитников Киева весть о том, что Гитлер 8 августа назначил парад своих войск на Крещатике, еще больше разъярила бойцов.

С 8 августа возобновились атаки противника вдоль шоссе Васильков—Киев. К концу 9 августа сражение за Киев достигло апогея.

Участникам киевской эпопеи запомнился бесмертный подвиг гарнизона дота № 205. На неод-

¹ Н. И. Кумуков до призыва работал инструктором Чегемского райисполкома.—Примеч. сост.

нократные предложения окруживших их гитлеровцев сдаться на «почетных условиях» у шестнадцати осажденных был один ответ — огонь. Ни залпы фашистских орудий, выставленных на прямую наводку, ни отсутствие пищи и даже воды не сломили бесстрашный гарнизон. А положение защитников дота было отчаянным...

В ночь на 9-е или 10 августа несколько смельчаков из 175-й стрелковой дивизии с боем прорвались к блокированному доту, доставили осажденным пищу, боеприпасы и разрешение покинуть огневую точку. Однако все бойцы гарнизона, в том числе и раненые, категорически отказались оставить свою маленькую крепость. Лейтенант Ветров от имени всех заявил: «Мы поклялись не отдавать дот врагу и клятвы своей не нарушим».

И снова сутками напролет стояли они под вражеским огнем. Только 15 августа частям 175-й стрелковой дивизии полковника С. М. Гловацкого удалось, наконец пробиться к доту, и его гарнизон снова оказался в едином строю защитников Киева.

Благодаря стойкости частей и соединений Киевского укрепленного района в середине августа наступил перелом. Враг понял, что взять город прямыми атаками не удастся.

Из книги И. Х. Баграмяна «Так шли мы к победе».

**ВИТАЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ ЛЕСЕВ¹,
ветеран Великой Отечественной войны**

РАССКАЗЫ О ГЕРОЯХ

Разведчик Нухчук Кумуков

Собирая материалы к этому сборнику, я знакомился и с многими литературными источниками, связанными с событиями Великой Отечественной войны, в которых принимали участие наши земляки. Только поэтому в самом начале приведена выдержка из книги «Так шли мы к победе» Маршала Советского Союза Ивана Христофоровича Баграмяна. В его мемуарах процитировано одно из донесений, которое вызвало особый интерес: «Снова своим бесстрашнем прославились бойцы и командиры полковника С. М. Гловцацкого и больше всех — люди 632-го стрелкового полка... Среди особо отличившихся в этом бою людей полка были названы имена Нухчука Кумукова...» и других воинов.

Первым назван Нухчук Кумуков. В том, что он наш земляк, у меня не было никакого сомнения. Но почему раньше его имя не встречалось? Я перелистал все пять томов «Боевой славы Кабардино-Балкарии», но безуспешно. Обратился к ветеранам 632-го стрелкового полка. Некоторые ничего о нем не знали. Только Сергей Степанович Володенко подтвердил:

— Да, помню, был такой отчаянной смелости разведчик в нашем полку. Но так как я очень быстро выбыл из дивизии по ранению, то ни отчества его, ни из какого он села не знаю. Мне

¹ Виталий Дмитриевич Лесев умер в 1994 году.

неизвестно, как сложилась его фронтовая биография.

Начались поиски людей, лично знавших Нухчука Кумукова. Первой откликнулась Сакинат Адиковна Наршарова.

— Нухчук знаю,— ответила она.— Мы односельчане. Он из Нижнего Чегема. Отец его, Ибрагим, был известным животноводом. Жив его родной брат. Но, наверное, большей информацией о нем располагает его одноклассник Султан Хамидович Малкаров.

Она сообщила телефон Малкарова, и вскоре состоялся наш разговор.

— Вас интересует судьба Нухчука Кумукова? — переспросил он.— Да, мы учились в одном классе, хотя он был постарше. Семилетку закончили в 1937 году. Было нас 17 мальчиков и 10 девочек. Война и последовавшие в ту пору события разбросали нас так, что теперь затруднительно даже сказать, как же сложились судьбы моих одноклассников.

Нухчук рос крепким, стройным и сильным парнем. Нас с раннего детства приучали к труду. Полученные в ту пору навыки не раз выручали нас в годы войны. Помню, что Нухчук умел очень ловко спускать с крутых склонов заготовленное там сено, усмирять ретивую лошадь и заарканить любое животное. Последний раз мы с ним встречались в Нижнем Чегеме. Он приезжал в отпуск из армии. Служил он в казачьем кавалерийском полку. На нем красиво сидела армейская форма, и у всех, у нас, особый восторг почему-то вызывали лампасы на его галифе. Да и как было не восторгаться, ведь тогда все с особым почтением и уважением относились к военнослужащим. Наш друг рассказывал, что удалось узнать и увидеть

за период службы, как проходит служба и что не-
далеко время демобилизации. Видимо, в период
того отпуска приглянулась ему красавица Хаби
Чеккеева, потому что вскоре после демобилизации
Нухчук они поженились. А вот как сложилась
судьба моего одноклассника дальше, мне неиз-
вестно...

Из сохранившихся в архивах документов стало
известно, что Нухчук Ибрагимович Кумуков,
1918 года рождения, уроженец селения Нижний
Чегем, в 1940 году вступил в члены ВКП(б), пос-
ле демобилизации из армии работал инструктором
Чегемского райисполкома, в мае 1941 года был
призван на переподготовку в Прохладненские
военные лагеря. Там был зачислен в разведку
632-го стрелкового полка 175-й стрелковой диви-
зии. Служил в отделении сержанта Семёна Исае-
вича Чернова. Природная смекалка, отличная фи-
зическая подготовка, ловкость и смелость быстро
снискали нашему земляку авторитет и уважение
среди разведчиков. Оставались считанные дни до
окончания лагерных сборов, когда пришла весть о
войне. В срочном порядке 175-я стрелковая диви-
зия пополнилась до штатов военного времени и в
первых числах июля отбыла на фронт.

О том, как воевал разведчик Нухчук Кумуков,
удалось узнать из книги «Сыны Кабардино-Балка-
рии в героической обороне Киева» И. Ф. Евдоки-
мова. В книге приводится несколько эпизодов,
непосредственным участником которых был наш зем-
ляк. Об этом вспоминал Семен Исаевич Чернов:

— Говорить, что Нухчук был смелым разведчи-
ком, недостаточно. Он обладал исключительной
находчивостью, редким хладнокровием, необыкно-
венной решительностью и умением ориентироваться
в экстремальных условиях. Мне не раз прихо-

дилось участвовать с ним в выходах во вражеский тыл и в захватах «языков». И не раз я убеждался в том, что более надежного товарища в таких операциях найти невозможно.

...Помню, передний край нашей обороны в районе Василькова проходил по берегу небольшой речушки. За ней тянулось поле и примерно в километре виднелся небольшой лесок. Мы получили задание взять «языка». С утра установили наблюдение за передним краем противника. Особый интерес для нас представлял лес. Хотелось выяснить: не располагалась ли в нем какая-нибудь часть. Мы следили за каждым перемещением отдельных солдат противника, вплоть до доставки пищи боевому охранению. Но, как удалось нам убедиться, немцы обходили лес стороной и в него никто не углублялся. К вечеру мы обобщили результаты наблюдений и решили с наступлением темноты добраться до леса. Ночью пересекли передний край и благополучно добрались до опушки леса. Забрались вглубь и в самой чаще расположились на ночлег. Когда рассвело, стараясь предпринимать все меры предосторожности, мы приблизились к опушке и решили там поджидать тех, кто с тыла направлялся к вражескому боевому охранению. Чтобы обезопасить свою позицию, я направил двух разведчиков проверить положение дел на наших флангах. Не прошло и десяти минут, как в той стороне, куда направился Кумуков, сначала послышался треск сучьев, потом глухие удары, а затем какие-то крики.

— Селицкий! — приказал я. — А ну-ка, выясни, что там за шум?

Разведчик быстро поднялся и, прячась за деревьями, скрылся в той стороне, откуда слышался шум. А еще через несколько минут он вернулся с

Кумуковым и немецким солдатом, у которого во рту торчал кляп. Кумуков тащил четыре винтовки, и это заставило меня спросить:

— Ты почему не предупредил нас об опасности, а действовал сам?

— А что я мог поделать, когда нарвался сразу на четверых?

Оказывается, немцы раньше заметили движавшихся к ним разведчиков. Они стояли у раскидистого дуба, их винтовки были прислонены к дереву, а сами о чем-то оживленно беседовали. Когда они увидели разведчика, то, скорее всего, подумали, что тот шел к ним сдаваться, и никак не ожидали от него решительных действий. Кумукову же ни скрыться, ни поднимать шум уже было нельзя. Тогда он, как на учениях, сделал выпад и пронзил штыком ближайшего немца. Это вызвало шок у остальных: Прикладом он уложил второго фашиста. Третий, выйдя из оцепенения, потянулся за винтовкой, но его постигла участь первого. Последний все же решил бежать, но Нухчук быстро его настиг, сбил с ног и заткнул ему рот кляпом. Вместе с подоспевшим Селицким они забрали документы у убитых немцев, захватили их винтовки и привели «языка»...

Когда полк передвинулся на новый боевой рубеж, на нейтральной полосе оказался комбайн. Разведчики быстро приспособили его под наблюдательный пункт. Именно отсюда Кумуков вместе со своим напарником Знаменским отправлялся на рискованные операции. Первый раз им удалось захватить вражеского мотоциклиста с важными документами, а в следующий раз уничтожить дзот — пулеметная точка, размещавшаяся в нем, причиняла немало вреда нашим пехотинцам. Не случайно за проявленное на Киевском рубеже му-

жество, за успешное выполнение боевых заданий командования разведчики Кумуков, Знаменский и Чернов были представлены к награждению орденами Красного Знамени. Но наградным листам не суждено было достигнуть высокого начальства. Вскоре Киевская группировка наших войск оказалась окружённой, и все документы были уничтожены.

О том, как храбрый разведчик сумел выбраться из вражеского окружения, не удалось ничего выяснить. Но известно, что он принимал участие в одном из крупнейших сражений Великой Отечественной войны — Сталинградской битве. Близилось к завершению уничтожение окружённой под Сталинградом фашистской группировки, когда оборвалась жизнь храброго разведчика Нухчука Ибрагимовича Кумукова.

Артиллерист Хаути Сабанов

Судьбой командира огневого взвода 630-го легкого артиллерийского полка 175-й стрелковой дивизии младшего лейтенанта Хаути Хажибекировича Сабанова я интересовался еще в ту пору, когда собирал сведения о воспитанниках нашего вуза, принимавших участие в войне. Хаути Сабанов — один из первых двенадцати выпускников физико-математического факультета Кабардино-Балкарского педагогического института. Из числа кабардинцев вместе с ним окончили факультет Султан Болотоков, Мухаметгери Герандоков, Хабиж Кумахов, Асланби Тяжгов и Сосаруко Хапачев. Всем им суждено было принимать участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Но раньше всех вступил в сражения Хаути Сабанов.

После окончания института получил он направление на работу в среднюю школу селения Шалушка. Надеялся на то, что долгие годы придется ему учительствовать в этой школе. Поэтому с помощью родителей приобрел в Шалушке домик, обставил его и ввел в дом молодую жену Салисину. Ничто не предвещало беды. Шли размеренные педагогические будни. Семья пополнилась на радость родителям сыном.

Но 9 июня 1941 года пришла разлука. По повестке районного военкомата Хаути Сабанова направили на сборы в Прохладненский лагерь. Там сразу был зачислен на курсы младших лейтенантов артиллерии. Учеба шла успешно. Он охотно овладевал премудростями военной техники, искусством ведения артиллерийского огня, основами тактики. Весть о войне пришла в разгар учебы. Он получил назначение на должность командира огневого взвода 630-го легкого артиллерийского полка и в середине июля в составе 175-й стрелковой дивизии прибыл на фронт под Киев.

Уже 17 июля артиллеристам пришлось вступить в бой с фашистскими танками в полосе обороны 560-го стрелкового полка в районе села Большая Мотовиловка. Первые бои оказались самыми трудными. Враг, не считаясь с потерями, рвался к столице Украины. Комиссар 630-го легкого артиллерийского полка батальонный комиссар Анатолий Александрович Третьяков 29 июля писал жене: «Фашисты предпринимают одну за другой атаки, имея значительное превосходство в живой силе и технике. Но наши славные артиллеристы буквально в упор расстреливают танки, бронетранспортеры, пехоту противника, которого потом контратакуют наши пехотинцы...»

В те дни смертью храбрых пали многие бойцы и командиры полка. В районе Большой Мотовиловки в бою погиб начальник штаба 630-го легкого артиллерийского полка Куприян Павлович Попов. Не раз смертельная опасность грозила огневому взводу младшего лейтенанта Сабанова. Расчеты его орудий отражали яростные атаки немецких танков и пехоты у населенных пунктов Звонковое и Перевоз. Как свидетельствуют фронтовые сводки, село Звонковое трижды переходило из рук в руки. Несмотря на стойкость бойцов и командиров 175-й стрелковой дивизии, враг не раз вклинивался в ее боевые порядки, стремясь окружить и уничтожить отдельные подразделения. Не раз приходилось выбираться из сложных ситуаций артиллеристам Сабанова. Но в самых трудных случаях не было паники, сохранялась материальная часть, был крепкий боевой дух личного состава. Этому в немалой степени способствовал личный пример командира.

Но, несмотря на все опасности, которым подвергался он лично в те дни, самым трудным испытанием для него явилось отсутствие писем от жены. Все его попытки выяснить, как дела дома, были безрезультатными. Тогда и написал он письмо своему другу Шагибану, чтобы тот выяснил причины молчания жены. Оказалось, Салисина, не умея писать по-русски, стеснялась обращаться к кому-либо за помощью. Шагибан сумел ее убедить, что надо в этих случаях отбросить ложный стыд, и помог написать первое письмо мужу. В семье Сабановых до сих пор хранится ответ, который получил Шагибан с фронта: «Я выношу Вам благодарность за то, что Вы помогли моей жене написать письмо, которое я получил четвертого августа. С получением этого письма я успокоился».

Наконец-то мне удалось узнать о здоровье жены и сына...»

В открытках и письмах домой Хаути аккуратно извещал жену об отправленных ей деньгах и о том, что дела у него идут хорошо. 16 августа он сообщал: «Я жив и здоров... Абсолютно не беспокоится обо мне. Пожалуйста не жалей денег... Купи себе и Славику хорошую одежду и обувь. Какие новости в Шалушке и Лескене? Как растет наш сын?»

В каждом коротком послании — трогательная забота о том, чтобы обеспечить самым необходимым семью, решить вопрос с домом в Шалушке, если Салисина придется переезжать к родным в Лескен, и страстное желание вырастить и воспитать сына настоящим человеком. В одном из писем он писал: «Оставайся навсегда Сабановой, какие бы сообщения ни приносила почта. Не верь никаким слухам и документам о том, что я не существую, пока не получишь от меня письма...»

В сентябре связь прервалась. Салисина не могла знать, что муж ее со своими однополчанами оказался в окружении. 20 сентября 1941 года 630-й легкий артиллерийский полк подошел к переправе через Днепр. Чтобы воспрепятствовать отводу наших войск, немецкое командование бросило на переправы большие силы авиации. Артиллистам пришлось переправляться по наплавному мосту под непрерывной бомбёжкой.

Через два дня младший лейтенант Х. Х. Сабанов со своим взводом вошел в забитый войсками и беженцами Борисполь. Чтобы избежать пробок, артиллисты двинулись в обход города. Это и спасло их от неминуемой гибели, так как во второй половине дня немцы подвергли город варварской бомбардировке.

Часть 630-го легкого артиллерийского полка вырвалась на шоссе и устремилась к Яготину. Там артиллеристы принимали участие в боях по прорыву вражеского окружения. Упорные бои, в которых сражался взвод младшего лейтенанта Х. Х. Сабанова, шли в этом районе до 26 сентября. Участники тех событий вспоминают, что мелкие подразделения наших войск продолжали активные боевые действия еще и в октябре. Последний раз однополчане видели Сабанова у орудий, когда шел бой с немецкими танками на железнодорожном переезде недалеко от Яготина. Он со средоточенно и смело руководил подчиненными, спокойно отдавал команды и всем своим видом вносил порядок в ряды сражавшихся. Неизвестно, где и когда принял он последний бой, ведь из его взвода не удалось найти ни одного уцелевшего бойца. А из Центрального архива Министерства обороны пришел лаконичный ответ: «Командир взвода 630-го легкого артиллерийского полка 175-й стрелковой дивизии младший лейтенант Сабанов Хаути Хажибекирович, 1912 года рождения, пропал без вести на фронте Отечественной войны в октябре 1941 года».

Пехотинец Александр Ковалев

В ходе сбора материалов к этому сборнику пришло немало воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны с новыми яркими страницами боевой летописи и ранее безвестными именами героев.

Об одном из фактов сообщает в своих воспоминаниях Георгий Кириллович Семенов. До войны работал он на Нальчикском мясокомбинате и вместе с восемьюдесятью своими сослуживцами

был призван на военную переподготовку в Прокладненские лагеря. Из тех, кто уходил с ним на службу в армию, в живых остались двое. Служил он телефонистом роты связи 632-го стрелкового полка 175-й стрелковой дивизии. Весть о нападении фашистской Германии пришла незадолго до окончания лагерных сборов. Дивизию направили на фронт. Она принимала участие в героической обороне Киева. О том, как сражались наши земляки на Киевском направлении, чьи имена сохранила его память, подробно рассказывается в воспоминаниях ветерана.

Как известно, фашистское командование, не добившись успеха на главном направлении, осуществило прорыв нашей обороны юго-восточнее Чернигова и южнее Кременчуга, и 15 сентября 1941 года две вражеские танковые группировки соединились в районе Лохвицы Полтавской области. Войска четырех наших армий оказались в окружении. И тогда последовал запоздалый приказ оставить Киев.

Все попытки разрозненных подразделений 175-й стрелковой дивизии пробиться через вражеское кольцо окончились безуспешно. Георгий Кириллович, вспоминая те дни, назвал многих наших земляков, которые погибли или вместе с ним попали в плен: «Из района недалеко от Барышевки нас собирали и этапом погнали сначала в Киев, а оттуда — в Васильков. Тех, кто обессилел или был ранен и не мог идти, немцы пристреливали. Так что путь этот усеян трупами. Я до сих пор вспоминаю группу однополчан-кабардинцев. Их было человек сорок. Они держались очень дружно, постоянно оказывали помощь ослабевшим и по пути до Василькова не допустили, чтобы из их

группы кто-то был расстрелян. Преклоняюсь перед их сплоченностью...»

В Василькове пленных погрузили в товарные вагоны и отправили в Житомир. Там, после небольшой сортировки, основную часть пленных на машинах отправили в аэропорт Скоморохий. Немцам срочно требовалась рабочая сила для расширения взлетно-посадочных полос аэродрома. Из Германии прибыли специалисты. Это были в основном «пожилые» инженеры. Для размещения военнопленных помещений не было. Их временно решили поместить в огромные овощехранилища недалеку от аэропорта. Завезли солому. Но пошли дожди. И когда пленных загнали в эти помещения, то оказалось, что спать там было невозможно. Солома плавала на поверхности воды. Пленные стояли по колено в воде, тесно прижавшись друг к другу, чтобы не замерзнуть. А утром их погнали на работу. По взлетной полосе прохаживались инженеры с плетками в руках. Плетки у них были четырехгранные, особой прочности. Удар такой плеткой рассекал не только одежду, но и кожу.

«...Среди пленных сначала шел ропот, — вспоминал Георгий Кириллович, — потом начались открытые призывы к саботажу. Производительность труда падала не только потому, что находились мы в нечеловеческих условиях, но и в результате проводимой среди пленных агитации. Немцы это поняли и решили провести ряд устрашающих акций. Одна из них запомнилась мне на всю жизнь. Рано утром 9 ноября 1941 года, до того как отправиться нам на работу, в металлической клетке был доставлен один из пленных без одежды. А уже было морозно.

Клетку установили на пути нашего следования, подвели пожарный рукав, подключили бранд-

спойт и направили мощную струю холодной воды на заключенного в клетке парня. Зрелище было жуткое. Пленный изо всех сил пытался устоять на ногах, призывал нас не падать на колени перед захватчиками, не помогать им, а уничтожать их. Удары воды валили его, прижимали к противоположным прутьям решетки. Но фашисты не успокаивались, заходили с другой стороны и продолжали свое страшное испытание. Уже сосульками покрывалась решетка, а пленного все обливали холодной водой. У меня от бессилия темнело в глазах. Казалось, еще миг — и я упаду в обморок. Именно тогда и пришло твердое решение: бежать из плена, а если не удастся, наложить на себя руки. Мне очень хотелось узнать имя парня, которого фашисты подвергли жестокой казни. Но никто из моих однополчан не знал его.

А к вечеру, когда мы возвращались с работы, я бросился в кусты у дороги, ожидая автоматной очереди в спину. Но конвой, наверное, прозевал мое исчезновение. Конечно, решиться на побег меня побудило мужественное поведение парня, который погиб в лагере Скоморохи. И все эти годы очень сожалею, что так и не узнал его имени...»

Эта история получила неожиданное продолжение. Другой ветеран 175-й стрелковой дивизии, Андрей Петрович Лобанов, вместе со своими воспоминаниями передал мне книгу «Письма героев обороны Киева», изданную в 1984 году на Украине. Знакомясь с книгой, я, естественно, больше всего внимания уделил тем публикациям, которые были связаны с судьбами бойцов и командиров 175-й стрелковой дивизии. Из книги стало известно, что пленным, которого замучили фашистские палачи в лагере Скоморохи, был уроженцем города Прохладного, командир взвода 560-го стрел-

кового полка 175-й стрелковой дивизии младший лейтенант Александр Васильевич Ковалев.

В книге приведены его письма родным, песня, присланная им с фронта и бережно хранимая в семейном архиве, краткая биография героя. Родился он в 1917 году. Учился в одной из школ Прохладного. Работал на ремонтном заводе. Старожилы города помнят этого общительного и крепкого парня, отличного спортсмена и стрелка. В армию пошел он охотно. Закончил полковую школу и получил назначение на должность командира отделения 560-го стрелкового полка. Закончилась кадровая служба, и наш земляк согласился остаться на сверхсрочную службу. Был старшиной роты. А тут война...

В период боев в районе Большой Мотовиловки Васильковского района Киевской области нашему земляку было присвоено звание младшего лейтенанта и он был назначен на должность командира стрелкового взвода. Не раз отличался в тех трудных боях. Пользовался заслуженным авторитетом за смелые и решительные действия в сложной боевой обстановке.

После того как наши войска оставили Киев, ему пришлось принимать участие в кровопролитных боях при попытке вырваться из вражеского окружения. Раненным попал он в плен. Не успел к тому времени младший лейтенант обзавестись комсоставской формой, а то направили бы его в другой лагерь. Только желание продолжить борьбу с ненавистным врагом позволило ему выжить в труднейших условиях перехода в Васильков. Когда пленные прибыли в Скоморохи, младший лейтенант Ковалев не склонил головы перед врагами. Он всеми силами пытался дезорганизовать работы по расширению аэропорта, вел агитацию

среди военнопленных, чтобы саботировать мероприятия лагерного начальства. Не раз Александра жестоко избивали. Но он ни разу не дрогнул, даже тогда, когда враги учинили над ним жестокую расправу. Он умер, не попросив у фашистов пощады. Об отважном воине помнят его земляки. Имя героя известно. Вечная ему слава!

Продолжение подвига

Всего две недели пришлось воевать на Киевском направлении выпускнику Сталинградского военно-политического училища младшему политруку Хазраилу Хапашевичу Огурлиеву. В период ожесточенных боев в районе Большой Мотовиловки, а затем при отходе в Киевский укрепленный район, ему не раз приходилось поднимать в атаку бойцов 9-й роты 560-го стрелкового полка.

Мне доводилось встречаться и беседовать с Хазраилом Хапашевичем. Остались добрые воспоминания об этом скромном, а порой даже застенчивом человеке, когда заходила речь о его ратных подвигах.

— За месяц до окончания Кабардино-Балкарского педагогического института,— рассказывал он во время одной из встреч,— стал я комсомольским работником, был избран секретарем Нальчикского горкома комсомола. Кстати, эта строка в моей трудовой биографии окончательно определила и военную специальность. Пришлось двенадцать лет посвятить партийно-политической службе в армии. Политруком роты вступил в бой под Киевом. Потом был Макеевский госпиталь. Из него направили на должность ответственного секретаря комсомольского бюро полка 60-й стрелковой дивизии, которая участвовала в обороне Москвы. Потом стал комиссаром стрелкового ба-

тальона, а когда упраздили институт комиссаров, направили меня на учебу в Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Позже воевал на Третьем Белорусском фронте и участвовал в разгроме милитаристской Японии. В Порт-Артуре служил до 1952 года. После увольнения в запас находился на партийной и советской работе..

Так спокойно, несколькими фразами изложил он свою фронтовую биографию. А ведь не каждый участник обороны Киева воевал и под Москвой. Под Высокиничами комсорг полка Огурлиев удостоился медали «За отвагу». Были бои в Восточной Пруссии, за которые нашего земляка наградили орденом Красного Знамени. А до конца войны стал он и кавалером ордена Отечественной войны I степени.

Где бы в послевоенные годы ни трудился Хазраил Хапашевич, заветной его мечтой было воздать дань памяти подвигу однополчан, с которыми ему суждено было вступить в первый бой с врагом. Хотелось установить имена бывших героев, отдавших жизни на Киевском рубеже. Он приложил немало сил, чтобы собрать сведения об уцелевших бойцах и командаирах 175-й стрелковой дивизии, проживающих в Кабардино-Балкарии, оказывал большую помощь бывшему комиссару Киевского укрепленного района Иллариону Федоровичу Евдокимову, который собирал материал для книги «Сыны Кабардино-Балкарии в героической обороне Киева».

Он явился инициатором по организации совета ветеранов 175-й стрелковой дивизии и до конца дней своих выполнял нелегкие обязанности председателя бюро этого совета. Ему пришлось столкнуться с решением целого ряда сложных проблем. Ведь не все однополчане, кто побывал в фашист-

ском плену, шли на контакт с советом. У некоторых сложился стереотип еще с тех времен, когда военнопленных считали чуть ли не предателями. Сколько пришлось потратить сил и энергии Хазраилу Хапашевичу на то, чтобы собрать в семейных архивах подлинные документы о невернувшихся с войны героях. Все материалы он передал Иллариону Федоровичу Евдокимову, который готовил к изданию еще одну книгу о боях на Киевском направлении. К сожалению, реализовать задуманное не удалось. Илларион Федорович ушел из жизни, и собранные им материалы были переданы в мемориальный комплекс «Украина в Великой Отечественной войне».

Не раз бывал Хазраил Хапашевич на местах былых боев, искал свидетелей минувших сражений, людей, которые спасли жизни многим однополчанам. Обходил места братских захоронений и постоянно искал на памятниках имена наших земляков. Посещал музей боевой славы 175-й стрелковой дивизии, который создан в одной из киевских средних школ.

Ушли из жизни ветераны дивизии братья Адиль и Бад Блиевы, нальчанин Петр Григорьевич Кошелев и многие другие. Но память о них сохранилась благодаря неутомимому труду Хазраила Хапашевича Огурлиева. Не все успел он сделать. Помнится, пытался получить сведения о боевых подвигах уроженца Нижней Жемталы Ауеса Цуккулиевича Дугурлиева, представленного к награждению орденом Красного Знамени. Остались невыяснившими судьбы братьев Шихатгери Бицуевича и Матгери Бицуевича Озермеговых, братьев Аслангери Битовича и Хатгери Битовича Сеновых и других. Не все удалось. Но вся послевоенная деятельность Х. Х. Огурлиева — продолжение подвига.

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ АЛИЕВ,
журналист

ПО СЛЕДАМ ФРОНТОВОЙ ФОТОГРАФИИ

С этой историей познакомил меня еще в 1980 году ветеран Великой Отечественной войны, бывший военком Майского района Емельян Григорьевич Лукавченко. Он многие годы собирал свидетельства героических подвигов майчан в годы войны, чтобы увековечить их память.

В период боев на территории Кабардино-Балкарии населенные пункты Майский и Пришиб не раз подвергались бомбежке вражеской авиации. Во время одного из налетов бомба угодила в подвал дома Григория Николаевича Павловского, где укрывались его жена и дочь. Разбирая обломки, чтобы извлечь тела погибших, жители станицы Пришибской обнаружили в подвале фотографию, на которой были запечатлены в военной форме односельчане Георгий Васильевич Филиппов, Григорий Николаевич Павловский и Георгий Иванович Писенко.

После войны этот снимок оказался у Емельяна Григорьевича Лукавченко, и ему удалось выяснить, что сфотографированы были земляки в дни героической обороны Киева. Я в ту пору работал в редакции районной газеты «Ленинский путь», и Емельян Григорьевич попросил меня рассказать о том, при каких обстоятельствах появился этот снимок и как сложились судьбы запечатленных на нем воинов.

...Первая пулеметная рота первого батальона 632-го стрелкового полка 175-й стрелковой диви-

зии была почти полностью укомплектована из жителей поселка Майского и станицы Пришибской. За короткое время лагерных сборов командир батальона капитан Г. М. Маженков убедился, что майчане и пришибцы — хорошие солдаты.

Когда дивизия прибыла под Киев, 632-й стрелковый полк занял оборону у населенных пунктов Жерновка и Княжичи. Бойцы рыли окопы, наводили маскировку и прислушивались к приближавшейся с юго-запада канонаде.

Утром мимо окопов батальона Г. М. Маженкова начали двигаться небольшие группы раненых бойцов. Потом сплошным потоком пошли отступавшие подразделения. Последовал приказ: прикрыть отход наших войск, сдержать вражеское наступление и укрепить подступы к столице Украины с юга.

Противник, окрыленный успехом, решил с ходу сломить нашу оборону и прорваться к Киеву. Но, натолкнувшись на стойкость 175-й стрелковой дивизии, вынужден был вносить корректизы в свои планы.

Ночью немцы обошли оборону 632-го стрелкового полка. Приказ на отход запоздал. Пришлось на узком участке сосредоточить силы, нанести удар и выйти к главным силам дивизии. Прорыв должны были прикрыть пулеметчики взвода, где служили наши земляки.

Сначала события развивались успешно. Удар оказался неожиданным для противника. С его стороны организованного отпора не было. Поэтому главным силам полка удалось выйти из окружения. Но пулеметчикам, прикрывавшим отход, выйти не удалось. Враг подтянул силы из резерва, и кольцо замкнулось. Тогда командир взвода

разбил его остатки на мелкие группы и приказал каждой вырываться из окружения самостоятельно. Одну из таких групп возглавил помощник командира взвода Георгий Филиппов. В нее вошли пулеметчики Григорий Павловский и Георгий Пинченко.

Короткими перебежками они сумели с тяжелым «максимом» добраться до ближайшего леска. На опушке их, обессиленных от бега, почти настигли вражеские автоматы. Тогда они развернули пулемет и ударили по приближавшейся цепи. Немцы сначала залегли, а потом стали медленно отползать из зоны огня. Пулеметчики углубились в лес и там немного передохнули. Ночью вышли они к широкому полю. Укрыться было негде. Тогда и решились земляки на отчаянный шаг: пересечь поле. С пулеметом двигаться было очень трудно. Полю, казалось, не было конца. Но они упорно двигались на северо-восток. Фашисты часто пускали осветительные ракеты. И пока в небе висела «свеча», пулеметчики припадали к земле, чтобы не выдать своего местонахождения. Когда забрезжил рассвет, их остановил окрик:

— Куда путь держите, славяне?

Тут только они заметили, что находятся недалеко от неглубоких окопчиков, в которых скрывалось около двадцати красноармейцев. Как оказалось, это были их однополчане, выходившие из окружения. Филиппов на правах старшего по званию принял командование на себя и уточнил обстановку. Как сообщили ему красноармейцы, совсем рядом, в небольшой лощине, находилась еще одна группа наших бойцов, которые накануне не смогли пробиться к основным силам. Филиппов объединил две группы и привел их к небольшой

роще, где занимали огневые позиции зенитчики дивизии, не успевшие выйти из окружения. К ним потянулись и другие разрозненные группы. Когда пулеметчики встретились с зенитчиками, то выяснилось, что среди окруженцев оказался их земляк — Николай Шинкаренко. Они решили держаться вместе и условились: кому удастся вырваться из окружения и уцелеть, сообщить родственникам о судьбах остальных.

Едва рассвело, как на оборону окруженцев противник обрушил шквал огня, а потом в атаку пошли автоматчики. Оборонявшиеся открыли ружейно-пулеметный огонь, потом ударили зенитки. Враг откатился. Перегруппировав свои силы, он снова попытался добиться успеха. Но и эта атака была отбита. Тогда на рощу двинулись танки. Пять бронированных машин с черными крестами на небольшой скорости приблизились к роще и открыли огонь из орудий и пулеметов. Казалось, еще мгновение, и танки гусеницами раздавят обронявшихся. Но снова ударили зенитки, и над двумя танками заклубился черный дым. А еще через некоторое время зенитчики подожгли и остальные. Фашистские автоматчики сначала попятились, а потом бросились наутек.

Но этим не закончился бой. В небе появились вражеские самолеты. Они медленно развернулись, а потом начали пикировать на рощу. И вновь блеснули своим мастерством зенитчики. Они, как на учениях, ударили по фашистским стервятникам, и те, беспорядочно сбрасывая свой смертоносный груз поспешно скрылись.

Тринадцать часов отбивал яростные атаки фашистов гарнизон рощи в районе шоссе на Белую Церковь. В одной из атак вражеская пуля сразила Николая Шинкаренко. Кончались снаряды у зе-

нитчиков, почти без боеприпасов оставались пехотинцы. Без пищи вторые сутки сражались с фашистами окружёнцы. И когда на землю спустились сумерки, последовала команда приготовиться к отступлению. Снова пришлось рассредоточиться на небольшие группы и, ориентируясь на сполохи взрывов и осветительные ракеты над передним краем, двигаться к нему. Несколько раз попадались вражеские заслоны, но после коротких схваток они уничтожались и движение продолжалось.

Перед рассветом вышли к большому болоту. Немцы считали его непроходимым, поэтому и не прикрывали. Группа Филиппова решила идти первой. Осторожно нащупывая дно длинным шестом, сержант вел за собой земляков и присоединившихся к ним нескольких бойцов. Нередко проваливаясь по грудь в трясину, он упорно находил возможность продвигаться дальше. Сменяя друг друга, бойцы несли на себе пулемёт.

Откуда только силы брались? После стольких бесконечных ночей, после таких кровопролитных боёв в состоянии непрерывного голода — они упорно продвигались вперед. Но вот уже дно стало потверже, отступила вода. В конце измученные изнурительным переходом они молча свалились на землю, от которой, казалось, оторвать их нельзя было никакими силами. Но требовалось выяснить, куда же они вышли? Филиппов ползком обследовал окрестности. Ни души!

Приближался рассвет. Оставаться у болота не было смысла. Тогда решили они сместиться на восток, к видневшемуся в предрассветной мгле лесу. Шатаясь от усталости, двинулись они в выбранном направлении. Из-за невысокого кустарника их остановил резкий окрик:

— Стой! Руки вверх! — И два красноармейца в вылинявших гимнастерках вышли им навстречу.

От волнения и радости, от всего пережитого у пулеметчиков не было сил, чтобы ответить. К горлу подступил комок, на глазах выступили слезы. Они плакали от радости, что удалось выйти к своим. Оказалось, попали они в расположение одного из полков 175-й дивизии. Их накормили, дали возможность привести себя в порядок и отдохнуть.

Когда капитану Г. М. Маженкову доложили о прибытии пулеметчиков, он не поверил. Ему прекрасно была известна обстановка, в которой оказался пулеметный взвод. Поэтому комбат тут же встретился с Филипповым, Павловским и Писенко, спросил их о сложившейся ситуации после отхода главных сил полка, о том, как им удалось выбраться из окружения. Потом доложил об их выходе в штаб полка. Вскоре в батальон пришел комиссар полка Г. П. Пираторов. Он обнял отважных пулеметчиков, выразил им благодарность и попросил пройти на огневой рубеж.

— Знаете, — предложил он, — я хочу сфотографировать вас у родного пулемета. Поэтому наденьте каски, а ты, Филиппов, возьми мой бинокль и сделай вид, что наблюдаешь за противником. А вы приготовьтесь к стрельбе...

Так появился снимок, который и был выслан в Пришибскую. А в следующем бою погиб Георгий Иванович Писенко и были тяжело ранены Георгий Васильевич Филиппов и Григорий Николаевич Павловский. Случилось это в августе 1941 года...

**ИЛЛАРИОН ФЕДОРОВИЧ ЕВДОКИМОВ,
комиссар Киевского укрепрайона**

ПОДВИГИ ПУЛЕМЕТЧИКОВ

Когда возникла необходимость отвести главные силы 632-го стрелкового полка на левый берег Ирпени, особое задание получили пулеметные расчеты Ф. Н. Маркова и А. М. Хоконова. Бывший рабочий Нальчикской кондитерской фабрики Марков в период боев в районе Жерновки уничтожил со своим расчетом семь огневых точек и снял трех немецких «кукушек», которые вели огонь по нашим бойцам с крыш домов.

И вот теперь, при отходе батальона, Марков получил приказ огнем своего пулемета сдерживать противника, дав возможность подразделениям отойти на следующий рубеж. Марков со своим вторым номером выбрал огневую позицию, замаскировав ее, и оттуда увидел, как группа немецкой пехоты начала быстро передвигаться, стремясь отрезать путь отхода ротам нашего батальона. Метким огнем Марков заставил лечь немецких солдат, многие из которых уже не поднялись.

Затем он был замечен немцами, которые открыли по нему огонь. Но, быстро заменив ленту, Марков продолжал стрелять, не замечая усиливающегося свиста вражеских пуль, не замечая того, что немецкие солдаты все ближе и ближе подбираются к нему.

И только тогда, когда погиб второй номер, а сам он получил ранение в левую ногу, Марков заметил подползших к нему фашистов. «Не отдашь своей жизни, гады!» — стиснув зубы, прощептал он и продолжал поливать врага огнем своего пулемета. Последнее, что испытал в своей

жизни отважный пулеметчик Марков,— это чувство радости от того, что ему удалось задержать противника и обеспечить отход батальонов полка. За этот героический подвиг смелый советский воин командованием дивизии был представлен посмертно к награждению орденом Ленина.

Не меньшую отвагу и героизм проявил и другой пулеметный расчет старшего сержанта А. М. Хоконова. Вместе с ним сражался вторым номером рядовой И. М. Лаптев, до войны работавший на одном из предприятий в городе Череповце. С ним у Хоконова установилась крепкая боевая дружба, как говорил командир батальона капитан Бедусенко: «Хоконов с Лаптевым сработались отлично».

И когда роты батальона получили приказ отойти на новые оборонительные рубежи, перед расчетом Хоконова была поставлена задача их прикрытия. Выполняя ее, Хоконов и Лаптев стали совершенствовать огневую позицию, определять ориентиры и расстояния до них, чтобы при приближении противника вести прицельный огонь.

— Я пойду выберу запасные огневые позиции,— предложил Лаптев, повернувшись к Хоконову.

— Хорошо, давай скорее,— согласился Хоконов.

День выдался жаркий. Медленно движущиеся облака изредка скрывали солнце, что создавало лучшую видимость. В общем грохоте взрывов, трескотне пулеметов и автоматов все отчетливее доносился гул боя на левом фланге. Там противник стремился вклиниваться в стык между 632-м и 728-м стрелковыми полками. Хоконов всматривался вдаль и видел, как, то в рост, то пригибаясь, немецкая пехота цепью движется по пшеничному полю.

Повернув пулемет влево, Хоконов открыл неожиданный огонь по противнику. Подбежал Лаптев и лег у пулемета, поправляя ленту. Не стало видно ни одного немецкого солдата, упали не только убитые и раненые, но и оставшиеся в живых, прижатые к земле метким огнем пулемета Хоконова.

— Фриц нас уже заметил, давай теперь пулемет переместим на запасную позицию,— предложил Хоконов и, маскируясь, быстро перебрался на новое место.

— Вот хорошо, что вовремя убрались,— сказал Лаптев, когда увидел, что немецкие мины рвутся там, откуда они только что ушли.

Установив пулемет, Хоконов и Лаптев начали наблюдение за противником. Вражеские мины продолжали рваться в районе их прежней огневой. Но вот стихли разрывы, и пулеметчики вновь увидели немецкую пехоту, короткими перебежками приближавшуюся к ним. Улучив момент, Хоконов открыл огонь. В меткости своей стрельбы он не сомневался, да и видно было, как падали вражеские солдаты, но остальные продолжали двигаться вперед, как ни в чем не бывало.

«Что они, пьяные, что ли? Стреляю метко, видно же, падают, а они все лезут»,— думал он про себя, продолжая вести огонь.

Но когда расстояние сократилось до 200—250 метров, противник не выдержал и прижался к земле, а пулемет Хоконова продолжал поливать врага свинцовыми огнем.

В этот момент к пулеметчикам приполз связной и сообщил:

— Отходите метров на 100—150, там для вас подготовлен новый огневой рубеж, туда доставле-

ны три коробки патронов. Там приказано сдержать фрицев до получения нового указания комбата.

По залегшим перед пулеметчиками целям врача открыли огонь наши минометчики. В этот момент, где ползком, где перебежками, они отошли на новую позицию. И как только немцы предприняли очередную атаку, Хоконов и Лаптев снова открыли губительный огонь и вынудили их залечь. Еще дважды пришлось расчету менять позицию, двигаясь за отходящим батальоном.

На одной из огневых позиций по пулеметному расчету начал пристреливаться вражеский крупнокалиберный пулемет. Пули не давали возможности вести наблюдение за перемещением противника.

— Где, по-твоему, этот чертов пулемет? — спросил Хоконов Лаптева. — Не за тем ли бугорком?

— По-моему, да... — подтвердил Лаптев.

— А сколько до него метров?

— Метров 400—500...

— Да, пожалуй, так, — согласился сержант, а затем тщательно установил расстояние на прицельной планке и, прильнув глазом к прорези на ней, открыл огонь. Дуэль продолжалась недолго. Вражеский пулемет замолк. Зато фашистские автоматы за это время сумели продвинуться к нему на довольно близкое расстояние.

— По этим ясно видимым фигурам фашистов я веду огонь с какой-то особой злостью. Я не стреляю, а как-то втихомиду каждую пулю во врага, ощущая внутреннюю радость от того, что вижу, как падает сраженный моей пулей враг, который пришел грабить нашу страну, убивать наших женщин и детей, — рассказывал потом Хоконов.

Усталые, пыльные, грязные и потные, пулеметчики Хоконов и Лаптев к вечеру присоединились к своей роте.

Отличным пулеметчиком был рядовой Е. К. Дерновой, до войны работавший арматурщиком на Докшукинском спиртзаводе. В одном из боев, прикрывая отход батальона на новый оборонительный рубеж, Дерновой занял выгодную огневую позицию.

Лежа за пулеметом, Дерновой увидел, как немецкие солдаты, поднявшись во весь рост, двигались прямо на него. Меткий огонь пулемета Дернового заставил их лечь на землю, тут же немцы открыли по нему ответный огонь. Но как только пулеметный обстрел стих, Дерновой со своим вторым номером быстро переменил огневую позицию и продолжал метко разить врага. И немцы не оставались в долгу. Обнаружив новую огневую позицию отважных пулеметчиков, они обрушили на них массированный огонь своих пулеметов и минометов. Вскоре был ранен второй номер, и Дерновой приказал ему отползти в безопасную зону и присоединиться к роте.

А сам в третий раз сменил огневую позицию и снова открыл по наступающим немцам огонь. Не прошло и десяти минут, как Дерновой увидел двух немецких солдат, укрывшихся за небольшим холмиком, которые по всем признакам намеревались захватить его в плен. Дернув за чеку гранату, Дерновой вскочил во весь рост и метнул ее в немецких солдат. А сам, схватив ручной пулемет, быстро нырнул в кусты и, используя естественные укрытия, побежал в сторону отошедшей роты.

— Когда я догнал роту, только тогда почувствовал, как устал. Левая ладонь сильно болела от

раскаленного ствола пулемета,— рассказывал потом Дерновой...

За героизм и отвагу, проявленные в этом и других боях, рядовой Дерновой был представлен к высшей правительственной награде — ордену Ленина.

Из книги И. Ф. Евдокимова «Сыны Кабардино-Балкарии в героической обороне Киева».

*ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ РУСИН,
сержант 632-го стрелкового полка*

СПАСАЯ ПОЛКОВУЮ СВЯТЫНЮ...

Как и многих моих земляков, в 175-ю стрелковую дивизию меня привел призыв на переподготовку. Было это весной 1941 года, когда по повестке Терского райвоенкомата я явился в Прокладненские военные лагеря. Вместе со мной из нашего района туда прибыли Джабир Гоников, Михаил Краснухин, Мухамед Тхайцухов, Мухарбек Каствуев, Хаждаут Уначев, Леля Фашмухов и другие, фамилии которых за давностью выветрились из памяти. Меня и названных земляков зачислили в первый взвод первой роты третьего батальона 632-го стрелкового полка. Нас знакомили с новым вооружением, мы зубрили уставы и наставления, совершали марш-броски, учились метко стрелять. Наше армейское обмундирование по-рядком пропиталось солдатским потом. Сборы завершились, когда грянула война...

Хорошо помню, как грузились мы в железнодорожные эшелоны на Шардановском разъезде,

как нас провожали родные и близкие. Прошло дней двадцать войны, когда мы прибыли под Киев. Откровенно говоря, никому из нас не верилось, что гитлеровские войска так близко подошли к столице Украины. Когда выгрузились, начался форсированный марш. Уже потом выяснилось, что дивизия вошла в состав 64-го стрелкового корпуса, прикрывавшего юго-западные подступы к Киеву.

Мы вышли к городу Василькову, сбили вражеский заслон на берегу реки Ирпень и даже сумели переправиться через нее, захватив на западном берегу небольшой плацдарм. Как говорили нам командиры, с этого плацдарма развернется наступление на Фастов. Но противник подтянул свежие силы и вынудил нас оставить захваченный плацдарм. Две недели велись упорные кровопролитные бои на берегах Ирпени. На нашу оборону враг обрушивал шквалы артиллерийского и минометного огня, непрерывно бомбил. Но мы держались.

В конце июля враг ввел в бой танки и нанес концентрированный удар на стыке нашей и соседней дивизий. Создалась реальная опасность окружения. Мы вынуждены были оставить Васильков и отойти к Боярке и Тарасовке. В те дни мы потеряли многих боевых товарищев. Вокруг столицы Украины сооружались мощные оборонительные рубежи, в чем участвовали сотни тысяч киевлян, и никто и предполагать не мог, что враг рискнет на далекий обход Киевского укрепленного района. В первых числах августа полки дивизии заняли оборону в его южном секторе. Все попытки врага развить успех наступления разбивались на этих рубежах благодаря стойкости защитников. Две недели шли упорные бои. Из событий

той поры больше всего запомнился один случай.

Для уточнения обстановки командование требовало сведений о противостоящих нам силах. Поэтому на каждом из участков обороны усиленно велись разведпоиски, проводилась разведка боем, засылались группы в тыл противника для захвата «языков». 14 августа 1941 года выпала такая задача и нашему отделению. Нас ознакомили с маршрутом, по которому следовало пересечь передний край, определили ориентиры, где можно было вести поиск. Когда стемнело, саперы провели группу через минное поле. На случай, чтобы мы на обратном пути не подорвались на своих же минах, ими были расставлены вешки. Предпринимая все меры предосторожности, примерно через час мы вышли к шоссейной дороге на Боярку. Ждать, что кто-нибудь из немцев будет двигаться ночью по шоссе, было маловероятным. Поэтому, когда в кювете обнаружили телефонный провод, мы решили идти по нему до ближайшего промежуточного пункта, где можно взять дежурного телефониста. Решение оказалось верным. Телефонный кабель привел к землянке, в которой бодрствовал один телефонист, а двое отдыхали. Чтобы не поднимать шум и стрельбу, решили брать живыми всех троих. Навалились, отключили телефон, связали всех, заткнули рты кляпами и, захватив полевую сумку, висевшую над телефоном, выволокли «добычу» из землянки. Конечно, тащить такой груз до переднего края было делом рискованным. Вместе с тем было заманчиво доставить сразу три «языка». Принимая все меры предосторожности, мы двинулись в обратный путь. Хоть августовские ночи коротки, сумели благополучно добраться до переднего края раньше, чем немцы обнаружили исчезновение своих

связистов. Несмотря на выставленные вешки, у края минного поля нас поджидали саперы.

Как только спустились мы в окопы боевого охранения, в том месте, где орудовала наша группа, в небе появились ракеты, поднялась автоматная и пулеметная стрельба, засветились ниточки трассирующих пуль. Но было уже поздно. Мы находились в безопасности. Когда достигли командного пункта батальона, увидели, что один из захваченных «языков» — офицер. «Улов» оказался стоящим. Захваченные дали очень ценные сведения о силах и дислокации противостоящей нам вражеской группировки. Но и они не знали о готовящемся окружении Киевской группы наших войск...

Нас не забыли; объявили всем благодарность за успешное выполнение боевого задания. Говорили, что даже представили к награждению. Но обстановка, которая вскоре сложилась на нашем участке фронта, не позволила нам получить эти награды.

Еще месяц продолжались бои в Киевском укрепленном районе, но врагу так и не удалось прорвать нашу оборону. Мы уже думали, что он начал выдыхаться и недалек тот час, когда начнем гнать его с нашей земли. И именно в это время пришел приказ на отход. Мы уходили из Жулян, не понимая, что происходит на фронте. Потом, уже за Днепром, поползли слухи, что нас окружили. Сначала мы этому не поверили. Но вскоре все оказалось гораздо серьезнее, чем можно было предполагать.

Сначала нарушилась связь с вышестоящими штабами, потом прекратилось материально-техническое снабжение, наконец, самую большую тревогу вызвала неясность обстановки. И все же,

даже в том, казалось бы, безвыходном положении, находились смельчаки, которые брали на себя ответственность за сколачивание групп для прорыва вражеского кольца и выхода из окружения.

В нашем полку таким человеком оказался младший лейтенант Марченко, уроженец Прохладненского района. К великому огорчению, я забыл его имя. Он собрал группу числом около трехсот красноармейцев и младших командиров. В группе все знали, что он не просто возглавлял наш отряд. Под его прожженной гимнастеркой на шла святыня — полковое Знамя.

Нам пришлось пройти болотами и лесами сотни километров, не раз принимать бой с небольшими вражескими группами, уходить от преследования и находить хоть какое-то пропитание. Мы теряли боевых товарищев, но пуще глаза берегли своего командира со Знаменем. Долгий путь внутри вражеского кольца привел передевшую группу в район города Изюм на Харьковщине. Сначала до нашего слуха донесся гул недалекого боя, потом выяснилось, что мы приблизились к прифронтовой полосе. Началась подготовка к прорыву. Наш командир уточнил место предполагаемойочной атаки и в последний раз собрал младших командиров.

— Если мне не суждено будет пробиться, — говорил он, — и вражеская пуля сразит меня, то полковое Знамя должен взять сержант Русин. Все ляжем, но полковую святыню не отдадим врагу.

Он как будто предчувствовал, что на этих последних метрах оборвется его жизнь. Во время атаки сразила его вражеская пуля.

— Прикрывайте! — крикнул я бойцам, а сам кинулся к Марченко.

Сначала я подумал, что нам удастся вынести командира. Но враг усилил огонь, и мне не оставалось ничего другого, как поднять гимнастерку боевого друга и извлечь из-под нее полковое Знамя, обагренное кровью нашего командира. Времени на то, чтобы далеко спрятать Знамя, не оставалось. Я свернул его и затолкал за пазуху. Требовалось освободить руки, чтобы они могли держать винтовку. Потом что есть силы крикнул: «Вперед!» — и первым поднялся в атаку. Меня окружила цепочка бойцов, и мы устремились к вражеским окопам. Видимо, не столько огонь из наших винтовок, сколько решимость готовых на все красноармейцев устрашила врага, и мы прорвались. Ведь в эту последнюю атаку мы шли похожие на привидения. Наше обмундирование было в грязи и изорвано. От недоедания и непрестанного движения все мы высохли, лица заросли. Поэтому наш отчаянный бросок ошеломил противника и позволил нам выйти из окружения. Вышло нас всего 92 человека. Всем требовался отдых, а большинству — лечение. Поэтому после короткой проверки нас отправили в Армавир. Там я передал полковое Знамя представителю Северо-Кавказского военного округа. Нас же отвезли в Новороссийск и разместили в доме отдыха моряков. После перенесенных испытаний мы оказались в райских условиях. Нам дали возможность подлечиться и окрепнуть. Так завершилась моя служба в 632-м стрелковом полку 175-й стрелковой дивизии.

Вскоре на Северном Кавказе началось формирование 203-й стрелковой дивизии. Меня направили служить в 592-й стрелковый полк, в составе которого довелось воевать на Среднем Дону, захватывать плацдарм, с которого наши войска шли

на окружение вражеской группировки под Стalingрадом. Был тяжело ранен, но после госпиталя снова вернулся на фронт и воевал уже минометчиком до последнего залпа Великой Отечественной войны. Награжден орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды и Славы III степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Киева», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги» и другими.

После войны вернулся в родной Терек и по мере сил своих трудился до пенсии.

*МУШТАФАР СУЛТАНОВИЧ АФАШАГОВ,
доцент Кабардино-Балкарского
госуниверситета*

О МОЕМ ОТЦЕ

Наш дед, Мухамед Афашагов, имел большую семью, вырастил и воспитал семерых детей: четырех дочерей и троих сыновей. Мой отец, Султан, в семье был младшим. С тех далёких времен, о которых помнили наши предки, жили Афашаговы в селении Кызбурун I Баксанского района.

Так уж сложилось, что в крестьянских кабардинских семьях детей рано приобщали к нелегкому хлеборобскому труду, каждый получал навыки сеять и убирать хлеб, пасти и ухаживать за коровами и овцами, седлать и запрягать лошадей раньше, чем овладевать грамотой.

На заре колLECTивизации в Кызбуруне I был организован колхоз, которому почему-то дали название «Индустриализация». Помнится, еще на школьной скамье у многих из нас возникал вопрос:

а почему все же нашему колхозу придумали такое имя? И мы находили тому объяснение. Кабардинское селение Кызбурун I стало первенцем строительства на территории Кабардино-Балкарии крупного объекта гидроэнергетики — Баксанской гидроэлектростанции.

В ту пору в наше село приезжало немало специалистов с семьями из различных уголков страны. Не для всех прибывавших специалистов было готово жилье. Многие семьи селились в домах наших односельчан. В частности, в нашем доме квартировала семья Сухоставцевых. Отец часто беседовал с главой семьи, интересовался тем, где приходилось бывать, какие объекты сооружать, как будет выглядеть наша электростанция.

Мы знакомились с представителями многих народов нашей страны, с укладом их жизни. Учились и дружили с мальчишками и девчонками разных национальностей. Быстро расширялся наш кругозор, мы узнавали много такого, о чем не в каждой книжке можно было прочитать. В школу нередко наведывались специалисты, которые руководили строительством гидроэлектростанции. Рассказывали о своем призвании, о пути к высотам професионализма. Это сыграло определенную роль для многих из нас в выборе специальности.

С момента организации колхоза в селе отец был сначала рядовым колхозником, потом счетоводом, наконец, заведующим молочнотоварной Фермой. Сколько я помню, он всего себя отдавал нелегкой работе в животноводстве. Колхозники, в том числе и отец, активно помогали строителям Баксанской ГЭС.

В мае 1941 года отца призвали на лагерные сборы. Они проводились на базе Прохладненских военных лагерей. Срок сборов был небольшим, к

началу уборки хлебов многие надеялись вернуться к местам своей работы. Но незадолго до окончания сборов грянула война. Участников сборов зачислили в штаты 175-й стрелковой дивизии, на базе которой проводились сборы, и в начале июля направили на фронт. Из писем отца знали мы, что воевать ему пришлось под Киевом. В нескольких фронтовых треугольниках, которые мы получили, он писал: «Шлю всем горячий привет! Я жив и здоров. Бьем беспощадно врага нашего народа. Воюю и живу надеждой на встречу с родными после победы...»

Воевать, однако, ему пришлось недолго. Мне хорошо помнится этот пасмурный сентябрьский день 1941 года, когда в дом пришла похоронка. Прошли многие годы, а я почти дословно помню ее: «...Ваш муж, Афашагов Султан Мухамедович, 1908 года рождения, уроженец с. Кызбурун I Баксанского района, находясь на фронте, пал смертью храбрых в боях за Родину...» Дальше следовала дата гибели и сообщение о том, что настоящее извещение является основанием для назначения пенсии.

Мать долго не могла поверить этому документу. Надеялась на чудо. Кто-то сообщил ей, что из госпиталя вернулся наш земляк, который на фронт уходил вместе с отцом. Это был житель селения Камлюко. К сожалению, фамилия его выпала из памяти. Мать быстро собралась и поехала на встречу с ним. Надежда умирает последней. Ей очень хотелось думать, что извещение прислано по ошибке. Нашла она этого человека. Слушала его рассказ о кровопролитных боях под Киевом, выяснила, что он ходил в бой вместе с отцом, что служили они в одном отделении. Но когда наш земляк получил ранение и его отправили в мед-

санбат, наш отец оставался живым и невредимым. А что было дальше, он не знал...

Уже позже, в конце июля, немцы предприняли решительный штурм обороны 175-й стрелковой дивизии, чтобы с юго-запада прорваться к Киеву. Тогда погибли многие бойцы и командиры дивизии.

Уходя на фронт, отец наказывал матери (как оказалось впоследствии, этот наказ стал его завещанием), чтобы она вырастила, воспитала и выучила всех сыновей. Несмотря на все военные и послевоенные трудности, мать сделала все, чтобы выполнить завещание: мы все трое получили высшее образование. Я посвятил всю свою жизнь нелегкой педагогической деятельности в школе, а затем в Кабардино-Балкарском государственном университете. А мои братья (один стал агрономом, другой — механизатором) остались верны крестьянскому призванию и все эти годы трудились в колхозе родного села.

Мать, Жаруз Мухамедовна, ушла из жизни в 1993 году. Она наказывала свято хранить память об отце, следовать его совету — дать образование внукам и внуchkам. И еще она просила искать свидетелей последнего боя отца и место его захоронения. Она надеялась, что кому-то из нас удастся поклониться месту, где покоятся его прах.

Как это ни печально, но последнюю ее волю пока выполнить не удалось. Быть может, об этом узнают наши дети.

АННА ПЕТРОВНА ВИННИК,
ветеран труда

ПИСЬМА МУЖА

Мой муж, Михаил Никитович Немов, 1910 года рождения, окончил историческое отделение Карабарино-Балкарского учительского института и работал лаборантом кафедры истории народов СССР нашего пединститута.

25 июня 1941 года его мобилизовали. Из Прохладного прислал он первое письмо, а за годы войны набралась стопка его посланий, пожелтевших от времени. Удивительно, но, несмотря ни на какие испытания, несмотря на то, что пришлось ему пережить, от его писем всегда веяло надеждой на лучшее будущее, уверенностью в нашу Победу. И хотя они носят сугубо личный характер, в них дух того времени. Я не стану приводить все письма, а выберу только несколько.

26.06.41 г.

Здравствуй, Аня!

Я сообщаю тебе, что мы находимся сейчас в Прохладном. С сегодняшнего дня мы стали военными людьми, получили военную форму. Теперь будем обучаться военному делу, овладевать военной техникой. Мы с Никитиным вместе написали по маленькому письму. Но адрес я еще не знаю. Пока не пиши. А как узнаю адрес, то напишу, и тогда ты сообщишь, как живешь. Обо мне не беспокойтесь. Я живу неплохо. С Никитиным мы вместе. Целую вас много раз. До свидания. Остаюсь ваш Миша Немов.

5.07.41 г.

Здравствуй, Аня!

Сообщаю тебе, что вещи переслал в Прохладный к родителям Никитина. Они передадут их Юле, а она привезет в Нальчик. Оставил себе самое необходимое: полотенце, ремень и две пары носков. Мы до настоящего времени находились в Прохладненском лагере, но есть предположение, что скоро должны уехать. Куда, для нас неизвестно. Когда поедем, я тогда сообщу. Долго не писал, так как ждал, что не сегодня, так завтра нас должны были отправить. Но нас задержали до 5 июля.

Одно письмо я послал тебе не по почте, а с матерью Петросяна. Не знаю, получила ты его или нет. Как наша малышка? Я написал своим письмо. Пока, до свидания, целую горячо, ваш Миша Немов.

На конверте отчетливо виден почтовый штемпель: «Краснодар. 11.07.41».

И связь прекратилась на долгое время. Обстановка на фронте складывалась трудная. Да я и предполагать не могла, где находился муж. В январе 1942 года в Нальчик вернулся Петр Герасимович Никитин. Но что он мог рассказать? Ведь его ранило, и он выбыл из полка, в котором служил вместе с мужем. И вдруг, примерно в это же время, пришла короткая весточка от Михаила. Он сообщал, что из окружения пришлось выходить с большими трудностями. Но им повезло. Он с одним однополчанином двинул не на восток, а на юг. Добрались они до Бердянска. Там разыскивали моих родственников, передохнули, набрались сил и только к началу 1942 года сумели перейти линию фронта. Потом продолжилась служба в ар-

мин. И как это нередко случается, радостная весть сменилась опять долгим ожиданием писем. А их все не было. Брат Михаила, Николай Немов, пытался меня успокоить и писал с фронта: «Вы пишете, что от Михаила писем не получаете. Да, я тоже от него не получал с самого февраля и не знаю, где он и что с ним случилось. Но ничего, падать духом не надо. Быть может, он жив и здоров...»

Сохранилось и еще одно письмо от Николая Немова за 11.05.42 г.: «Вы пишете, что в газете попался снимок, где указана фамилия и имя брата. По этому снимку можно судить, что Михаил жив. Я тоже этот снимок вырезал и послал домой...»

Вскоре война докатилась и до наших мест. Мне пришлось с дочерью эвакуироваться. И только тогда, когда мы вернулись из эвакуации, удалось восстановить связь с мужем. К сожалению, точной даты, когда это произошло, я не помню, так как часть писем за эти годы затерялась, а память сохранить все не могла.

4.10.1943 г.

Здравствуйте, Аня и дочь Люда!

Сообщаю, что послал письмо в сентябре месяце, но ответа еще не получил. В настоящее время мы находимся на небольшом отдыхе после наступательных боев. Все время двигались, поэтому, возможно, я и не получал от вас писем. Ты обижаешься, что я мало пишу. Я сообщаю вам достаточно обо всем понемногу. О чем писать, когда у нас одна задача — гнать врага с нашей земли. А новости наши известны из газет.

Целую вас, ваш Миша Немов.

29.10.1943 г.

Здравствуйте, Аня и дочь Люда!

Ваше письмо получил, чemu был рад. Узнал, что вы живы и здоровы. А это самое главное. Что писать о себе? Наша армейская жизнь известная, гулять не приходится. Гулять будем после войны. Высылаю вам фотографию. Сделана она без соответствующей подготовки, но, как мне говорят, я похож на себя. Живу хорошо. Наш краткий от-дых кончается. Скоро начнем выполнять задачу, поставленную перед нами нашей Родиной,— бить врага, очищать нашу землю от фашистской не-чисти.

Горячо целую тебя и дочь Люду. Ваш Миша Немов.

В 1944 году Михаил дважды сообщал, что у него менялся адрес. Как я поняла из его писем, их переводили из одной части в другую, а служил он в артиллерийском подразделении какого-то крупного соединения.

5.06.1944 г.

Здравствуйте, Аня и дочь Люда!

Вас интересует моя жизнь. Живу так, как миллионы наших бойцов. Сыт, обут, одет. Новостей у нас нет, а когда будут, то вы узнаете из газет. Сейчас соседи наши делают новости. Каждый день сотни населенных пунктов очищаются от врага. Греки салюты. А скоро и мы займемся такой рабо-той. Целую вас. Миша Немов.

26 февраля 1945 года.

Дорогие мои!

Шлю вам свой горячий привет и желаю всего- хорошего. Сегодня был в штабе дивизиона, чтобы

взять вам справку, которую требуют тыловые начальники... Помимо справки посылаю благодарности Верховного Главнокомандующего. Две благодарности за освобождение городов Варшава, Сохачев, Скерневице и Лович.

Мы все время в пути, в движении на запад. Сообщаю, что две благодарности, за овладение городами Лодзь, Кутно, Влоцлавек и другими, высылаю мамаше. Может, и ей нужны сведения, где воюет сын.

Дела идут успешно. До свидания. Ваш Миша Немов.

Последнее письмо от мужа пришло незадолго до окончания войны. Датировано оно было 27 марта 1945 года. Шло долго, потому что в нем были высланы благодарности за овладение нашими войсками нескольких городов Германии. Мы надеялись на счастливый исход и возвращение нашего отца и мужа с победой, как вдруг связь с ним прервалась.

Тогда я обратилась к командованию войсковой части, где служил муж, сообщить, что же произошло. Оказывается, и там не знали ничего о нем после ранения. Вот ответ на мой запрос.

Дорогая тов. Винник А. П.!

Ваше письмо от 27.08.45 г. о розыске мужа я получил и на Ваш запрос отвечаю. По рассказам очевидцев могу сообщить некоторые детали. Ваш муж, Михаил Никитович Немов, 22 апреля 1945 года находился в разведке вместе с другими нашими бойцами. Дело было у города Бернау, т. е. на северной окраине Берлина. Во время завязавшегося боя за г. Бернау он был тяжело ранен в обе ноги. Его живого отправили в госпиталь. По сведениям

очевидцев, он направлен в госпиталь в хорошем состоянии. К сожалению, номер госпиталя нам неизвестен. О дальнейшей судьбе старшего сержанта Немова М. Н. другими сведениями мы не располагаем.

Нач штаба в/ч, полевая почта № 07784.

Рассохин А. В.

Такова судьба еще одного защитника города-героя Киева.

*СЕРГЕЙ СТЕПАНОВИЧ ВОЛОДЕНКО,
старший сержант
632-го стрелкового полка*

ОГЛЯДЫВАЯСЬ НА ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ...

Мне скоро исполнится девяносто лет. За плечами большая жизнь. Оглядываясь на пройденный путь, невольно ловлю себя на мысли: неужели все это было? Ведь на мою долю выпало столько испытаний, которых с лихвой хватило бы на десяток человеческих судеб.

Родился я в сибирской глубинке. Попытка получить образование привела меня в Томск, где я окончил рабфак и мог продолжать образование в вузе. Но постигший наши края голод вынудил меня оставить мечту и завербоваться для работы на Северном Кавказе. Легкомысленным такое решение назвать нельзя, ведь к тому времени я уже был женат. Вот и оказался в Нальчике. Направили меня на работу в систему Главкурортторга. Там требовались грамотные кадры. Вскоре за добро-

совестную службу меня выдвинули на профсоюзную работу...

Пришла весна сорок первого года. В мае получил я повестку, согласно которой необходимо было прибыть в Прохладненские лагеря на сбороны, после кадровой службы я был младшим командиром заласа. Там меня определили во вторую отдельную пулеметную роту, которой командовал лейтенант Негребов. Началась моя служба в 632-м стрелковом полку 175-й стрелковой дивизии.

Оставалось одиннадцать дней до завершения сборов, когда грянула война...

В считанные дни дивизия наша была укомплектована личным составом до штатов военного времени. В полках и подразделениях усиления оказалось немало наших земляков из Кабардино-Балкарии. Только в нашем 632-м стрелковом полку служили мобилизованные из Нальчика и Прохладного, из Баксанского, Майского, Прохладненского, Нагорного и других районов республики.

Мы прибыли под Киев, разгрузились и ускоренным маршем двинулись через город на его южную окраину. Отчетливо слышался гул недалекой стрельбы. Двое суток наша дивизия уничтожала мелкие группы врага, на третий вышла к реке Ирпень и захватила мост через реку. За рекой находился населенный пункт, который нам предстояло захватить и наступать на Фастов. К сожалению, переправиться нашему батальону не удалось, так как противник занимал высокий берег реки, имел хорошую видимость и не подпускал нас к мосту. Особую неприятность чинила вражеская пулеметная точка, которая размещалась на чердаке часовни. Сразу за мостом на обрыве было сельское кладбище и на нем стояла часовня.

Лейтенант Негребов собрал командиров отделений и поручил подобрать группу добровольцев для уничтожения вражеского пулеметного гнезда. На выполнение этой задачи вызвалось несколько человек. Ротный отобрал меня и еще трех красноармейцев. Мы скрытно подобрались к мосту, осторожно поползли по его боковым балкам и оказались в мертвой, непростреливаемой зоне. Там, под обрывом, обсудили, как действовать дальше, и с двух сторон поднялись на кладбище. Оно густо заросло кустарником, поэтому по нему можно было проникнуть до самой часовни. Единственное, чего мы опасались, так это встречи с вражеским дозором. Стычка с ним могла сорвать всю операцию. Но немцы, наверное, не предполагали, что мы осмелимся на такой шаг, поэтому на кладбище не держали боевого охранения.

И вот мы достигли цели. Подниматься по внутренней лестнице на чердак часовни не рискнули: фашисты могли подстрелить нас в любую минуту. А так как расстояние до чердака было небольшим, то я решил метнуть гранату в открытое окно чердака. Чтобы избежать случайности, ведь если граната не достигнет цели, она неминуемо упадет на землю и поразит нас, я попросил своих товарищай отойти и укрыться. Потом изготовился и метнул гранату. На мое счастье, она достигла цели. Раздался взрыв, клубы дыма и пыли вырвались из окна.

— Готово! — невольно вскрикнул я...

А на том берегу реки, услышав взрыв гранаты и убедившись, что вражеский пулемет умолк, дали команду на наступление. Батальон переправился через мост, захватил кладбище и на его окраине окопался. Это был первый плацдарм на западном берегу Ирпени. Лейтенант Негребов вы-

слушал доклад о том, как прошла операция, и тут же доложил по начальству. Меня наградили медалью «За отвагу». Это была первая награда в нашей роте.

...О чём хотелось бы сказать особо, так это о единстве, которым все мы были крепко связаны. Я имею в виду духовное единство, объединившее в ту пору представителей многих национальностей нашей страны.

Взять наш полк. Основу его составляли русские. Вместе с ними плечом к плечу шли в бой украинцы и белорусы, грузины и казахи, представители многонационального Северного Кавказа. Командовал нашим полком латыш А. К. Звайзгне. Не раз отличался в боях под Киевом наш земляк из Докшукино пулемётчик Е. К. Дерновой, представленный в те дни к награждению орденом Ленина. Добрая слава шла о храбрецах из нашей республики Ауесе Дугурлиеве из Жемтала и Нухчуке Кумукове из Нижнего Чегема. Можно было бы назвать многих отличившихся в боях под Киевом представителей других национальностей. Столицу Украины ценой своей жизни отстаивали народы всей страны. Мне хотелось сказать лишь о том, что в их числе были и таты из Нальчика. Одного из них, Семёна Мигирова, я хорошо знал. Он служил в нашем отделении. Невысокого роста, чернявый, очень подвижный паренек. Любил шутку, умел лихо исполнять кавказские танцы. Порой мне казалось, что он неутомим, настолько легко передвигался. Он был моложе меня лет на десять. В каких только переделках не приходилось нам бывать! И Семён всегда проявлял исключительную находчивость и смекалку. Его храбости можно было только позавидовать.

Когда наш батальон захватил плацдарм на западном берегу Ирпени, выяснилось, что это никак не устраивало фашистское командование. Противник подтянул свежие силы и ввел в бой танки. Конечно, перед такими силами устоять мы не смогли. На второй день на наши позиции обрушился шквал огня. В небе появились немецкие самолеты. Под гул артиллерийской канонады и бомбёжки приходилось нам отходить за реку. Мы с трудом перебрались через водную преграду, так как мост был уже взорван. Оставалось совсем недалеко до оставленных нами накануне окопов, как разрывная пуля угодила в живот Мигирова, прикрывавшего наш отход. Нам с санитарами пришлось выносить его из зоны огня. Но живым доставить его в медсанбат не удалось. К вечеру наш боевой друг скончался...

...Когда через многие годы я вернулся в Нальчик, то на улице Кабардинской разыскал родного брата Семена и рассказал ему подробности о службе и гибели нашего однополчанина. Горько было вспоминать подробности. И хотя к тому времени нам пришлось немало пережить, оба не выдержали и прослезились...

На второй день после нашего отступления за реку меня ранило. В те дни не всех раненых удавалось эвакуировать в тыл. Часть размещали в помещениях районных больниц. Меня и еще нескольких однополчан доставили в Васильковскую больницу. Ранение было тяжелым: пуля пробила левое предплечье и раздробила кость. Уже в больнице выяснилось, что помимо пули в спину угодил осколок от мины. Операция длилась долго. Очнулся я на больничной койке в подвешенном состоянии, с наложенным на плечо и руку гипсом. Помню, что на гипсе стояла дата, когда следовало

его снять. Дело шло на поправку, и, быть может, все закончилось бы благополучно, если бы не развернувшиеся к тому времени события на фронте.

30 июля 1941 года противник начал новое наступление и на следующий день ворвался в город Васильков. Нас, раненых, не успели вывезти. Мы оставались в больнице, когда туда нагрянули немцы. Конечно, они знали, что в больнице лежали не гражданские лица. Но на первых порах нас не тронули. Больше всего мне запомнился невысокого роста, рыжеватый, с выпученными глазами переводчик. С порога нашей палаты писклявым голосом он выкрикнул: «Еврей есть? Поднимайт рука!» Потом, увидев торчащую над койкой мою руку в гипсе, быстро подошел ко мне. Но когда выяснилось, что я ее не в состоянии опустить, проговорил что-то по-немецки, развернулся и быстро двинулся дальше.

Посещение немцами больницы у нас вызвало тревогу: мало ли какое решение могли они принять? Надо было срочно принимать какие-то меры. Поэтому на второй же день я уговорил врача снять гипс, попросил медицинских сестер Оксану Кузьминичну Клименко и Надежду Степановну Демченко раздобыть гражданскую одежду. Готовились бежать мы втроем. Двое уже достаточно окрепли, и им требовалось только запастись на первый период провиантом. Я же еще был слаб. Но мне так хотелось уйти, что передать невозможно. Наши сестрички сделали невозможное. В тех труднейших условиях они не только нашли подходящую одежду, но и снабдили нас продовольствием и на всякий случай сообщили адреса родственников и знакомых на пути к фронту.

Через многие годы от смелых женщин я получил письма и подтверждения о том, где мне при-

шлось находиться на лечении и откуда удалось бежать. Вот отрывок из заверенного документа, присланного Оксаной Кузьминичной Клименко: «В июле 1941 года Васильковская районная больница была приспособлена для лечения раненых и контуженных советских воинов, сражавшихся на территории Васильковского района.

Я работала в больнице медсестрой и ухаживала за ранеными воинами. При оставлении нашими войсками Василькова, раненых эвакуировать не успели. Среди раненых находился и старший сержант 632-го стрелкового полка 175-й стрелковой дивизии Володенко Сергей Степанович, имевший тяжелое пулевое ранение левого предплечья с раздроблением кости и осколок мины в спине.

В августе мы, медсестры, организовали выездывающим раненым побеги, чтобы не отправляли их в лагерь. Среди бежавших был и раненый тов. Володенко С. С.».

Я хорошо помню, что вместе со мной в первом побеге из Васильковской больницы участвовал наш земляк из Докшукино Федор Жигалко. Фамилию второго забыл. Восемнадцать дней шли мы по Украине, но так и не смогли найти место, где можно было бы переправиться через Днепр. Немцы усиленно охраняли все мосты. Наконец добрались до железнодорожной станции Белохатка. Уже смеркалось, когда увидели мы в стороне от станции паровоз и возившегося возле него машиниста. Вокруг никого не было, и мы пошли на риск, подошли к машинисту и попросили его помочь перебраться через Днепр. Он сообразил сразу, что нам требовалось, сказал, в каком месте будет нас поджидать, и мы расстались. Такая удача обрадовала нас, мы расслабились и потеряли бдительность. Мало этого, решили запастись харчами и послали

за ними нашего друга из Буденновска, не подстрекавшего его. За ним скрытно проследили полицай и схватили нас. Были, конечно, а так как мы не соизнавались, нас отвели в гестапо. Оттуда в Кривой Рог, в лагерь «4-б».

Потом нас повезли в Германию, в небольшой городок Галле. Там велось какое-то строительство и нужны были дешевые рабочие руки.

Разместили нас в концлагере, оцепленном колючей проволокой. Здесь удалось нам установить связь с антифашистами. Одним из них был лагерный электрик. Он приносил нам изредка газеты, знакомил с обстановкой, предупреждал об опасности. Лейтенант Дмитрий Нилов, учитель из Пятигорска, неплохо владел немецким языком. Поэтому за полтора года пребывания в этом лагере установил деловые контакты с антифашистами. Когда союзники открыли второй фронт, у нас все чаще стала появляться мысль о побеге. Наш товарищ, лагерный электрик, помог выяснить обстановку, научил, как отключить ток от колючей проволоки, куда двигаться в случае побега и когда лучше бежать.

Я, Дмитрий Нилов и Василий Петров из Орджоникидзе в одну из ночей совершили побег.

Через несколько дней нам удалось перейти линию фронта и выйти к союзникам. Они встретили нас очень хорошо.

Потом была радостная и трогательная встреча с представителями Красной Армии на Эльбе. Наше командование приняло живое участие в отправке на Родину узников фашистского концлагеря. Не оставило оно без внимания подвиг лейтенанта Дмитрия Нилова. Ведь он трижды совершал побеги из фашистских застенков. За это он был награжден орденом Красной Звезды. Все эти годы я

поддерживаю с ним тесную связь, ведь он тоже ветеран нашей 175-й стрелковой дивизии.

Все послевоенные годы трудился. И даже тогда, когда ушел на пенсию, тринацать лет продолжал работать. Поддерживаю тесные связи с Киевской средней школой № 30, где создан музей боевой славы 175-й стрелковой дивизии, и с мемориальным комплексом «Украина в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Принимал участие во всех встречах ветеранов дивизии. Несмотря на преклонный возраст, по мере сил помогаю деятельности бюро нашего совета ветеранов.

Являюсь инвалидом войны, награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «За оборону Киева» и другими. Горжусь подвигом своих однополчан.

Записал воспоминания *В. Д. Лесев*

Часть II

В ДОНСКИХ И КАЛМЫЦКИХ СТЕПЯХ

АУБЕКИР ТАЛХАТОВИЧ ХАТУКАЕВ¹,
бывший командир 297-го кавалерийского полка
115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской диви-
зии

В МЕЖДУРЕЧЬЕ ДОНА И ВОЛГИ

В грозные дни начала Великой Отечественной войны родилась идея формирования национальной кавалерийской дивизии в Кабардино-Балкарии. Идя навстречу многочисленным просьбам трудящихся, руководство республики решило призвать под боевые знамена конников.

¹ Аубекир Талхатович Хатукаев умер в 1983 году,

С огромным воодушевлением откликнулись на этот призыв рабочие и колхозники Кабардино-Балкарии. Была образована республиканская комиссия под председательством первого секретаря обкома партии З. Д. Кумехова, которой поручалось комплектование кавалерийской дивизии.

Районные и городские комиссии вели отбор личного состава, обеспечение дивизии лошадьми и необходимым снаряжением. На командные посты выдвигались опытные, прошедшие военную подготовку кадры. На службу в дивизии направлялись наиболее грамотные и физически закаленные молодые люди.

Население республики принимало активное участие в комплектовании подразделений дивизии; колхозы и совхозы выделяли лучших кабардинских скакунов, снабжали всадников седлами, обмундированием, продуктами питания. Одежда, обувь и снаряжение для бойцов и командиров изготавливались на промышленных предприятиях республики. Формирование командно-политического и рядового состава проходило под непосредственным руководством и с помощью обкома партии и Совета Народных Комиссаров Кабардино-Балкарии.

Возраст командиров и политработников дивизии в основном не превышал 30—35 лет. Командный состав за редким исключением был из кавалеристов и по своей подготовке отвечал необходимым требованиям.

Младший командный состав подбирался из сержантов и старшин запаса, участников гражданской войны, из рядовых бойцов, ранее проходивших действительную военную службу в кавалерийских частях Красной Армии, имевших среднее и незаконченное среднее образование, а также

прошедших в полках краткосрочные курсы младших командиров. В боевых операциях многим еще не довелось участвовать.

К моменту отправки на фронт дивизия уже имела твердый контингент, причем около девяноста процентов бойцов и командиров составляли представители коренных национальностей.

После того как укомплектование дивизии было закончено, началась всесторонняя военная учеба — боевая и политическая подготовка кавалеристов, артиллеристов и минометчиков, пулеметчиков и связистов, саперов и химиков.

Командование было предложено при обучении бойцов обращать внимание на одиночную их подготовку и на умение действовать в составе взводов и эскадронов, приучать молодых воинов к трудной солдатской жизни. Одновременно во всех подразделениях изучалась материальная часть вооружения и техники. В частях и подразделениях широко развернулось соревнование за лучшую подготовку к предстоящему заключительному смотру готовности соединения к выходу на боевые рубежи.

Командиром 115-й кавалерийской дивизии был назначен полковник А. Ф. Скороход, комиссаром — старший батальонный комиссар Ф. С. Иголкин, начальником штаба подполковник М. С. Эхохин, начальником политотдела М. Т. Селяев. Кавалерийские полки возглавили: 278-й — Я. А. Абадиев, 297-й — А. Т. Хатукаев, 316-й — И. В. Захаров.

Под председательством инспектора кавалерии Северо-Кавказского фронта генерал-майора Николая Васильевича Калинина состоялся смотр боевой готовности дивизии. После него дивизию приняли в Красную Армию как самостоятельную боевую единицу. Принимали дивизию после личного

осмотра всех частей и подразделений командующий Северо-Кавказским военным округом генерал-лейтенант Курдюмов и член Военного совета Северо-Кавказского военного округа генерал-майор Смирнов.

После первомайских торжеств 1942 года 115-я кавалерийская дивизия получила приказ об отправке на фронт. В тот же день состоялись проводы. На вокзале собирались тысячи людей — стариков, женщин, детей, прибывших проводить в боевой путь своих родных и близких. Проводить воинов-кавалеристов прибыли представители партийных, советских, комсомольских и профсоюзных организаций, колхозов, совхозов и предприятий республики.

Состоялся многотысячный митинг, было сказано немало теплых напутственных слов. Воины заверяли участников митинга в том, что они будут громить врага, не щадя собственной жизни.

В конце мая по приказу командования Северо-Кавказского фронта 115-я кавалерийская дивизия вошла в состав отдельного кавалерийского корпуса под командованием генерал-майора Б. А. Погребова. Кроме 115-й кавдивизии в состав этого корпуса вошли: 110-я кавалерийская дивизия, 255-й отдельный кавалерийский полк, 135-я и 155-я танковые бригады и гвардейский минометный полк.

Прибыв к месту дислокации в район Попов, Зерновой, Мечетинская на Дону, в течение мая—июня 1942 года полки дивизии совершенствовали оборонительные рубежи. Накаленная земля была твердой, как камень, ее приходилось не копать, а долбить. Времени не хватало: ночи летом короткие. А днем все работы прекращались.

Наконец зазвучал сигнал седловки. Полки быстро снялись со своих позиций, и длинные походные колонны двинулись в район Цимлянской, где противник, не считаясь с потерями, стремился прорвать нашу оборону на участке 302-й стрелковой дивизии. Наступали дни боев в междуречье Дона и Волги. Бойцам 115-й кавдивизии предстояло совершить трехсоткилометровый форсированный марш и занять оборону в районе Сухо-Соленого, в 5—7 километрах южнее Цимлянской.

18 июля 1942 года дивизия прибыла в район сосредоточения и приступила к оборонительным работам. Вечером 25 июля по приказу командира отдельного кавалерийского корпуса генерал-майора Б. А. Погребова части дивизии по тревоге вновь снялись с оборонительного рубежа и двумя полками совершили марш в район Большой Мартыновки. А к концу дня 26 июля 316-й кавалерийский полк занял оборону в районе Большой Мартыновки, 278-й — в районе Арбузова, 297-й — на участке Батлаевская—Московский, 104-й конно-артиллерийский дивизион был побатарейно придан кавалерийским полкам для усиления их огневой мощи. На этих рубежах и вступила 115-я кавалерийская дивизия в смертельную схватку с немецко-фашистскими захватчиками. О том, как сражались наши земляки, рассказывают скучные строчки официального документа, отрывки из которого приводятся ниже.

Военному совету 51-й армии. Штаб 115-й кд.
Цаган-Нур.

24.8.42 г.

Доклад о ходе боев с 26 июля по 14 августа
1942 года.

115-я кавалерийская дивизия формировалась в

Кабардино-Балкарии преимущественно из коренных жителей кабардинцев и балкарцев.

...В период формирования и до начала боев инспектирующие из СКВО, инспекция кавалерии РККА, а позднее представители Военного совета 51-й армии и Северо-Кавказского фронта дали хорошую оценку боевой и политической подготовке дивизии. Особенно отмечалась боевая и тактическая подготовка.

Вывод: К моменту выступления дивизии на фронт она была вполне подготовлена к боевым действиям, политико-моральное состояние бойцов и командно-политического состава — здоровое и устойчивое...

...В 3.00 28.7.42 г. 297-й кп (кавалерийский полк) с первой и третьей батареями 104-го конно-артиллерийского дивизиона перешел в наступление под сильным артиллерийским и минометным огнем противника и к 4.00 овладел Курганом Лысым, при этом уничтожил командный пункт противника, радиостанцию и 2 станковых пулемета. Одновременно к 4.00 28.7.42 г. в районе Крепянки огнем гвардейского минометного полка и нашей полковой артиллерии уничтожено, по данным разведки, до батальона пехоты противника, 20 автомашин, 4 танка, 7 минометов, 4 станковых пулемета и склад боеприпасов.

Отброшенный с Кургана Лысого, противник немедленно подтянул и бросил в бой резерв пехоты силой до 2 батальонов, 24 танка, минометную батарею шестиствольных минометов, ввел в действие авиацию, начал обстрел наших боевых порядков из дальнобойной артиллерии и перешел в контрнаступление.

...Несмотря на огонь противника, активное воздействие с воздуха до 17 часов 30 минут 28.07.42 г. наши части продолжали прочно удерживать занятые позиции. В 17.30 противник перешел в наступление. До батальона пехоты (автоматчиков) наступали по южному берегу реки Сал, одновременно до 30 танков противника начали обход Кургана Лысого с запада и 8 танков по балке Сухая Ряска стремились выйти на западную окраину Батлаевской с целью окружения. Одновременно 12 самолетов начали бомбежку наших батарей, командного пункта 297-го кп и прямым попаданием подожгли две машины с боеприпасами. К этому времени 297-й кп потерял убитыми и ранеными до 40% рядового и младшего начальствующего состава.

...В 4.00 30.7.42 г. остатки дивизии при поддержке оставшихся 4 танков и мотопехоты 135-й и 155-й танковых бригад повели наступление из Гриценова на Ново-Николаевскую, заняв которую, начали продвигаться на Кривой Лиман, ведя бой с танками и пехотой противника. Бой длился весь день 30.7.42 г. Противник вводил новые резервы, особенно танки, и продвижение наших войск было приостановлено.

...31.7.42 г. противник прорвал оборону 302-й сд в районе Пробуждения и начал угрожать нашему флангу и тылу. Командир 302-й сд передал: «Положение сугубо критическое, автоматчики противника стали просачиваться на южный берег р. Сал. Снаряды кончились. Прошу немедленно окказать практическую помощь». Мною немедленно был выброшен полуэскадрон в конном строю и остатки 297-го кп в пешем строю, который до этого находился во втором эшелоне западнее хут. Зундова, с

задачей уничтожить просочившиеся группы автоматчиков и восстановить положение 302-й сд в районе Пробуждения.

В 9.20 1.8.42 г. противник повел наступление на правый фланг 278-го кп в составе 9 танков и не менее роты пехоты. Такой же численностью противник начал наступать на левый фланг 316-го кп. Через некоторое время на левый фланг всего боевого участка против мотобатальона 135-й тбр противник бросил до 20 танков, сопровождаемых пехотой, и из района Мартыновка -- Радинов вышло до роты автоматчиков с 3 танками, которые стали обходить правый фланг боевого участка в направлении Гриценова — на командный пункт дивизии. В 12.00 части дивизии вели ожесточенные бои с превосходящими силами противника, упорно удерживая свои позиции. В 12.30 противник бросил новые группы пехоты на всем участке нашей обороны, и особенно сильная группировка была создана на нашем левом фланге. В результате противнику удалось обойти левый фланг боевого участка и выйти в тыл мотобатальону 135-й тбр. В это время часть танков противника прорвалась на стыке мотобатальона и 316-го кп и стала окружать последний. Всего в это время перед боевым участком было до 50 танков противника, более двух батальонов мотопехоты, до дивизиона артиллерии и 4 минометные батареи. Оказать противодействие противнику у меня было нечем, так как мой резерв уже был с автоматчиками, обходящими справа. В 13.00 противник полностью окружил части и начал сжимать кольцо. Бойцы и командиры 278-го, 316-го кп и мотобатальона 135-й тбр стойко отражали атаки противника. В этом бою пал смертью храбрых командир 316-го кавполка майор И. В. Захаров.

Мною командный пункт был оставлен в момент, когда на него шли танки и автоматчики противника, охватывая фланг. Одновременно из Зундова вышло несколько неприятельских танков в сторону КП.

Когда был окружен командный пункт, не имея связи ни с корпусом, ни со штабом армии, я просил командира 302-й сд ударить совместно с 297-м кп во фланг окружающей меня части противника, чтобы вывести оперативную группу. После этого, прорывая обход противника, я со штабом отошел в район обороны 91-й сд, чтобы ориентироваться в обстановке и собрать отходящих в тыл дивизии коноводов.

297-й кп совместно с частями 302-й сд переходил несколько раз в контратаку, но, вследствие превосходства сил противника, понес большие потери, и оставшиеся бойцы и командиры во главе с начальником штаба полка капитаном Чугуновым, временно исполнявшим должность командира полка, начали отходить на восток по южному берегу р. Сал совместно с частями 302-й сд. Предшествующие Ново-Николаевским боям дивизии принесли нам значительные потери, и к моменту начала боев дивизия имела далеко не полный комплект в людском и конском составе, а также в технике. Например: мы имели всего лишь 10 орудий, 9 минометов и 8 ружей ПТР. Система ПТО и ПТР сожгла с начала боя 15 вражеских танков. Когда танки обошли нас с тыла, 3 орудия и 5 ПТР были раздавлены гусеницами, а 3 орудия повреждены артиллерийским огнем противника. Остальные орудия вели неравный бой с танками до тех пор, пока также не были выведены из строя.

...4.8.42 г. из остатков дивизии был создан сводный отряд, который по приказу штаба 51-й армии

занял оборону у Ново-Сальска, непрерывно ведя разведку.

...В ночь на 11.8.42 г. отряд во взаимодействии с 302-й ед. наносит удар во фланг противнику, наступающему из Ивановки по направлению Сиротской — Эркетинской. При этом уничтожено до взвода автоматчиков противника. Отрядом взяты 2 пленных, 3 велосипеда, 2 ручных пулемета. До 14.8.42 г. отряд под командованием подполковника Эхохина оборонял левый фланг армии в Валуевке, ведя разведку на юг и юго-запад, после чего по приказу командования отошел в совхоз № 10 и далее на Юсту, где соединился со штабом дивизии.

22.8.42 г. отряд по приказу штаба 51-й армии прикрывает направление оз. Сарпа.

Всего за этот период, по неполным данным, дивизия и приданые ей части нанесли противнику следующий урон: уничтожено 64 танка, 37 автомашин, до трех полков пехоты и 15 минометов.

Выводы: Несмотря на исключительно трудные условия боев, огромный перевес противника в живой силе и особенно в технике, личный состав 115-й кд бился с фашистами стойко, мужественно, не жалея своей жизни для выполнения боевого приказа командования. Командный состав показал себя исключительно стойким, являя личный пример храбрости и отваги, увлекая за собой подчиненных.

Особенно отважными в боях показали себя командиры и комиссары полков. Из всех командиров и комиссаров (полков) в строю остался только майор Абадиев.

Командиры и политруки эскадронов, как правило, возглавляли в бою свои подразделения. Из всех командиров, их заместителей и политруков

строевых подразделений в строю осталось лишь 6 человек, остальные убиты или ранены.

Командир 115-й кд полковник *А. Ф. Скороход*
Комиссар дивизии ст. батальонный комиссар
Ф. С. Иголкин

Начальник штаба дивизии подполковник
М. С. Эхохин

Из книги *А. Т. Хатукаева «Славой овеянные»* (Боевой путь 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии).

САРБИ МАШТАЕВИЧ ЧЕРКЕСОВ¹,
бывший комсорг
316-го кавалерийского полка
115-й кавалерийской дивизии

НАСМЕРТЬ СТОЯВШИЕ...

В Большой Мартыновке

Прошли многие годы, а память невольно возвращается меня к событиям военного лихолетья. И хотя то время было страшно трудным, у людей моего поколения отношение к нему особое, если не сказать — святое.

Правда, сейчас находятся горе-теоретики, которые пытаются поставить все с ног на голову, по своему произволу изменить исторические факты. По их мнению, и патриотизма никакого не было, и героических подвигов по зову сердца не существо-

¹ Сарби Маштаевич Черкесов умер в 1994 году.

вало: «Наша молодежь шла на битву с немецко-фашистскими захватчиками, мол, под страхом расправы и репрессий.

Ничего подобного не было. Не надо прошлое обливать грязью. Мы шли добровольно на митинги и собрания, нас туда никто не загонял. Мы стремились к физическому совершенству и не мыслили себя без упорной повседневной учебы. Не страх нас гнал в военкоматы, когда грянула война, а высокое и искреннее чувство любви к Отчизне.

Я вспоминаю один лишь эпизод. Когда в пед-институте, где я в ту пору учился, закончился митинг по случаю «вероломного нападения» фашистской Германии на нашу страну; не сговариваясь со своим другом студенческих лет, комсомольским вожаком института Иваном Пернацким, мы оказались на комиссии в военкомате по отбору добровольцев в воздушно-десантные войска. Надо было видеть наши лица, когда обоим комиссия отказалась «по состоянию здоровья». Со стыда готовы были провалиться сквозь землю. Такие чувства тогда испытывали. Успокоение пришло лишь со временем, когда моего друга направили на учебу в Грозненское военно-пехотное училище, а меня назначили комсоргом вновь формируемого 316-го кавалерийского полка 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии.

Между Доном и его левым притоком Салом бескрайние степи. В глубоких балках, скрытых от суховеев, на берегах рек раскинулись казачьи станицы и хутора. Когда летом сорок второго года дивизия пришла в эти места, нам казалось, что воевать здесь невозможно. Все как на ладони.

О событиях, развернувшихся на этом участке фронта, написаны мемуары видных военачальников, рассказало в книге «Славой овеянные»

А. Т. Хатукаева (о боевом пути нашей дивизии), опубликована серия очерков в многотомной «Боевой славе Кабардино-Балкарии». Мне же хочется остановиться лишь на двух событиях, которые происходили в ту пору в станице Большая Мартыновка и в районе Ново-Николаевской.

Наш полк прибыл в Большую Мартыновку, когда там уже был подготовлен вспомогательный пункт управления 51-й армии. Оборонительный рубеж проходил по западной окраине станицы и тянулся на северо-восток к хутору Рубашкин. На юге за рекой Сал оборону занимал 278-й кавалерийский полк. А еще ниже по течению реки Сал уже шли бой наших кавалеристов 297-го кавполка у Батлаевской и хутора Московский.

В Большой Мартыновке все было спокойно. Здесь находилось корпусное начальство, были представители штаба 51-й армии. На утро 29 июля намечалось наше наступление. Но ему помешало отставание, в соответствии с приказом, сосредоточения сил 135-й танковой бригады и 302-й стрелковой дивизии. Мало этого, корпусное начальство распорядилось вывести из Большой Мартыновки часть сил 278-го кавалерийского полка в хутор Арбузово и, не ожидая остальных сил, 316-му кавполку перейти в наступление.

За несколько минут до того, как эскадроны полка должны были начать атаку, произошло не-предвиденное. Немцы, сломив сопротивление 297-го кавалерийского полка, ударили по остаткам 135-й танковой бригады и, оттеснив их к Ново-Николаевской, двинулись в Большую Мартыновку через переправу на реке Сал. Одновременно более 20 танков с автоматчиками атаковали наш полк с запада. Станица оказалась в окружении.

Четвертый эскадрон полка, средства усиления

и часть 155-й танковой бригады, которые готовились к наступлению и где находилось командование полка, не смогли своевременно отойти и попали во вражеские клещи. Создалась критическая обстановка. Требовалось выручать окруженных. Но как?

В сложившейся обстановке даже опытные воины не могли найти решения, так как в отдельных подразделениях появились признаки паники. Мне, как комсоргу полка, оказавшемуся вне кольца окружения, надо было действовать. Невольно возник вопрос: что можно сделать одному? И тогда пришла мысль обратиться к бойцам и командирам полка, к своим землякам с призывом пойти на помощь окруженным. Набралось нас человек шестьдесят. Это уже была сила.

Не сговариваясь, пришли к выводу, что возглавлять группу должен комсорг. Я посоветовался с командирами, которые вошли в эту группу, и после недолгих размышлений решил: нашим бойцам необходимо просочиться к церкви, еще не занятой противником, там сосредоточиться и изготовиться к бою.

Через сады и огороды, вдоль поросшего кустарником станичного кладбища пробирались конники к условленному месту. Там разделились мы на два взвода, наметили пути прорыва и через сквер в центре станицы внезапно ударили по вражескому оцеплению. Немцы никак не ожидали этого. Поднявшаяся стрельба с двух направлений внесла сумятицу в ряды противника. Не располагая сведениями о нападавших силах, враг вынужден был попытаться. Мы с боем ворвались в станичный сквер. Там стояли две машины с боеприпасами. Водителей в них не было. Мы продолжили наступление и вскоре добрались до командного пункта

полка, где находились командир и комиссар. Выяснилось, что у наших артиллеристов снаряды были на исходе. Я доложил командиру полка о том, что в станичном сквере стоят две машины с боеприпасами. Майор Захаров, выяснив, как нам удалось прорваться, распорядился взять двух шоферов и перегнать машины в центр обороны полка. Когда мы отправились за машинами, в сквер уже заползли два немецких танка. Еще миг — и они могли расстрелять машины с боеприпасами. Чтобы не дать им выполнить это, я подкрался к головному танку и бросил противотанковую гранату под гусеницы. Раздался взрыв. Танк завертелся на месте. Второй вражеский танк осторожно начал отползать. Видимо, танкисты посчитали, что наскочили на засаду. Мы же тем временем, обходя открытые места, добрались до машин, сумели их завести и благополучно доставить в расположение четвертого эскадрона.

В той сложной обстановке майор Захаров умел руководить боем. Бойцы и командиры видели его твердую волю, невозмутимость и уверенность в себе. Он ни на минуту не расслаблялся, не позволял себе даже вида показать, в каком затруднительном положении находились мы в Большой Мартыновке. Личный пример командира полка служил хорошим ориентиром для бойцов и командиров. Под стать ему был и комиссар старший политрук Касым Галачиев. Его правдивое слово вдохновляло бойцов на подвиги, ему верили. Комиссар всегда приходил туда, где было всего труднее. За широту натуры и отзывчивость, за умение быть внимательным к запросам бойцов, за личную храбрость и беззаветную преданность Родине любили его товарищи по оружию.

Обстановка в Большой Мартыновке с каждым

часом осложнялась. Мужественно сражались с врагом бойцы и командиры четвертого эскадрона под командованием капитана Халимбаева. Несмотря на явное преимущество в танках, враг не смог сломить сопротивление конников. Они смело вступали в единоборство с танками. В ход шли противотанковые гранаты и бутылки с горючей смесью. Артиллеристы полка вели огонь прямой наводкой. Не раз, когда немецкие автоматчики прорывались к нашим позициям, капитан Халимбаев брал в руки автомат, выскакивал из окопа и с криком «За Родину! Вперед!» бросался вперед, поднимая бойцов в контратаку.

Героически сражался политрук четвертого эскадрона А. Т. Жантикулов из селения Арик Терского района. Во время одной из атак вражеских танков он пополз навстречу бронированному чудовищу и противотанковой гранатой остановил его продвижение. Но второй фашистский танк задавил героя.

В тех боях отвагу и героизм проявили многие мои однополчане. До сих пор не могу забыть смелых артиллеристов лейтенанта Владимира Шевцова, его замполита Апшева, бойцов огневого расчета Тата Бицуева и Тембулата Карданова. Артиллеристы вели огонь прямой наводкой, подпуская как можно ближе вражеские танки. Будучи раненным, истекая кровью, продолжал бой лейтенант Шевцов. Все меньшее оставалось бойцов в его огневом взводе. Они уничтожили 6 вражеских танков и более 40 фашистов. Но слишком неравными оказались силы. Смертью храбрых пали на отиевом рубеже наши боевые друзья Шевцов, Апшев и Бицуев.

За танками пошли в атаку автоматы. Пришла пора вступать в бой пулеметчикам младшего

лейтенанта Константина Полешкина. Внимательно следя за перемещениями вражеской цепи, командир взвода прислушивался к пулеметным очередям. Вдруг один из станковых пулеметов прекратил стрельбу.

— Чего замолчал? — крикнул Полешкин.— Давай, давай огонька!

Но пулемет молчал. Тогда младший лейтенант по траншее бросился к огневой точке и обнаружил там раненого пулеметчика. Он опустил его на дно окопа, оказал первую помощь и прильнул к пулемету. На помощь ему пришел боец Хачим Шогенов. Вдвоем они открыли губительный огонь по вражеской цепи. Фашисты рассчитывали быстро смять нашу оборону, но Константин Полешкин с Хачимом Шогеновым помешали им. Более двух десятков вражеских солдат были сражены метками очередями.

У другого станкового пулемета остался только наводчик Харун Холаев. С трудом меняя позицию с тяжелым пулеметом и коробками с лентами, Холаев в течение двух часов вел неравный бой с наседавшими автоматчиками. Последний огневой рубеж он занял у раскидистого грушевого дерева. Сразил нескольких фашистов, но его позицию засекли немецкие минометчики. Смертью храбрых пал смелый конник на западной окраине Большой Мартыновки.

В том же бою бронебойщик Курманби Таукенов вступил в бой в треня танками. Несмотря на то что его позиция непрерывно обстреливалась минометчиками, несмотря на огонь танков, Курманби хладнокровно выбрал самую уязвимую точку в головном танке, тщательно прицелился и выстрелил. Сначала ему показалось, что он не попал. Танк продолжал двигаться. Но вскоре по-

явился дымок, что-то хлопнуло, и из бронированной машины вырвались клубы черного дыма. Теперь внимание бронебойщика было переключено на второй танк. И он был остановлен. Зато третий танк беспрепятственно обошел подбитую машину и направился прямо на окопчик бронебойщика. Бронебойщик пустил в ход противотанковую гранату, но сам погиб под гусеницами вражеской машины. Так принял последний бой наш земляк Курманби Таукенов.

В Большой Мартыновке прошел боевое крещение сержант Магомет Залиханов, впоследствии ставший кавалером орденов Красного Знамени и Красной Звезды, других боевых наград.

Исключительный героизм проявил во время боя в Большой Мартыновке секретарь партбюро 316-го кавалерийского полка политрук Хажмудар Пашевич Озов. О его последнем подвиге стало известно только в 1966 году, когда проводился поход по местам боевой славы 115-й кавалерийской дивизии.

Когда на Мартыновку двинулись немецкие танки, политрук Х. П. Озов находился на огневых позициях полковой батареи 45-мм орудий. Командир батареи и несколько артиллеристов погибли. Парторг принял командование на себя, но вскоре был ранен. Его принесли в дом местной жительницы. На улицах станицы завязались жаркие бои. С раненым политруком были бойцы. В станицу уже входили немцы. Можно было еще попытаться уйти. Жители дома предложили воинам переодеться в гражданскую одежду. Но политрук отказался. «Я не отступлю!» — заявил он и приказал своим спутникам уйти. Политрук Озов оставил себе автомат и несколько гранат. Всем обитателям дома тоже велел уйти.

Когда к дому подошли немцы, он автоматной очередью уложил сразу несколько солдат. Гитлеровцы окружили дом. Началась перестрелка. Из окна полетели гранаты — у политрука кончились патроны.

В доме все стихло. Но никто из немцев не решался войти в комнату. Они приказали сделать это хозяевам дома. Дверь открыла женщина. Политрук лежал в углу... Вся его одежда была залита кровью, на виске зияла пулевая рана. Было ясно, что он застрелился.

К вечеру командир полка майор Захаров принял решение начать организованный отход. Выходить решено было на запад между нашими минными полями. Это явилось неожиданным для противника. В голове колонны пустили два танка 155-й танковой бригады, за ними конников в конном строю, потом остатки артиллерии и минометной батареи, наконец, подводы обоза, на которые были уложены раненые и погибшие наши однополчане. Замыкали отход разведчики и саперы.

Когда вышли из вражеского окружения, у высокого холма на берегу реки Сал с воинскими почестями похоронили товарищей, павших в боях за Большую Мартыновку. Долго стояли мы, обнажив головы, у братской могилы. Прощаясь с боевыми друзьями, каждый клялся мстить за их смерть ненавистным захватчикам.

А к утру вышли мы к Пробуждению, где находились главные силы 115-й кавалерийской дивизии. Предстояли новые бои...

Бой в Ново-Николаевской

В ночь на 30 июля поступил приказ: 115-й кавалерийской дивизии совместно с 135-й и 155-й тан-

ковыми бригадами овладеть Ново-Николаевской и в дальнейшем наступать на Большую Мартыновку.

На рассвете 30 июля 1942 года при поддержке оставшихся в двух бригадах десяти танков мы ворвались в Ново-Николаевскую. После короткого боя немцы вынуждены были отойти и занять оборону в пяти километрах южнее станицы. Попытки выбить врага с занятого рубежа успехом не увенчались. Мы остались в Ново-Николаевской.

В тот же день гитлеровцы начали штурмовать наши позиции. Когда немецкие танки пошли в атаку, командир полка И. В. Захаров приказал поставить на прямую наводку сохранившиеся противотанковые орудия. И как только показался первый танк, артиллеристы тут же подожгли его. Смело действовали в той сложной обстановке политрук артиллерийской батареи М. Штымов, командир пулеметного взвода младший лейтенант К. Полешкин и многие другие.

Но враг, не считаясь с потерями, упорно продолжал наращивать давление. В нескольких местах вражеские танки прорвали нашу оборону.

Бойцы подготовились к отражению танковой атаки врага. Вот показался первый танк. Не сбавляя скорости, он приблизился к нашим окопам. В него полетели первые две гранаты. Слетела гусеница, но танк остался невредимым. Экипаж начал поливать окопы пулеметным огнем. Лейтенант В. Бобков, приблизившись по траншею на близкое расстояние к остановившемуся танку, бросил под него связку гранат. Стрельба из него прекратилась. Но тут выскоцил прямо к окопу еще один танк. Подоспевший на помощь Бобкову командир взвода противотанковых ружей лейтенант Мухтар

Борлаков сумел расправиться с этим бронированным чудовищем.

Героизм и отвагу в Ново-Николаевской проявили младшие командиры из 2-го эскадрона заместитель политрука Ибрагим Ксанаев, старшина Чефеллеу Кучмезов, сержант Магомет Атабиев. Они уничтожили в одном бою более двух десятков фашистов и подавили две пулеметные точки противника.

Старшина Ч. Кучмезов заметил, что над сараем, где укрывались лошади второго эскадрона, поднялось пламя. Не задумываясь, он бросился спасать лошадей. Едва он достиг дверей сарая, как немцы начали минометный обстрел прилегающей территории. Несмотря на опасность, старшина сумел распахнуть двери сарая и выпустить мечущихся в нем коней. Когда задача эта была решена и Кучмезов хотел вернуться к отстреливающимся бойцам эскадрона, рядом с ним разорвался вражеский снаряд и старшина погиб.

Несколько танков противника прорвались на фланге нашего полка и вышли в тыл мотобатальона 135-й танковой бригады. В завязавшемся бою мужество проявили бронебойщики взвода противотанковых ружей лейтенанта Мухтара Борлакова. Когда был подбит один из танков и его экипаж стал покидать машину, бронебойщики расстреляли фашистов. Это заставило остальных танкистов вернуться на исходные позиции, чтобы через некоторое время возобновить атаку. Но теперь они двинулись на оборону третьего эскадрона. Пример стойкости и мужества проявил политрук эскадрона Хашим Энеев. Ему удалось бутылкой с горючей смесью поджечь один из танков. Ободренные смелым поступком политрука, бойцы 3-го эскадрона оказали противнику сопротивление и не про-

пустили его в станицу. В ходе яростного боя смертью храбрых пал политрук Хашим Энеев.

К середине дня 1 августа противнику все же удалось окружить гарнизон в Ново-Николаевской. Мы оказались отрезанными от штаба дивизии, который в тот момент находился на хуторе Гриценова.

Исключительную выдержку и хладнокровие проявил в тех сложных условиях командир 316-го кавалерийского полка майор И. В. Захаров. Ему пришлось возглавить все подразделения, оказавшиеся в окружении. Когда бойцы 278-го кавполка под давлением превосходящих сил противника начали оставлять свой рубеж обороны, майор Захаров сам возглавил контратаку первого эскадрона и сумел восстановить положение. Аналогичная ситуация сложилась на левом фланге нашего полка. Там комиссар полка старший политрук Касым Галачев тоже сплотил вокруг себя бойцов.

В этот момент один из прорвавшихся танков начал поливать пулеметным огнем наши позиции. Комиссара ранило. Он упал.

— Спасай комиссара! — приказал мне командир полка майор И. В. Захаров, а сам принялся за организацию отпора наседающему противнику.

Когда немцы стали сжимать кольцо окружения, стало ясно, что выбраться из Ново-Николаевской большинству из нас вряд ли удастся. В моем присутствии майор И. В. Захаров имел последний телефонный разговор с командиром дивизии. Суть этого разговора сводилась к тому, что удержать станицу наличными силами невозможно.

Только закончил командир полка разговор с комдивом, как прямо к командному пункту выскочили немецкие танки. Схватив противотанковую

транату, майор бросил ее под гусеницы надвигавшегося стального чудовища. Танк остановился, и выстрелом из орудия был убит наш командир полка. До сих пор помню, как на развороченном вражеским танком бруствере окопа, запрокинув голову к небу, лежал он мертвый. Из полуоткрытого рта медленно стекала по щеке струйка крови.

Вражеский танк двинулся дальше, а я попытался тело командира отнести в укрытие. В окопе я осторожно расстегнул левый карман гимнастерки и извлеч оттуда окровавленные документы.

Когда выглянул из окопа, метрах в семидесяти увидел лежавшего на земле комиссара полка Касыма Галачиева. Сначала подумал, что и он погиб. Но стоило только подползти к нему, как выяснилось, что он тяжело ранен в обе руки.

Пользуясь тем, что танки ушли вперед, а фашистские автоматчики отстали, я ползком добрался с раненым комиссаром до полуразрушенного здания, в котором имелся подвал. Оказав ему первую помощь, вернулся к противотанковой батарее. Там лежал раненый политрук батареи М. Г. Штымов. Несколько в стороне сидел младший лейтенант Константин Полешкин и поддерживал левой рукой перебитую правую. Его и Штымова я доставил в тот же подвал, где уже находился Касым Галачиев. Оставался еще тяжело раненный Мадьяров...

Как только стемнело, я разыскал подводу, постелил сена, уложил раненых и выехал из станицы на юг. Только на девятые сутки с громадным трудом мне удалось добраться до Моздока. Там в армейский госпиталь приняли политрука М. Г. Штымова и командиров Мадьярова и Полешкина. А комиссара полка Касыма Бочаевича Галачиева пришлось сопровождать в стационарный госпиталь в Махачкалу.

За годы Великой Отечественной войны мне пришлось пройти нелегкий боевой путь в составе 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса, не раз смотреть смерти в глаза. Но бои в Большой Мартыновке и Ново-Николаевской запомнились на всю жизнь. Такого массового героизма не пришлось мне увидеть на фронтовых дорогах от Кавказа до Карпат. А ведь я принимал участие в боях против немецко-фашистских захватчиков на Северном Кавказе, освобождал Ростов-на-Дону, прорывал «Минус-фронт», участвовал в уничтожении Корсунь-Шевченковской группировки врага, форсировал десятки водных рубежей, терял многих боевых друзей. Я всегда высоко ценил смелые и мужественные поступки своих однополчан и воинов других подразделений, с которыми приходилось участвовать в боях. Но низко склоняю голову перед подвигом земляков, насмерть стоявших в единоборстве с врагом в междууречье Дона и Волги в июльские дни грозного сорок второго года.

*АБУ ХАЗРАИЛОВИЧ ЭЛЬМЕСОВ,
заместитель политрука 3-го эскадрона
297-го кавалерийского полка*

НОЧНОЙ ШТУРМ КУРГАНА ЛЫСОГО

Вспоминать о войне нелегко, но и забыть о ней невозможно. Бои за Крепянку и Курган Лысый явились серьезным испытанием для меня и моих однополчан. Мне на память не раз приходили сло-

ва нашего командира отделения сержанта Атлас-кирова, который в период боевой учебы серьезно предупреждал об ожидаемых нас трудностях. Но даже он не мог предполагать, с какими испытаниями нам суждено было столкнуться. Конечно, с годами притупилась боль утрат,стерлись некоторые детали. Но ночной штурм Кургана Лысого остался в памяти на всю жизнь.

Хорошо помнится начало подготовки операции, какие меры предосторожности предпринимались, чтобы не выдать противнику наших намерений. В каждом отделении прошли беседы, как следовало себя вести в той или иной обстановке. Мы должны были скрытно подойти к исходному рубежу и по сигналу подняться в первую атаку. Днем мы видели этот курган. Добежать до его вершины, казалось, не составляло никакого труда. Но это только казалось....

А штурмовать его оказалось делом совсем непростым. Противник поливал склоны высоты свинцовыми дождем трассирующих пуль. Пулеметы на гребне не умолкали. Казалось, цветной поток стекал с вершины. Хотелось вжаться в землю и не поднимать головы. Но звучала команда командира эскадрона капитана Тихомирова, и мы стремительно поднимались навстречу вихрю огня. Каждый шаг давался дорогой ценой. В ночном бою видеть потери трудно. Но то тут, то там падали бойцы и уже не поднимались. На наши цепи враг обрушил шквал артиллерийского и минометного огня. Недалеко от меня осколки насмерть сразили бойца нашего эскадрона Шханукова из Малки, тяжело ранило Мухамеда Эфендиева. Вскоре по цепи прокатилась весть, что смертельно ранен командир эскадрона капитан Тихомиров. Командование принял его заместитель лейтенант Хусейн

Хацуков. Мы любили этого энергичного и смелого командира. Он был душой нашего эскадрона. За ним готовы мы были идти в огонь и в воду.

И все же огонь противника не давал возможности дальнейшему продвижению. Тогда командование привлекло нам на помощь гвардейские минометы. Впервые все мы слышали и видели залпы наших «катюш». Это было как землетрясение, ведь залпы прогремели за нашими спинами. Раздался гул, вспыхнул огонь, затем над нашими головами пронеслись светящиеся и видимые глазом мины — и, наконец, вздрогнула от разрывов земля во вражеском стане.

Как только отгремели залпы «катюш», лейтенант Хацуков с призывом: «За Родину, вперед! Ура!» — поднял нас в атаку. Мы ворвались во вражеские траншеи на склоне кургана.

Как только подавили сопротивление противника на склоне, двинулись к вершине. В этот момент пулеметная очередь сразила нашего командира Хусейна Хацукова. Невозможно передать, какие чувства овладели бойцами, когда до них дошла весть о гибели их любимца. Такая злость охватила всех, что уже никакой огонь не смог сдержать атакующих. Мы ринулись к гребню и уничтожили вражеских пулеметчиков.

В пылу боя никто из нас не заметил, как начало светать. Когда я оказался на вершине кургана, то увидел, что за ним скрывался вражеский танк. Не знаю, что меня толкнуло на такой опрометчивый шаг, но я решительно двинулся по склону к танку. Наверное, танкисты меня не заметили, в противном случае могли спокойно подстрелять. И тут я услышал, что заработал мотор танка. Он развернулся и стал уходить по пшеничному полю к видневшейся вдали лесополосе. Я побежал за

танком и уже преодолел метров триста, как что-то заставило меня оглянуться. Оказывается, моему примеру никто не последовал. Да и что мы могли сделать вражескому танку?

Пришлось возвращаться. Но я почему-то не пошел вверх, а решил обогнать гребень. И в том месте, где в атаку на курган шел соседний эскадрон, увидел раненого политрука Т. Хагажеева. В нем еще теплилась жизнь. Он попросил меня снять с него гимнастерку. Я подумал, что требовалось оказать ему помощь и сделать перевязку. Оказалось, нет. В кармане его окровавленной гимнастерки находился пробитый пулей партийный билет, поэтому он попросил передать гимнастерку старшему политруку Блянихову. Пока я снимал гимнастерку, политрук скончался. Подбежали сан-инструктор и еще двое бойцов. Они взяли тело политрука и понесли его к подножию кургана. Мне осталось только выполнить его последнюю волю, что и было мною сделано...

Дальше события развивались так. Враг опомнился, собрал свежие силы и ринулся в атаку. О том, что происходило в районе Кургана Лысого в течение дня, рассказывают архивные документы, которые приводят в своей книге А. Т. Хатукаев: «Стойко сражались бойцы и командиры 297-го кавалерийского полка, дважды переходил из рук в руки Курган Лысый западнее Крепянки. Трижды противник предпринимал контратаки, вводя одновременно в бой до двух батальонов пехоты и до 30 танков при поддержке артиллерии и авиации».

К вечеру 28 июля нам пришлось оставить Курган Лысый и отходить сначала к Немецко-Потаповской, а потом к Пробуждению. Командование остатками полка принял на себя капитан А. П. Чугунов. Дальше отходили мы небольшими разроз-

ненными группами. Хорошо помню, что к железнодорожной станции нас вышло человек пятнадцать. Со мной шли ларторг минометной батареи Масхут Баваев, жемчалинец Мица Гешев, командир взвода Дриев, бойцы Мусукаев и Ханаев, младший лейтенант Хорунжий и другие. Только благодаря находчивости младшего лейтенанта Хорунжего нам удалось благополучно перебраться через железную дорогу и выйти в Калмыцкие степи. Немецкие подвижные группы уже блокировали пути отхода наших разрозненных подразделений вдоль железной дороги, соединяющей Сталинград с Северным Кавказом.

За ночь мы добрались до овцеварной фермы, на которой находилось двое подростков из числа беженцев. Спросили у них, не заходили ли немцы на ферму. Оказалось, что нет. Мы сделали небольшой привал, отдохнули, запаслись водой и пищей и продолжали путь на юг. Вскоре догнали подводу, в которой лежали двое раненых наших однополчан-балкарцев. Загнанные лошади не в состоянии были дальше тащить подводу. Требовалась помощь, в противном случае раненые могли погибнуть. Мы пустились на поиски лошадей и вскоре были за это вознаграждены. Совсем недалеко в тыл отгоняли табун какого-то донского совхоза. Нам дали пару хороших лошадей, и мы сумели доставить раненых в госпиталь в Моздок.

Там мне пришлось расстаться со своими боевыми товарищами и продолжить службу в 347-й стрелковой дивизии. Впереди было немало сражений. Но ночной штурм Кургана Лысого в донской степи запал в душу на всю жизнь.

КАРАЛЬБИ МАЖИДОВИЧ ВАЛИЕВ¹,
командир минометной батареи
297-го кавалерийского полка

ГОРЖУСЬ ВАМИ, БОЕВЫЕ ДРУЗЬЯ

В 1938 году окончил я Кабардино-Балкарский педагогический рабфак, где учился вместе с Бубой Кардановым, Карапаном и Жигафаром Дзаговыми, Георгием Зацепилиным, Николаем Икаевым, Виктором Игоныкиным и другими. Друзья мои избрали различные гражданские специальности и продолжили учебу в вузах. Я же остановил свой выбор на военном училище, так как к моменту окончания рабфака уже, как поется в известной песне, «в воздухе пахло грозой». Кстати, хоть и мечтало большинство моих друзей о мирной учительской профессии, а суждено всем было взять в руки оружие и защищать Родину.

Я же поступил в Пензенское артиллерийское училище и в 1940 году окончил его. Нас, четырех лучших выпускников, оставили в училище на преподавательской работе. И хотя шла война, на фронт никого не отпускали. В декабре 1941 года пришло распоряжение Наркомата обороны о моем откомандировании в Кабардино-Балкарию, где шло формирование 115-й национальной кавалерийской дивизии. По прибытии в Нальчик я получил назначение на должность командира минометной батареи 297-го кавалерийского полка. В этой должности и принимал участие в боях на Дону.

Моя фронтовая судьба складывалась так, что за четыре военных года пришлось сменить мно-

¹ Карапан Мажидович Валиев умер в 1991 году.

жество частей и соединений. Уже в ноябре 1942 года я стал первым помощником начальника штаба 13-го отдельного артдивизиона 60-й кавалерийской дивизии 4-го кавкорпуса, которым командовал генерал-лейтенант Т. Т. Шапкин. Участвовал в прорыве немецкого фронта южнее Сталинграда. Здесь 26 ноября был тяжело ранен.

После госпиталя стал командовать отдельным артиллерийским дивизионом 49-й механизированной бригады 6-го межкорпуса. Участвовал в битве на Курской дуге, освобождал Орел, Карабев, Брянск, Львов.

Затем — гвардия: в 50-й гвардейской бригаде 6-го артиллерийского корпуса РГК (Резерва Главного Командования). Занимал должность ПНШ-2 (помощника начальника штаба по разведке). Участвовал в штурме Берлина и освобождал Прагу¹.

Рассказываю я об этом затем, чтобы показать, что видел в боях разные части и соединения, в том числе отборные, особого назначения — ударные и гвардейские. И должен сказать, что 115-я кавалерийская дивизия занимала в их ряду достойное место.

Иной раз спрашивают, а почему она была расформирована? Дело в том, что она попала под страшный удар бронированных фашистских соединений, причем не имея в своем распоряжении ни танков, ни достаточного количества противотанковых средств. И все же конники в голых стелах

¹ К. М. Валиев закончил войну в звании гвардии майора, награжден был двумя орденами Отечественной войны I степени, орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды, медалями. Окончил Московскую юридическую школу и многие годы работал в правоохранительных органах республики.— Примеч. сост.

междуречья Дона и Волги вели ожесточенные бои против бронированной группировки врага, выполнившей стратегическую задачу. Дивизия почти полностью полегла на этих рубежах.

Я могу рассказать о героизме не десятков, а сотен конников 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Назову хотя бы несколько имен земляков, подвиги которых я видел собственными глазами.

Грамотным, умелым и отважным офицером зарекомендовал себя Музачир Битоков, который в нашем полку командовал артиллерийской батареей. Я говорил выше, что преподавал некоторое время в Пензенском артиллерийском училище, и это, безусловно, выработало практику оценки действий. Действия этого офицера-артиллериста были выше всяких похвал.

В боях в районе Батлаевской, Крепянки и Кургана Лысого отличились минометные расчеты моей батареи, которыми командовали Хамид Абазов и Башир Кошоков. Здесь я был свидетелем героической гибели командира расчета противотанкового орудия сержанта Кончумаса Кошокова. Это единоборство с танками и поныне стоит перед глазами. Такие подвиги называют бессмертными. И это очень справедливо.

Отважно и умело, идя смело навстречу опасности, воевали многие мои однополчане. Как сейчас помню в этих боях Камбулата Керефова, Ганибала Шауцукова, Хабалу Хабитова, Кушби Бозиева и многих других.

Комиссаром нашей батареи был младший политрук Пшуков. Воевал отлично и в одном из боев был ранен. Ему на смену пришел младший политрук Натриб Хагов. Немало боев провели мы

вместе у озера Сарпа и на ближних подступах к Сталинграду. Могу сказать, что это был именно тот комиссар, в котором постоянно нуждались и бойцы, и я, командир. Когда пришла пора расставаться, то оба мы очень жалели — сроднились в боях.

Отважными воинами проявили себя Каульби Шернев, Мата Казанчев, Хабала Карежев.... Всех не перечислить.

Вспоминается такой эпизод. Создавался сводный отряд, чтобы нанести удар по только что подошедшей фашистской дивизии. Первыми на это до крайности опасное дело вызвались идти старший политрук Муазир Гетигежев и Бита Татуев, первый — комиссаром группы, второй — рядовым бойцом. Оба были ранены, причем Гетигежев — смертельно.

Героизм воинов 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии был массовым.

*ВИКТОР ДМИТРИЕВИЧ РЯЗАНОВ,
ветеран Великой Отечественной войны,
журналист*

ВРЕМЯ НЕ ВЛАСТНО

Нет уже в живых героев этих очерков. Время неумолимо, но оно не властно над их подвигами, совершенными в грозные годы войны. Они служили и воевали в 115-й кавалерийской дивизии, и еще при жизни я имел возможность с каждым из них встречаться и беседовать. Штрихи из их фронтовых биографий, которые удалось услышать, и легли в основу документальных очерков.

Испытание огнем

Путь любого фронтовика был труден, сложен и опасен. И все же, как и в мирной жизни, по-разному складывались их судьбы. У кавалера ордена Славы III степени Зубанила Канишевича Емкужева она сложилась трудней, чем у многих.

Призван он был в октябре сорок первого. Бое вое крещение принял в составе Кабардино-Балкарской 115-й кавалерийской дивизии, крещение страшное, кровавое.

Войска 51-й армии получили приказ удерживать позиции на левом берегу Дона. Но сил оказалось недостаточно. Гитлеровцы форсировали Сал и захватили переправу через Манычский канал в районе Веселого. Наша оборона была прорвана на 170 километров по фронту и до 80 километров в глубину. Сюда и подоспела 115-я кавалерийская, попав под страшный удар наступавшей немецкой группировки.

Понеся большие потери, дивизия отошла к Большой Мартыновке, где разгорелся еще один бой, достигший крайнего напряжения.

Зубанил возглавлял минометный расчет. Их было пятеро, земляков из Кабардино-Балкарии. Их атаковали танки. Они были по бронированным машинам осколочными минами. Танкам вреда причинить, конечно, не могли, но пехоте беспокойства доставляли немало. Тогда один из танков повернулся в сторону миномета пушку и дважды выстрелил. Перевернулся миномет, а рядом, подплывая кровью, затихли три минометчика.

Вскочил отброшенный взрывом Зубанил, увидел сидевшего рядом друга.

— Вставай. Давай осмотрим миномет...

Подняли, стрелять можно. И опять ударили по заходившим во фланг танкам и пехоте. Тогда один из танков пошел прямо на миномет. Бойцы бросились в мелкие окопчики. Стальная громада нарастала. Не выдержали нервы у товарища Зубанила, вскочил и побежал. А разве убежишь от танка в голой степи?! Догнал он бойца и подмял под свое бронированное брюхо. Развернувшись, пошел на окоп, где сидел Зубанил. Вжался тот в землю, почувствовал над собой горячее дыхание мощной машины, ощутил горький запах выхлопных газов, увидел, как перед глазами сжимается под многотонной тяжестью земля.

Но не раздавил танк солдата. Когда его рокот затих в направлении гремящего на фланге боя, выбрался солдат из окопа, чуть не ставшего его могилой, отряхнул землю, размазывая с кровью, текущей из ушей и носа, посмотрел на убитых товарищей и искореженный миномет и поднял кулак: «Мстить буду, гады, до последней возможності».

Много пришлось еще ему испытать, и ни разу не дрогнул. Во время обороны дороги на Элиску попросился в самое опасное подразделение — в разведку. Выполняя опасное задание, был в Калмыцких степях первый раз ранен. После госпиталя в Пасанаури попал под Новороссийск. Его зачислили во взвод химической разведки. Занимались «химики» в основном постановкой дымовых завес. Но после выполнения этих заданий сами участвовали в боях. Люди здесь были на вес золота, земля-то была «малой».

В бою за украинскую столицу Киев получил Зубанил второе ранение. Но вскоре опять вернулся в строй, освобождал Житомир, а потом шагал военными дорогами до Чехословакии.

Война подходила к концу. Наши подразделения вели последние бои. В песне поется, что «последний бой — он трудный самый». Для Зубанила он оказался трудным втройне.

Был праздничный день Первомая. Радость праздника соединялась с радостью победы, полк только накануне вместе с другими частями и соединениями освободил крупный чехословацкий город Моравскую Остраву и шел дальше на запад. Внезапно враг нанес контрудар. Завязался тяжелый бой, в котором Зубанил получил третье ранение, очень тяжелое; в госпитале ему ампутировали правую ногу.

Став инвалидом, бывший фронтовик ни дня не сидел без дела. Долгое время был колхозным бухгалтером, возглавлял финансовую службу районного объединения «Сельхозтехника».

Такова судьба Зубанила Канишевича Емкужева — человека трудных фронтовых испытаний.

У волжской твердыни

Ночь выдалась беспокойная. Со всех сторон гремело и сверкало. Казалось, фашист обложил их с четырех сторон. Звуки боя приближались то справа, то слева, порой оказываясь совсем рядом.

Уже несколько суток не смыкал глаз лейтенант Бита Татуев, думал, что ему удастся как следует вздремнуть в эту ночь, но не довелось — его, как одного из самых крепких и выносливых, назначили дежурить, другие могли не выдержать и заснуть.

Пошатываясь от изнурения, шел он после дежурства в эскадрон с одной мечтой — упасть на землю и спать, спать... сколько возможно.

Из полуза забытья его вывел знакомый голос:

— Салам алайкум, Бита!

Это был его земляк — терчанин Муазир Гети-гежев, знакомый с детства. Он был кадровым командром Красной Армии, одним из первых среди кабардинцев. Очень уважал его Бита за большую человечность, заботливое отношение к красноармейцам и беспредельную храбрость в бою. Это о таких говорят: презиравшие смерть.

— Вид у тебя, прямо скажу, очень измотанный, — заговорил Муазир, — и все же предложу тебе интересное дело, думаю, не откажешься. Из остатков нашей 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии создан сводный отряд для удара по фашистским силам, расположившимся в хуторе Веселом. Хотя, прямо скажу, осуществить это необычайно трудно: сам знаешь, что от нашей дивизии осталось. Да и с боеприпасами тяжело... Командиром сводного отряда назначили Марчука, а комиссаром меня. Пойдешь?

— Конечно, — прижал Бита руку к груди, где над карманом гимнастерки отливал красной эмалью значок депутата Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР, — только для порядка непосредственному начальству доложить нужно...

Командир эскадрона Камбулат Наурозович Керефов (ныне профессор Аграрного института, председатель совета ветеранов 115-й кавдивизии) согласился отпустить — человек просился в бой, а не в тыл...

Весь день и часть ночи ушли на подготовку этого дерзкого удара, а под утро пошли в атаку. Впереди шли командир и комиссар, а рядом Бита Татуев. Атакующие цели довольно легко, с ходу прошли первую линию, но со второй линии вражеских окопов, когда до них оставалось всего полсотни метров, немцы ударили таким плотным ог-

нем, что продвигаться дальше не было никакой возможности.

Цепи залегли. Бойцы понимали, что лежачими их перебьют всех, несколько раз пытались подняться, но не смогли преодолеть такой густой завесы огня из всех видов оружия.

Особенно метко был пулемет, что расположился чуть левее того места, где находился центр красноармейской цепи во главе с командиром.

Затаился Бита, внимательно прислушиваясь к его стрельбе. Опытное ухо уловило, что скоро конец ленты, ее нужно будет менять. И едва пулемет смолк, как он вскочил, будто подброшенный пружиной, и выпустил в него длинную автоматную очередь, чуть не весь диск. Но и немец успел выстрелить по смельчаку из автомата. Падая, Бита почувствовал острую боль в руке...

Но дело свое он сделал. Вражеский пулемет замолчал...

Залегшие конники вновь поднялись в атаку.

— Уура-а-а-а!!!

Окопы были взяты, задача выполнена: враг понес большие потери в живой силе и технике.

Дорогой ценой давались победы, большие и малые. В бою был смертельно ранен комиссар Муазир Гетигежев, разрывная пуля угодила в живот. Он умер, как настоящий солдат. Татуев вместе с ним ехал на машине до КП, потом через горящую Волгу. Врачи сделали отважному комиссару в полевых условиях санбата операцию — сложную и очень болезненную. Пересиливая адскую боль и страдания, Муазир разговаривал, даже шутил.

— Ты знаешь, Бита, что я ранен уже не первый раз. И уж если на этот раз выживу, то убить меня не смогут, до ста лет жить буду...

Но прожил только до утра, скончался на гла-
зах своего земляка и боевого друга.

Под Сталинградом отважно сражались многие
терчане: Карадыбай Валиев, Схаттери Тлеужев,
Хангери Иригов, Зубанил Емкужев, Натриб Ха-
гов, Жажбара Фанзиев, Турк Хагуров и другие.
Десятки наших земляков остались лежать там
навеки под холмами и обелисками — свидетелями
отваги и верности солдат Отчизны.

В одну из темных ночей ранней осени сорок
второго года Бита Татуев ехал по делам службы
по бескрайней приэолжской степи близ озера Сар-
па, где наш оборонительный обвод прикрывал
Сталинград с юго-запада, с левого фланга. Сплош-
ной линии фронта здесь не было, и оборону держали
передовые заставы, занимавшие позиции
на самых опасных направлениях, где фашисты
могли прорваться к Сталинграду. Командовать
такими постами доверяли самым надежным и от-
важным командирам, потому что действовать им
приходилось исключительно на свой риск и страх:
противник неожиданно мог навалиться любыми
силами и в любой момент.

Во главе одной из таких застав стоял Оли Ги-
дов, уроженец Верхнего Акбаша. Через нее и ле-
жал путь Татуева. Долго разговаривали земляки.
Вспоминали родную Кабардино-Балкарию, бур-
ый Тerek, где тоже развернулись в ту пору кро-
вопролитные бои.

Запомнились слова лейтенанта Гидова:

— Я знаю, что дело, которое мне поручено,
предельно опасно, и вряд ли мне удастся выбраться
живым. Но я смерти не боюсь. И поверь мне,
Бита, если через мою заставу фашисты попрут
вперед, то я не отступлю, буду драться до послед-
него, потому что знаю: защищая Сталинград, я

защищая свою Кабардино-Балкарию, всю нашу страну.

Он сдержал клятву. Возвратившись в свою часть, а возвращаться пришлось другим путем, Татуев узнал горькую весть: на заставу Гидова большими силами напали фашисты. Отважный лейтенант организовал жесткую круговую оборону и дрался до последнего дыхания, но не пропустил врага.

Забыв об отдыхе, взяв с собой своего земляка Мирзоева, Бита погнал коня к заставе. Не верилось, что нет уже в живых этого отважного воина, оптимиста, жизнерадостного Оли Гидова.

Погибшие герои были уже засыпаны землей, прямо в тех окопах, где они стояли насмерть. Бита, не слезая с коня, внимательно просматривал степь, откуда в любую минуту могли появиться вражеские конные разъезды, а Мирзоев раскалывал окоп. Лейтенант лежал в крови, но на лице замерло спокойное выражение человека, знающего, за что умирает, до конца выполнившего долг и верящего в нашу Победу...

После войны Бита Хажбекирович Татуев многие годы находился на партийной и советской работе, избирался депутатом Верховного Совета республики. К его боевым орденам — Отечественной войны II степени и Красной Звезды — прибавились ордена Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени и «Знак Почета».

ХАМИША ХАЖМУРЗОВИЧ ГАТАОВ,
полковник запаса
ПАТРИАРХ НАШЕЙ НАУКИ

Кто в Кабардино-Балкарии, да и за ее пределами, не знает Камбулата Наурузовича Керефова — человека, о жизни которого можно написать книгу, поставить полнометражный кинофильм.

Он родился в далеком 1912 году в селении Верхний Акбаш Терского района, в простой крестьянской семье. С раннего детства батрачил, узнал цену нелегкому труду у богатеев, на себе испытал, почем фунт лиха.

Новая жизнь для него началась с приходом в Ленинский учебный городок (ЛУГ), где Камбулат упорно овладевал знаниями и успешно закончил курсы по подготовке к поступлению в высшее учебное заведение. Старательный, трудолюбивый юноша был принят в Горский сельскохозяйственный институт и сумел завершить полный курс обучения на шесть месяцев раньше положенного срока.

Потом были аспирантура в Ленинграде, успешная защита диссертации на соискание ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук. Этой чести он был удостоен первым среди ученых Кабардино-Балкарии.

Доцент Керефов заведовал кафедрой в существовавшей тогда в Нальчике Республиканской высшей коммунистической сельскохозяйственной школе, возглавлял Кабардино-Балкарскую государственную селекционную станцию.

Еще до войны Камбулат Наурузович кропотливо работал над докторской диссертацией, но все его планы нарушило вероломное нападение гит-

леровцев на нашу страну. В трудные для Родины дни в нашей республике была сформирована 115-я Кабардино-Балкарская кавалерийская дивизия, куда был направлен и Керефов. Вчерашний ученый был назначен командиром отдельного эскадрона химической защиты — самостоятельного подразделения, непосредственно подчинявшегося командиру дивизии. С первых же дней службы Камбулат горячо взялся за дело, много и упорно занимался с молодыми командирами и рядовыми, готовил их к предстоящим испытаниям. Он хорошо знал, что от уровня боевой готовности эскадрона химзащиты зависело очень многое. В работе с личным составом Керефов стремился действовать по принципу «делай, как я», личным примером учил бойцов и младших командиров владеть вверенным им оружием, средствами химической защиты.

Вместе с тем он постоянно заботился о подчиненных, интересовался их нуждами и запросами, старался по мере возможности удовлетворять просьбы бойцов и требовал того же от всех командиров.

Как только дивизия начала боевые действия, начальник ее химической службы был отзван на новое место, и замещать эту должность было приказано Керефову. Одновременно он оставался и командиром эскадрона химзащиты, который вскоре вошел в число ее лучших подразделений. А сам его командир заслужил всеобщее уважение и признание.

Моральные, деловые качества воинов, их умение действовать в боевой обстановке, взаимовыручка, фронтовая дружба и товарищество — все эти вопросы постоянно интересовали Камбулата. В дивизии плечом к плечу сражались представи-

тели самых различных национальностей, и все они относились друг к другу как братья, в минуты смертельной опасности готовы были пожертвовать собственной жизнью ради спасения своих товарищей. И пример в этом им каждый раз подавал командир, он в то же время старался, чтобы бойцы безрассудно не клали свои головы, действовали осмотрительно, с учетом создавшейся обстановки. Не случайно его включили в состав специальной комиссии Северо-Кавказского военного округа, проводившей инспекторскую проверку готовности полков и отдельных подразделений к ведению боевых действий.

В конце июля 1942 года дивизия вступила в бой с танковыми и моторизованными частями противника на территории Мартыновского района Ростовской области и в течение трех суток непрерывных, кровопролитных сражений, неся огромные потери, сдерживала натиск до зубов вооруженного врага. Взбесенные упорным сопротивлением кавалеристов, гитлеровцы бросали против них все новые и новые свежие подразделения, одну за другой предпринимая яростные атаки. Но наши воины стояли насмерть.

Однако силы были явно неравные, и в конце концов подавляющее превосходство вражеских полчищ начало сказываться. Одна из атак, предпринятых немцами на участке, занимаемом 115-й кавдивизией, принесла им успех. Наши конники вынуждены были отойти на новые рубежи.

Командир дивизии полковник А. Ф. Скороход всегда держал у себя как мобильную и ударную силу отдельный эскадрон химзащиты под командованием Камбулата Керефова, и он успешно выполнял приказы комдива. В самый критический момент, когда противник предпринял попытку за-

хватить штаб дивизии, воины эскадрона совместно с коменданским взводом и полуэскадроном связи сумели обеспечить организованный отход штаба на новое место дислокации. И вновь здесь отличился Камбулат Керефов, умело руководивший бойцами и младшими командирами, действовавший тактически грамотно, с учетом особенностей местности. Это во многом благодаря ему была успешно преодолена естественная водная преграда — довольно трудная для форсирования река Сал и организован дальнейший планомерный отход. В пути к бойцам присоединились уцелевшие воины из других частей.

Группа К. Н. Керефова вышла из окружения. И на командном пункте дивизии полковник Скородод, не дослушав доклад Керефова, крепко обнял его, горячо поблагодарив за умелое руководство, за то, что спас людей от гибели и плена.

По всему чувствовалось, что комдив глубоко переживал за воинов, попавших в окружение, волновался за их судьбы и очень радовался, когда увидел, что Камбулат Наурузович благополучно вывел всю группу.

В дальнейшем Керефову довелось участвовать в Сталинградской битве, драться за освобождение Севастополя, Западной Украины, Польши. Войну он закончил в Чехословакии. За геронем и мужество Камбулат Наурузович Керефов награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I и II степеней, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и другими.

После демобилизации из рядов Советской Армии занимал он ряд ответственных должностей в родной республике, был министром сельского хозяйства, директором научно-исследовательского института, работал в Кабардино-Балкарском педа-

гогический институте, позже преобразованном в университет. В 1958 году первым из кабардинцев защитил он диссертацию на соискание ученой степени доктора сельскохозяйственных наук, а на следующий год ему присвоили звание профессора. Долгое время был он ректором Кабардино-Балкарского госуниверситета и лично подготовил немало отличных специалистов сельского хозяйства, кандидатов и докторов наук. Заслуженный деятель науки Российской Федерации и Кабардино-Балкарии, заслуженный агроном России и заслуженный кукурузовод нашей республики, он по праву считается патриархом, старейшиной кабардино-балкарской науки.

Создав свою научную школу, Камбулат Наурузович помог выйти на широкую исследовательскую стезю множеству наших молодых ученых. Под его научным руководством выполнено и успешно защищено более пятидесяти кандидатских и докторских диссертаций. Некоторые его питомцы стали академиками, государственными и общественными деятелями. Керефовым опубликовано свыше 300 научных работ, среди которых монографии, учебное пособие для студентов-биологов страны. Он был участником многих международных научных конгрессов: по истории науки, ботанике, почвоведению.

И сейчас, в свои восемьдесят два года, Камбулат Наурузович продолжает успешно вести научно-педагогическую деятельность, принимает активное участие в общественной жизни. Инженер-майор в отставке К. Н. Керефов возглавляет совет ветеранов 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии, и под его непосредственным руководством бывшие фронтовики ведут большую работу по военно-патриотическому и интернациональ-

ному воспитанию, поддерживают тесную связь с трудящимися Мартыновского района Ростовской области, на территории которого геройски сражались воины 115-й кавдивизии. Многое делает Камбулат Наурузович для увековечения памяти своих однополчан. Вложил он много труда и в подготовку к изданию книги об истории и боевом пути родной дивизии.

И сегодня в боевом строю — отважный воин, крупный ученый, общественный деятель. Пожелаем же ему еще долгих лет жизни, бодрости, новых успехов во всех делах.

Часть III

В БОЯХ ЗА КАВКАЗ

МУЗАРИФ АСТЕМИРОВИЧ ШХАШЕМИШЕВ,
ветеран Урюпинского
военно-пехотного училища

ПЕРВЫЙ БОЙ

Я из числа тех участников Великой Отечественной войны, которых к концу ее уцелело всего два процента. Не помню уже, где встречал я эти сведения. Но ровесников своих встречаю довольно-редко.

Восемнадцатилетним юношей в июне 1942 года я был призван Баксанским райвоенкоматом на службу в Красную Армию и направлен на учебу в Урюпинское военно-пехотное училище. Оно в ту пору находилось в Нальчике. Зачислили меня кур-

сантом роты, которой командовал старший лейтенант Петренко. Командиром нашего взвода был лейтенант Бойко. Учеба наша продолжалась очень недолго, мы даже не успели как следует узнать друг друга. Наш набор был последним перед тем, как училище выступило на фронт. Мне помнится только, что и в нашей роте и в других было много курсантов из Кабардино-Балкарии. Вместе со мной в одном отделении служили Нану Кочесоков из Верхнего Куркужина и Бетал Тухужев из Нартана.

В середине июля 1942 года мы прибыли на станцию Кавказская, и батальоны училища заняли оборону на большой излучине Кубани от Армавира до Кропоткина и ниже по течению реки. Наша рота получила задачу прикрыть подступы к железнодорожному и шоссейному мостам через Кубань. Так как враг еще не достиг этих рубежей, то мы могли обстоятельно окопаться и как следует подготовиться к отражению вражеской атаки. Вскоре к переправам через Кубань потянулись толпы беженцев с жалкими пожитками, уставшие и запыленные легко раненные бойцы. Потом сплошным потоком двинулись тылы разрозненных частей и соединений. У мостов начали образовываться «пробки». Тут уж нашлось поле деятельности для вражеской авиации. Наш командир роты обратил внимание на то, что авиация бомбила скопления наших войск на подходах к переправе и за ней. Но сами мосты через Кубань не подвергались бомбардировке. «Видимо, для себя бережет», — высказал предположение ротный.

Но вот наступило раннее утро 4 августа. В зоне видимости появились немецкие разведчики. Прямо перед полосой нашей обороны два мотоциклиста промчались по грунтовой дороге, подни-

мая клубы пыли. Вели себя они нагло. Когда поднялась беспорядочная стрельба, мотоциклисты круто развернулись и умчались в степь. На молодых, необстрелянных курсантов такое лихачество могло подействовать. Но наши командиры вели себя спокойно, и это вселяло уверенность в том, что первый удар врага нам удастся отбить.

Вскоре в небе появились фашистские самолеты, и нам пришлось впервые испытать, что такое бомбёжка. Свист бомб, раздирающие душу разрывы, клубы дыма и пыли закрыли небо над нашими позициями. Хотелось втиснуться в щель и не видеть, что творится вокруг. Но вот стихли взрывы. Мы выглянули из окопов и не узнали своего переднего края. Все было перепахано и изрыто. Местами зияли огромные воронки. Отчетливо виднелся пожар на железнодорожной станции. Но это все было только началом наших испытаний. Не успели мы опомниться от бомбёжки, как на нашу оборону двинулись 28 танков. Сдержать их натиск не смогла ни рота противотанковых ружей, ни противотанковые орудия, которые были выдвинуты на острие вражеского наступления. Танки прорвали первую линию обороны, но дальше пройти не смогли. Их атака разбилась о стойкость курсантских подразделений, защищавших северо-восточные подступы к Кропоткину.

К концу дня стало известно, что враг, не пробившись через оборону курсантов, обошел ее и с запада ворвался в город. Возникла угроза окружения. Тогда поступил приказ остаткам училища отойти за Кубань, а роте старшего лейтенанта Петренко прикрыть отход подразделений училища и других частей, оборонявших Кропоткин.

Никто из нас и предполагать не мог, что этот первый бой в составе училища для многих из нас

окажется последним и что даже уцелевшие курсанты потеряют с ним связь.

Была нестерпимая жара. Мы находились недалеко от реки, но утолить жажду так и не смогли. Шел непрерывный бой. Губы наши потрескались, гимнастерки покрылись солью. Вскоре последовал приказ отделению старшего сержанта Иванова окопаться на дамбе у самого моста, оборудовать там пулеметную точку. Лейтенант Бойко предупредил нас, что как только остатки училища выйдут за Кубань, будет дан сигнал на наш отход. Но почти до вечера мы отстреливались, а сигнала не было.

Вскоре к мосту прорвался немецкий танк с автоматчиками. Они, видимо, намеревались захватить мост. Старший сержант Иванов проявил исключительное хладнокровие. По его команде мы открыли дружный огонь по автоматчикам и почти всех уничтожили. Танкисты, лишившись такого прикрытия, отвели танк за ближайшее здание. Тут последовала команда нашего старшего сержанта бегом преодолеть мост. Так наша группа из 11 уцелевших курсантов последней ушла за Кубань.

Но сколько попыток мы ни предпринимали, связаться с училищем так и не удалось. Пришлось с другими частями отходить к Белореченской и Майкопу, участвовать в боях с наступавшими немецкими войсками. Тогда и зачислили всех нас в полковую разведку 248-го стрелкового полка 31-й стрелковой дивизии. Я, Нану Кочесоков и Бетал Тухужев участвовали в боях на Туапсинском направлении, в наступлении на Нефтекорск и Майкоп, освобождали Краснодар. При освобождении Краснодара смертью храбрых пал наш боевой друг Нану Тамлешевич Кочесоков.

В заключение хочу сказать, что спустя многие годы мне все же удалось встретиться с команди-

ром нашей курсантской роты старшим лейтенантом Алексеем Яковлевичем Петренко, приезжавшим в Нальчик из Владимира на встречу ветеранов училища. Мы вспомнили первый бой и всех наших боевых друзей. Вечная им память!

*ТЕМБОТ МУСТАФАЕВИЧ МАМУКОЕВ,
ветеран Урюпинского
военно-пехотного училища*

ОТМЕТИНА ВОИНЫ

В армию меня призвали в 1940 году и направили на учебу в Астраханское авиатехническое училище. Окончить его не удалось. Низовья Волги оказались пагубными для моего здоровья. Я заболел малярией в такой тяжелой форме, что гарнizonные врачи ничего не могли поделать. Я очень ослаб, похудел и ложелтел. Как только прекратились приступы, меня выписали из госпиталя и предоставили шестимесячный отпуск для лечения. А тут война...

Но стоило только мне вернуться в родные края, как болезнь отступила. После отпуска выезжать в Астрахань побаивался. Ведь могла вернуться малярия. А в военкомате не знали, что со мной делать. И тут кто-то посоветовал направить меня для продолжения учебы в Урюпинское военно-пехотное училище. Ехать никуда не требовалось, оно находилось в Нальчике.

Так в конце февраля 1942 года я стал курсантом 13-й роты УВПУ. В нашей роте подавляющее большинство курсантов было из Кабардино-Балкарии. Вместе со мной служили Магомет Байсул-

танов, Хасан Карданов, Муаед Хужоков, Магомет Чеченов, Султан Ширитов и другие ребята. Командиром нашего взвода был боевой лейтенант Николай Васильевич Шевченко. А командиром роты — старший лейтенант Лунин. Жаль, его имя и отчество забылись.

В связи с войной вместо двух лет обучения училище перешло на шестимесячный срок подготовки командирских кадров. Распорядок дня был уплотнен до предела. Главное — боевая учеба. Большое внимание уделялось полевой выучке. Ежедневно проводились занятия по тактике. Нас учили оборудованию огневых позиций взвода и роты, планированию и рытью траншей и окопов. Много внимания уделялось физической закалке и умению владеть оружием. Все виды стрельбы из различного оружия требовалось выполнять только на хорошо и отлично. После насыщенного учебного дня мы с трудом добирались до своих постелей и мгновенно засыпали. Молодому организму требовалось совсем немного времени для восстановления сил. Утром все уже были в форме. Оставался месяц до нашей аттестации, но нашему набору уже не суждено было стать командирами.

Когда немецко-фашистские войска форсировали Дон, когда возникла угроза их выхода в предгорья Кавказа, из Урюпинского училища был сформирован курсантский полк численностью более 2500 человек. Полк прибыл на Кубань и занял оборону по внешнему обводу излучины реки от Армавира до Кропоткина. Полку была поставлена задача отдельными опорными пунктами на фронте около 80 километров прикрыть переправы через Кубань и обеспечить отход за реку потрепанных в предыдущих боях частей.

Мне трудно судить о действиях училища в целом в той ситуации. Я воспользуюсь материалом, который был опубликован в буклете, посвященном 40-летию Победы. В нем сказано, что основные силы училища обороныли город Кропоткин и мосты через реку Кубань. Здесь действовала отборная фашистская моторизованная дивизия СС «Викинг». Она наступала на два курсантских батальона под командованием старших лейтенантов Булатова и Ситникова в сопровождении 50 танков и 30 бомбардировщиков. Общее руководство боем осуществлял майор И. С. Титов. Его командный пункт находился в виноградных садах восточнее Кропоткина в непосредственной близости от переднего края. Благодаря решительным и смелым действиям майора, командиров батальонов, рот и взводов, благодаря стойкости курсантов урюпинцы сумели дать решительный отпор фашистам. Местами, где дело доходило до рукопашных схваток, хваленые «викинги» спасались бегством в кукурузе.

Бой продолжался 4 августа с утра и до вечера. Не пробившись на главном направлении, немцы во второй половине дня совершили обходный маневр и ворвались в город с запада. На перехват майор Титов вынужден был бросить свой последний резерв — курсантский взвод лейтенанта Бориса Красулина. Но слишком неравными были силы...

К исходу дня противник потерял 22 танка, 29 автомашин, 17 мотоциклов, 4 тягача, 12 пушек, 1100 солдат и офицеров.

В боевых донесениях есть документ, который касается действий нашего взвода. Вот что в нем говорится: «Отважно действовал взвод лейтенанта Николая Шевченко. Он проник в тыл немцам и, используя фактор внезапности, внес в их ряды панику и смятение».

Словом, урюпинцы стояли насмерть. Только под Кропоткиным курсантский полк потерял 640 человек убитыми, включая 31 командира и политработника. Немало подвигов совершено нашими земляками.

В ночь на 5 августа курсантскому батальону пришлось участвовать в разгроме вражеского гарнизона в станице Новомихайловской. Для меня этот бой чуть не обернулся гибелью. Наш взвод штурмовал вражескую огневую точку, которая находилась на колокольне сельской церкви. Операция проходила успешно и близилась к завершению, когда я наскочил на засаду автоматчиков. Короткая очередь — и у меня потемнело в глазах от удара в голову. Я упал, а мои дядузья уничтожили автоматчиков. Как в тумане видел наклонившегося надо мной Магомета Чеченова. Он что-то говорил, но я его не слышал. Мой друг бережно вынес меня с поля боя. Если бы не он, пришлось бы мне покончиться в братской могиле в Новомихайловской, где погребено 417 командиров, политработников и курсантов Урюпинского военно-пехотного училища, погибших в ожесточенном бою с врагом в этой станице.

Меня доставили в госпиталь в Сочи, сделали операцию, извлекли пулю, которая застряла в надбровной части лица. Я быстро вылечился и из запасного полка был направлен в 51-й отдельный десантный батальон морской пехоты. В его составе участвовал в изгнании немецко-фашистских захватчиков с Северного Кавказа. В районе Крымской снова был тяжело ранен и контужен. Лечился в госпитале. Оттуда в Тулу и на фронт. Стал командиром самоходного орудия 337-го гвардейского танкового полка. Освобождал Прибалтику, громил врага в Восточной Пруссии.

И только в мирное время врачи обнаружили, что воевал я с пулей вражеского автоматчика в голове. Оказывается, мне в лобную часть головы попало две пули. Одну из них извлекли в сочинском госпитале, а вторая притаилась и не давала о себе знать, пока в Нальчике не сделали рентгеновский снимок и не обнаружили ее. Эту отметину войны, полученную во время боя курсантов в Новомихайловской, я и ношу все эти годы. Теперь уже и операцию сделать невозможно.

Очень сожалею о том, что погиб мой друг Магомет Чеченов. Ведь ему я обязан жизнью. А со своими однополчанами по курсантскому полку встречаюсь регулярно. Некоторые из них остались верны избранной в молодости военной профессии и достигли высоких должностей и званий. Наш взводный, Николай Васильевич Шевченко, стал полковником. Живет в Краснодаре. Мы с ним переписываемся. При встречах вспоминаем училище, курсантов, не вернувшихся с войны, и нашу молодость, обагренную заревом минувших сражений.

Бывая на местах боев, с благодарностью думаю о тех, кто так бережно относится к сохранению памяти о погибших на полях сражений. На местах братских могил курсантов поднялись величественные памятники героям августовских боев сорок второго года. Хочется выразить хранителям боевой славы сердечную благодарность и низко поклониться от всех урюпинцев.

**КОЛУМБИ ХАЖИМЕТОВИЧ КУМЕХОВ,
ветеран Урюпинского
военно-пехотного училища**

БОЙ В НОВОМИХАЙЛОВСКОМ

В 1942 году вместе со мной курсантами Урюпинского военно-пехотного училища стали многие юноши из Кабардино-Балкарии: Марат Мирзоев, Хангерий Масков и Мухадин Абазов из Уруха, Аслангери Масаев и Астемир Аисов из Ерокко, Назир Жанкишиев и Магомет Кульчаев из Ташлы-Тала, Сахатгери Хамгоков из Старого Лескена, Царай Галачиев и Индерби Кабалоев из Озрека, Юсуф Кучуков из Хабаза и другие. Всех назвать невозможно, да и за давностью лет многих я уже позабыл.

Во второй половине июля 1942 года из состава училища был сформирован курсантский полк, который прибыл в Гулькевичи на Кубани. Только мы разгрузились, как налетели немецкие самолеты и начали бомбить железнодорожную станцию и населенный пункт. Бомбежке подвергся штаб нашего полка, разместившийся в школе. Были первые погибшие и раненые.

Наш батальон оставался в Гулькевичах. Остальные переправились через Кубань и заняли оборону севернее и северо-восточнее Кропоткина. Как стало нам известно позже, курсантский полк был включен в состав 12-й армии, которая должна была прикрыть «кубанское колено», чтобы отвести главные силы отходящих наших войск за Кубань.

События в ту пору развивались с молниеносной быстротой. Еще не начался бой у Кропоткина, как немецко-фашистские захватчики выбросили

парашютный десант у станицы Григориополисской, сломили слабое сопротивление заслона, прорвались к Кубани, навели переправу и захватили село Новомихайловское на левом берегу реки. Батальон 318-й стрелковой дивизии предпринял попытку выбить немцев из села, но успеха не добился.

Тогда и последовал приказ заместителя командующего Северо-Кавказским фронтом генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского о переброске 1-го батальона курсантского полка из Гулькевичей в Новомихайловское.

До нашего прибытия немцы успели приготовиться к обороне, приспособили под опорные пункты кирпичные здания, прямо в селе оборудовали огневые точки, на чердаках домов посадили снайперов. Десантники были в маскировочной форме. Жители села предупредили нас, что засевшие в селе фашисты хорошо вооружены.

Двигаясь ускоренным маршем, мы подошли к Новомихайловскому в ночь с 4-го на 5 августа. На рассвете начался ожесточенный бой за каждый дом. Поскольку мы были не обстреляны, не участвовали в боях и не имели опыта ведения боя в населенном пункте, нам пришлось нести на первых порах большие потери. Но командование быстро сориентировалось в той сложной обстановке, установило тесный контакт с полком 318-й стрелковой дивизии, действовавшим вместе с нами, разбило нас на мелкие штурмовые группы и определило каждой задачение. Наше отделение, например, состоявшее из курсантов из Кабардино-Балкарии, получило задание уничтожить засевших в сельской церкви вражеских минометчиков. Хорошо помню, что на выполнение этого задания нас семерых вел помощник командира взвода Аслангери Масаев (впоследствии Герой Советского Союза). В группе

пе я был единственным осетином, остальные были кабардинцы и балкарцы. Жаль, их имена забылись. Кроме Масаева помню только Муаеда Хужокова.

Перебегая от одного дома к другому, обходя засады вражеских автоматчиков, наша группа без потерь достигла церкви. Немецкие минометчики не ожидали нашей вылазки, поэтому спокойно вели огонь и препятствовали продвижению нашей роты. Когда возникла перестрелка возле церкви, то минометчики не смогли оказать нам сопротивление, растерялись. Мы же забросали их гранатами, и вражеское подразделение прекратило свое существование, а мы без потерь вернулись в роту. Операция по ликвидации вражеских минометчиков способствовала более быстрому продвижению роты. К утру 6 августа 1942 года нам совместно с полком 318-й стрелковой дивизии удалось окружить десантников на окраине Новомихайловского. Но бой продолжался. Смертью храбрых пали мои односельчане курсанты Царай Тембулатович Галачиев и Индерби Махтаевич Кабалоев, погиб Сахатгери Хамгоков. Многие были ранены.

Вот как оценил наши действия Маршал Советского Союза А. А. Гречко в книге «Годы войны. 1941—1943», в то время командовавший 12-й армией: «Продолжая удерживать 318-й стрелковой дивизией оборонительный рубеж по левому берегу Кубани от Новомихайловского до Ладожской, одновременно сводными отрядами в составе батальона Урюпинского военного училища и одного полка 318-й стрелковой дивизии в ночь на 5 августа армия нанесла удар по противнику, занявшему Новомихайловское. К утру 6 августа противник был отброшен и окружен на восточной окраине Новомихайловского».

6 августа 1942 года я был ранен в грудь и доставлен в стационарный госпиталь в Сочи. Там находился на лечении более трех месяцев. После выздоровления меня направили в Хосту, где находился запасной полк. Потом попал я в Кировакан. Туда прибыли многие курсанты. Мы думали, что продолжится наша учеба в училище. Но оказалось, что нас определили во вновь формируемый 75-й отдельный истребительно-противотанковый батальон, который после короткой учебы был направлен на фронт. Сначала мы прибыли в Туапсе, откуда на пароходе нас доставили в район Новороссийска. Там начали боевой путь и вышли к станице Абинской. 11 марта 1943 года в период упорных боев на «Голубой линии» я был тяжело ранен и на фронт больше не вернулся. Стал инвалидом второй группы. Но все эти годы мечтаю встретиться с бывшими курсантами Урюпинского военно-пехотного училища, с теми, кому посчастливилось уцелеть и дожить до счастливого дня Победы.

*КАРП ГРИГОРЬЕВИЧ ПЕТРОВ,
ветеран Урюпинского
военно-пехотного училища*

У ВОЛЧЬИХ ВОРОТ

До войны я работал сельским учителем и имел отсрочку от призыва в Красную Армию. Но когда обстановка осложнилась, меня в январе 1940 года призвали на службу и направили на учебу в Грозненское военно-пехотное училище. Там в воскресный день, 22 июня 1941 года, услышали мы выступление В. М. Молотова по радио о нападении гитлеровской Германии на нашу Родину.

Эта весть оказалась огромное влияние на весь личный состав училища. Каждый понимал, что пришел наш час стать на защиту Отечества. Сразу все подтянулись, посурошли.

Вскоре состоялся выпуск. Нас аттестовали и в звании лейтенантов направили в войска. Мне не удалось попасть на фронт. Начал службу в резервном батальоне на Кубани по обучению молодых бойцов. А вскоре пришел приказ об откомандировании для продолжения службы в Урюпинское военно-пехотное училище. Приехал в Урюпинск, когда училище готовилось к переезду в Нальчик. Случилось это в августе 1941 года. Прибыли мы в столицу Кабардино-Балкарии и разместились в военном городке и в здании бывшего сельхозтехникума на улице Республиканской.

Начальником училища был генерал-майор С. А. Ивановский, его заместителем по политчасти — майор Е. Д. Гречихин. В Нальчике был сделан новый набор курсантов из числа местной молодежи, призывников близлежащих регионов и большой группы молодых призывников из Крыма.

Подготовка командных кадров в училище велась по ускоренной программе. Между курсантами училища, его руководством и местными органами власти и общественностью были установлены очень доброжелательные отношения.

Когда летом 1942 года возникла угроза прорыва немецко-фашистских войск на Кавказ, был сформирован курсантский полк, который направили в район Гулькевичей. Полку была поставлена задача занять оборону на большом изгибе реки Кубань от Армавира до Кропоткина, чтобы прикрыть отход наших войск за реку и не допустить форсирования этого водного рубежа механизированными соединениями врага.

Батальоны курсантского полка были рассредоточены по отдельным опорным пунктам в районах переправ у мостов в Кропоткине, Гулькевичах и Новомихайловском. Главные силы обороныли Кропоткин и мост через Кубань.

3 августа 1942 года механизированная дивизия СС «Викинг» в сопровождении пятидесяти танков и тридцати бомбардировщиков предприняла атаку на второй батальон курсантского полка. В течение двух дней длилось ожесточенное сражение, горела кубанская земля, плавился металл, но враг так и не прорвался к Кубани. Курсанты стойко держали оборону, они смело вступали в единоборство с бронированными машинами, подбивали и поджигали танки, отсекали и уничтожали автоматчиков. Гул неумолкающего сражения стоял над Кубанью. За два дня наше командование смогло вывести значительную часть войск 12-й армии за Кубань.

Но курсантский полк понес значительные потери. Смертью храбрых в том бою пали командир второго батальона старший лейтенант И. Н. Сытников, начальник штаба батальона Г. А. Михеев, сгорел у подбитого им танка лейтенант Г. А. Колесников и многие другие. Это уже после войны нам стало известно, что в братской могиле на высоком берегу Кубани покончился прах 640 наших боевых товарищей. Бережно и свято хранят их память местные жители. Ежегодно в Кропоткин приезжают ветераны училища, родственники и близкие погибших, чтобы поклониться их памяти.

По данным командования училища, под Кропоткином курсантский полк уничтожил 22 фашистских танка и более 1100 солдат и офицеров противника.

Уцелевшая часть курсантского полка попала во

вражеское окружение и не могла пробиться к перевалу через Кубань. Майор И. С. Титов и лейтенант М. С. Кужелев возглавили урюпинцев и смогли вывести их из окружения. Вышли мы к Горячему Ключу, принимали участие в боях на подступах к перевалам, ведущим к Черному морю. Больше всего запомнился бой в теснине Волчьих Ворот. Теснina эта между двумя высокими лесистыми горами вела по реке Псекупс на Садовое и Шаумян. Прорыв врага по этой теснине позволял ему выйти к Черному морю в районе Туапсе.

Пока мы отходили к Волчьим Воротам, майор И. С. Титов, благодаря высокому организаторскому мастерству и решительности, сумел из отбившихся от других частей бойцов и командиров и из остатков курсантского полка сколотить боеспособный батальон, который в тех условиях действовал самостоятельно и выполнял отдельные задания командования. Я командовал минометным взводом. Накануне наступления на населенный пункт у входа в Волчье Ворота майор И. С. Титов лично вывез наш взвод на машине на исходный рубеж в пойме реки Псекупс, определил, откуда мы должны были двинуться вслед за пехотой и предупредил: «Смотри, Петров, не ударь лицом в грязь!»

А на заре следующего дня после небольшой артиллерийской подготовки мы перешли в наступление.

Нам было нелегко успевать за пехотой, ведь по лесу и камням приходилось на себе тащить минометы и ящики с минами. Делали короткие остановки для того, чтобы сделать несколько залпов по отходящим немцам.

На одной из тропинок помощник командира взвода Бориев и я попали под обстрел снайпера. Не успели мы скрыться за дерево, как пуля угоди-

ла прямо в грудь Бориеву. Он медленно опустился на землю. Я подскочил к нему и увидел, как алая кровь заливает гимнастерку. Крикнул бойцам, чтобы прислали санинструктора. Ранение оказалось тяжелым.

Мне нельзя было долго задерживаться возле раненого, наступление продолжалось. Поэтому простился с Бориевым, оставил его на попечение санинструктора и двинулся со своими минометчиками дальше. Мы выбили немцев из Волчьих Ворот, вышли к гребню у входа в лощину и окопались на краю кукурузного поля.

Противника такое положение не устраивало. На наши позиции немцы бросили всю свою авиацию. Самолеты непрерывно кружились над нами, бомбили и обстреливали лесной массив. Но выбить нас с занятого рубежа не смогли. Когда наступило небольшое затишье, я ознакомился с обстановкой, побывал в соседнем пулеметном взводе лейтенанта Лукина.

Но передышка оказалась недолгой. Вскоре снова появились фашистские самолеты, снова началась бомбейка, а потом продолжительный обстрел нашей обороны. Изредка в небе пролетали наши истребители. Так хотелось видеть, когда они погонят пикирующих «юнкерсов».

29 августа сидели мы с политруком И. Ф. Кузнецовым возле шалаша. Недалеко бойцы развели небольшой костер и жарили на нем кукурузные початки. В ту пору со снабжением войск было трудно. Не раз приходилось голодать. Поэтому нередко использовался «подножный корм». Немцы, видимо, заметили дымок, потому что вскоре за скалой послышался выстрел из миномета. И только я подумал, что враг взял под прицел наш ого-

нек, как раздался взрыв мины. Меня оглушило и обожгло спину. Я крикнул: «Кузнецов!» И тут же понял, что не совсем оглох. Услышал собственный голос. Но ныло плечо и горела спина. Я сбросил гимнастерку, и из нее вывалился раскаленный осколок. Кузнецов увидел на плече у меня кровь и попытался перевязать. «Не крутись! — приказал он.— Ты ведь ранен». Ранение оказалось не тяжелым. Я мог двигаться. Кузнецов остался со взводом, а мне пришлось в сопровождении бойца отправиться на поиски медсанбата. По пути мы зашли на командный пункт майора Титова, который располагался под мостом узкоколейки. Я доложил майору о том, как действовали минометчики в минувшем бою, сообщил о ранении и сдал пистолет. Затем добрался до медсанбата, где мне обработали рану и уложили под высоким раскидистым деревом на землю. В сарае, где располагался медсанбат, лежали тяжелораненые.

Примерно через час на нашем участке обороны поднялась стрельба, а еще через некоторое время появился Кузнецов с осколочным ранением головы. Ему оказали помощь, и до утра нас разместили на чердаке сарая. Утром подняли, сообщили, что в течение дня никакого транспорта не будет, дали по сухарю и объяснили, как добраться до полевого госпиталя.

Идти пришлось долго, так как сказывалось ранение, голод и нелегкий путь по горным тропам. Через сутки добрались мы до полевого госпиталя. Нас прооперировали и отправили в тыл для лечения в стационарных госпиталях. Я ехал в Сочи. И когда подъезжал к городу, на встречной машине увидел Бориева. Выжил он. Но поговорить с ним не удалось. Ведь встреча была мимолетной. Мы лишь помахали друг другу рукой.

В сентябре 1942 года, несмотря на то, что немецко-фашистское командование продолжало развивать наступательные операции на Северном Кавказе, пришел приказ отозвать командный состав Урюпинского военно-пехотного училища с фронта и направить в Кировабад. Многие вернулись в училище, которое в конце 1942 года было переведено в город Молотов (ныне Пермь). Не вернулся в училище майор И. С. Титов. Он остался на фронте и прошел большой путь от Кавказа до Болгарии.

Из госпиталя меня отзывали в училище, где я продолжал службу до 1944 года. Потом служил в Ставропольском суворовском училище...

В числе курсантов Урюпинского военно-пехотного училища, принимавших участие в боях на Северном Кавказе, были многие наци земляки: Султан Бабаев — ныне генерал-майор милиции в отставке, Магомед Байсултанов, Абубекир Жемухов, Мухамед Шекихачев, Петр Косиков, Тембот Мамукоев и другие.

Оглядываясь на пройденный путь, вспоминая, какие трудности перенес наш народ и какие подвиги совершил он во имя свободы и справедливости, невольно думаешь, что все это было возможным благодаря сплоченности и дружбе всех народов страны.

**МАГОМЕД БЕЛЯКОВИЧ БАЙСУЛТАНОВ,
ветеран Урюпинского
военно-пехотного училища**

В ОГНЕННОМ КОЛЬЦЕ

Как известно, Великая Отечественная война, начавшаяся 22 июня 1941 года, продолжалась 1418 дней и ночей. И каждый участник этой самой жестокой и кровопролитной войны в истории человечества хранит боль и скорбь в душе за своих родных и близких друзей, отдавших жизнь за свободу Родины.

Я, как и многие из моего поколения, по достижении призывного возраста поступил в Урюпинское военно-пехотное училище, которое дислоцировалось тогда в городе Нальчике. УВПУ готовило кадры общевойсковых командиров с шестимесячным сроком обучения, с присвоением воинского звания — лейтенант. Начальник УВПУ генерал-майор С. А. Ивановский был начальником Нальчикского военного гарнизона; начальником политотдела училища был майор Е. Д. Гречихин.

По рекомендации мандатной комиссии я был назначен старшиной 13-й курсантской роты (командир роты лейтенант Н. Ф. Лунин) 4-го батальона УВПУ (командир батальона майор И. С. Титов). Наш 4-й батальон размещался в зданиях клуба и школы селения Шалушка Нальчикского района КБАССР, где нам, курсантам, приходилось овладевать военными знаниями в полевых условиях под лозунгом «Трудно в учении — легко в бою».

Курсантские роты УВПУ были укомплектованы представителями всех народов, живущих на Северном Кавказе (русскими, кабардинцами, балкарцами, осетинами, дагестанцами и другими), которые

имели хорошую физическую и общеобразовательную подготовку. Выполнить патриотический долг перед Советской Родиной в час смертельной опасности нам помогала сила воли, интернациональная дружба, морально-политическая подготовка, вера в победу над немецко-фашистскими захватчиками.

В один из апрельских дней 1942 года на батальонном партсобрании обсуждался вопрос о приеме меня кандидатом в члены ВКП(б). Тогда мне задали один вопрос: считаю ли я себя подготовленным, чтобы ценой своей жизни обеспечить успех боя или боевой операции? Перед лицом коммунистов я подтвердил свою готовность, в случае если это потребуется, отдать жизнь за свободу и независимость любимой Советской Родины.

Курсанты УВПУ, находясь в Кабардино-Балкарии, готовы были выполнить любую боевую задачу, поставленную Верховным Командованием. Этому способствовала боевая и военно-патриотическая подготовка личного состава училища, а также хорошее отношение к ним партийных и советских организаций города Нальчика и республики, а также населения Кабардино-Балкарии.

К лету 1942 года обстановка на Северо-Кавказском фронте складывалась не в нашу пользу. Крупная группировка немецко-фашистских войск стремилась к захвату богатых районов Кавказа. После продолжительных тяжелых боев под Ростовом-на-Дону, наши войска вынуждены были отходить с боями на новые оборонительные рубежи. Позже поэт напишет: «Тревога! Тревога! Тревога! Россия курсантов зовет!»

Так началась битва за Кавказ. В такой сложной и тяжелой обстановке в июле 1942 года Урюпинское военно-пехотное училище было преобразовано в курсантский полк численностью около

2500 человек. Курсанты были подняты по боевой тревоге для отправки на фронт, в район города Армавира.

К этому времени наша 13-я рота числилась выпускной, и мы готовились к этому событию с большой ответственностью. Несмотря на это, курсанты 13-й роты в составе 4-го батальона были также отправлены на фронт. При этом по приказу командира 4-го батальона майора И. С. Титова меня, как старшину 13-й роты, с группой курсантов оставили в Нальчике, чтобы сдать имущество (учебно-наглядные пособия) батальона. Выполнив данное задание, через несколько дней мы прибыли в Армавир, где курсантские батальоны заняли оборонительные позиции.

В это время активно действовала немецко-фашистская авиация, делая разведывательные полеты над нашими позициями. Мы готовились встретить врага и дать ему отпор. Но в конце июля 1942 года по приказу командующего фронтом Южного направления Маршала Советского Союза С. М. Буденного наш курсантский полк был выдвинут севернее, чтобы занять оборону так называемого «кубанского колена» по реке Кубань, в районе Кропоткин — Гулькевичи, на фронте, протяженностью до 80 километров. Боевая задача состояла в том, чтобы не допустить форсирования с ходу реки Кубань немецко-фашистскими войсками и прикрыть отход наших частей.

Для обороны города Кропоткина, железнодорожного и автомобильного мостов через реку Кубань были выдвинуты курсантские батальоны под командованием старших лейтенантов Булатова и Сытникова. Общее руководство обороной города Кропоткина осуществлялось майором И. С. Титовым. В последние дни июля курсантские подразде-

ления под непрерывными налетами вражеской авиации, бомбившей наши позиции, рыли окопы. Велась разведка на дальних подступах к городу и борьба против воздушных десантов противника.

В один из таких дней ко мне подошел курсант Абдуллах Гыллыев, член партии, мой односельчанин, который, быстро попрощавшись со мной, ушел с группой курсантов на разведку и не вернулся. С Абдуллахом я учился в школе до 4-го класса, а потом мы стали курсантами военного училища, продолжая дружить. До поступления в УВПУ Абдуллах Гыллыев работал инструктором Чегемского райкома ВКП(б).

В те дни нам был зачитан приказ Верховного Главнокомандующего Сталина за № 227 «Ни шагу назад». В той военной обстановке, которая сложилась на Северо-Кавказском фронте летом 1942 года, по моему мнению, приказ «Ни шагу назад» сыграл политическую роль в укреплении воинской дисциплины и усиление морально-политической стойкости бойцов и командиров войсковых частей, находившихся под бомбежками, в огненном кольце.

Вражеская авиация усилила свои действия, ежедневно подвергая бомбардировке наши позиции. Были случаи, когда немецкие летчики обстреливали нас из пулеметов. Мы были бессильны против вражеской авиации.

В районе города Кропоткина расположена крупная железнодорожная станция Кавказская, которая подверглась сильной бомбардировке. Мне помнится, когда мы ранним утром вошли в город Кропоткин, увидели на улице неубранные человеческие трупы. Это произвело на нас угнетающее впечатление, которое не забывается до сего времени.

Наша 13-я курсантская рота заняла оборону на северо-западных подступах к городу. С местными жителями были установлены дружеские отношения, они приходили к нам в окопы, приносили продукты питания, хотя мы были хорошо обеспечены продовольствием. Но это была большая моральная поддержка, которая свидетельствует о единстве фронта и тыла.

В один из июльских дней мне было дано боевое задание от командира оборонительных сил города Кропоткина майора И. С. Титова доставить доносение и установить связь со штабом курсантского полка, расположенного в городе Гулькевичи. Мне объявили пароль для выхода из расположения части и прохода через контрольно-пропускной пункт, стоявший у шоссейного моста через реку Кубань. Выйдя из расположения части рано утром, я добрался до Гулькевичей своевременно. К сожалению, накануне штаб нашего курсантского полка, который размещался в здании школы, был обнаружен противником и подвергся бомбардировке. При этом погибли наши люди, а штаб переехал на новое место. Не найдя нового места расположения штаба, я вынужден был вернуться в свою часть. На обратном пути мною была обнаружена диверсионная группа противника, которая орудовала в тылу нашего полка.

В тех обстоятельствах я решил, не открывая огня, немедленно добраться до части и доложить майору Титову о диверсионной группе в тылу полка. Когда я оказался у реки Кубань, меня остановили на мосту представители заградотряда, которые потребовали назвать пароль, изменившийся к тому времени. Этого я не мог знать.

Трудно сказать, чем для меня тогда мог закончиться конфликт на мосту, так как капитан из

контрольно-пропускного пункта угрожал направленным мне в грудь пистолетом, продолжая требовать от меня пароль. В это время на выручку мне в такой опасной ситуации пришел лейтенант Аронов, который со своим взводом охранял мост. Он опознал меня и добился, чтобы меня отпустили в свою часть.

Так, в этот день я мог погибнуть и от рук противника и от своих заградотрядчиков. Такова была опасная ситуация, сложившаяся на нашем участке фронта.

Тяжелые оборонительные бои развернулись в первых числах августа 1942 года с наступающими частями моторизованной дивизии СС «Викинг». В те дни противник высадил воздушный десант, с которым сражались курсантские батальоны. Особенно тяжелые бои развернулись в районе станицы Новомихайловской, где погибли 640 человек, которые покоятся в братской могиле на окраине станицы. Мы тогда оказались в огненном кольце.

Ожесточенные бои за город Кропоткин с пехотой и танками дивизии СС «Викинг» развернулись 3—4 августа 1942 года. Враг обрушивал на наши позиции бомбовые удары с воздуха, обстреливал из артиллерии.

Главным оружием в руках курсантов были противотанковые гранаты, бутылки с горючей смесью КС и винтовки. На вооружении курсантского полка очень мало было противотанковых и противовоздушных средств борьбы. Но, выполняя боевое задание Верховного Главнокомандования, курсантский полк УВПУ задержал наступление немецко-фашистских войск на несколько суток, не допустил форсирования с ходу реки Кубань. Тем самым было обеспечено прикрытие отхода наших войск на новые оборонительные рубежи.

Так курсанты УВПУ проявили мужество и стойкость в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, с честью выполнив поставленную перед ними задачу.

Об итогах боевых действий курсантов УВПУ на Северо-Кавказском фронте летом 1942 года написано: «Враги были остановлены курсантами училища, которые под руководством своих командиров ходили не раз в контратаки, жгли танки жидкостью КС, подрывали эти машины гранатами... К концу дня урюпинцев, отрезанных у города Кропоткина немецкими танками, майор И. С. Титов и лейтенант М. С. Кужелев (начальник разведки полка) вывели из окружения, проявив при этом смелость, дерзость и умение. К исходу 3 августа немцы потеряли под Кропоткином 22 танка, много другой техники, 1100 солдат и офицеров... За кропоткинские бои и оборону переправ Военный совет 12-й армии объявил личному составу училища благодарность» (См.: Урюпинское военно-пехотное училище. К 40-летию Победы в Великой Отечественной войне. Составлено по материалам архива МО СССР. Год: Урюпинск, 1985).

Маршал Советского Союза А. А. Гречко в книге «Битва за Кавказ» писал: «Сводным отрядом батальона Урюпинского курсантского полка и полком 318-й стрелковой дивизии был нанесен удар по противнику, занявшему Новомихайловку, к утру 5 августа противник был отброшен и окружен на восточной окраине Новомихайловки» (См.: Гречко А. А. Битва за Кавказ. М., 1967. С. 74).

Я за осуществление политических и экономических реформ, направленных на торжество гуманизма и справедливости в нашем многострадальном Отечестве. При этом считаю, что уровень цивилизованности наций определяется отношением

к памяти воинов, павших, защищая Родину от врагов.

Будем же достойны памяти воинов, отдавших свои жизни в борьбе с фашизмом.

*Майор Е. Д. ГРЕЧИХИН,
заместитель начальника Урюпинского
военно-пехотного училища по политчасти*

ПИСЬМО СЫНУ ПОЛИТРУКА А. И. ЩЕГОЛЕВА

Дорогой Витя!

Ты просишь в своем письме, чтобы тебе и маме мы написали всю правду о твоем папе. Я постараюсь это сделать. Поговорим с тобой как мужчина с мужчиной. Ты ведь уже большой мальчик, учишься в 6-м классе и все хорошо понимаешь сам.

Война есть война. Проклятые фашисты привнесли на нашу землю столько горя, что, когда наше училище получило приказ выступить на фронт, мы все поклялись, не жалея себя и своей жизни, мстить фашистам и убивать их без сожаления для того, чтобы защитить от этих грабителей тысячи мирных жителей и сотни сел Кубани. Мы шли по горящим селам, по разрушенным улицам, всюду видели сгоревшие дома и обезумевших от горя и страданий женщин, детей и стариков. Фашистские самолеты, как коршуны, налетали на дороги, по которым двигались советские люди, уходившие в тыл и уводившие с собой скот, уносиившие пожитки, даже кошек и собак. Шли ребятишки, не желавшие ничего оставлять немцам. Что не удавалось захватить с собой, сжигалось. Горел хлеб, сено, солома...

Мы шли на передовые позиции к фронту, и горечь жгла наши сердца. Горечь за нашу поруганную землю, за наших советских людей. Нас провожали люди и просили не забыть их горе, отомстить за их страдания. С лютой злобой к захватчикам шли на фронт курсанты, шел твой папа, политрук Щеголев. Мы клялись скорее умереть, чем пропустить фашистов дальше...

Теперь о твоем папе. Он был преподавателем нашего училища. Но как только возникла необходимость училищу выступить на фронт, преподаватели получили новые должности. Я стал комиссаром полка, а твой папа — политруком роты противотанковых ружей. В нее подбирались самые смелые курсанты. Твоего папу мы знали по его службе в училище. Он был выдержан, спокоен, честен, внимателен и смел. Бронебойщики полюбили его сразу.

Твой папа никогда не повышал голоса, но его всегда внимательно слушали. Его поведению пытались подражать...

Твой папа служил комиссаром в роте бронебойщиков. Мы получили приказ обороны реку Кубань, чтобы не дать противнику форсировать ее и захватить город Кропоткин. Найди этот город на карте и ты поймешь, какое значение имело прикрытие его от наступавших фашистских войск. Если немцев пропустить через этот город и дать возможность переправиться по мосту через Кубань, то они беспрепятственно дойдут до Кавказских гор.

О бое, который приняло наше училище за город Кропоткин, сообщало Совинформбюро. Промотри газеты с 4 августа и дальше. Как складывалась обстановка? Училище заняло оборону на окраине города. Мы с твоим папой обошли пози-

ции бронебойщиков. Проверили, как они подготовились к бою. Настроение курсантов было боевым.

4 августа в шесть часов утра показались мотоциклисты, очевидно, с целью разведки. А в небе в наш тыл пролетели первые 18 вражеских самолетов. Немцев обстреляли. Одни удрали, другие остались лежать на земле. Чувствовалось, что молодые бойцы волновались. Предстоял первый настоящий бой. Твой папа еще раз прошел по окопчикам, подбодрил курсантов, пошутил с ними и отошел к противотанковому орудию, замаскированному в кустах.

Через полчаса на полном ходу выскочили 23 танка. Впереди шли 3 танка. На одном из них красное полотнище с лозунгом «Смерть немецким оккупантам!». Увидев этот лозунг и звездочки на танках, бронебойщики растерялись. Но твой папа быстро догадался, что это немецкая провокация. Он решил дать знать курсантам сигналом орудийного выстрела и скомандовал: «По головному танку с красным лозунгом, огонь!»

С первого же выстрела этот танк загорелся, и из него стали высакивать танкисты. Второй орудийный залп снес башню второго танка. Тогда в бой вступили все бронебойщики. Полетели гранаты и бутылки с горючей смесью. Над полем боя поднялись клубы черного дыма. Но немцы и не думали отступать. Из второго эшелона подошло подкрепление — еще восемнадцать танков. Один из тяжелых танков совершил обходной маневр и выскочил прямо к орудийному дворику, где находился старший политрук Андрей Иванович Щеголев. Прямыми попаданиями танк разбил орудие и разметал боевой расчет. Весь личный состав погиб. С поля боя удалось вынести только тяжело раненного наводчика. С его слов было установлено, что

политрук роты противотанковых ружей курсантского полка А. И. Щеголев погиб вместе с командиром орудия.

Чтобы не отдать на поругание врагу тела погибших, их снесли в небольшую ложбину и там предали земле. Полевую сумку политрука передали мне.

Витя! Как ни тяжело тебе читать эти строки, помни, твой отец погиб как герой в бою с ненавистными захватчиками. Если тебе придется после войны побывать в тех местах, то обязательно разыщи старые окопы, найди наши огневые рубежи. Это на северо-восточной окраине города Кропоткина. Там стоит небольшой курган с приметным геодезическим знаком. От него в нескольких сотнях шагов начинается сад. Так вот на подступах к этому саду есть небольшая ложбинка и на ее склоне братская могила. В ней похоронен твой папа.

Дорогой мальчик! Вот и все, что я могу написать о твоем отце. Никогда не забывай его. Он честно жил и геройски погиб. Свято чти его память. Помоги маме пережить это большое горе. Учись и веди себя хорошо, чтобы все знали, что у героя, отдавшего жизнь за Родину, растет хороший парень, которому придется восстанавливать все, что разрушили эти варвары и убийцы. Надо сделать так, чтобы пролитая кровь наших родных и близких была не напрасной, чтобы мы жили прекрасно, радостно и счастливо. Сейчас все невзгоды надо переживать стойко, как это умел делать Андрей Иванович.

Обнимаю тебя и целую, мой дорогой Витя. Я имею на это право, как комиссар той части, где служил, сражался и погиб твой отец. Обними покрепче маму и скажи ей, что все мы, боевые дру-

зы Андрея Ивановича, переживаем большое горе — его гибель. За его смерть дорого заплатили проклятые захватчики. Но это еще не все. Мы будем жестоко мстить за дорогих нам людей, братьев, отцов, сестер, жен и матерей, за их слезы и страдания.

Если соберешься мне писать, то пиши по адресу: Город Молотов, воинская часть 41. Заместителю начальника училища по политической части Е. Д. Гречихину.

Дорогая тов. Щеголева! Посылаю Вам официальное сообщение о гибели Вашего мужа. Раньше это не представлялось возможным, так как мы не знали Вашего адреса. Мужайтесь! Жму Вашу руку.

Если возникнет необходимость, напишите. Все, что в моих силах, постараюсь выполнить.

Майор Гречихин. 27.12. 1942 г., г. Молотов

* * *

От составителя. Андрей Иванович Щеголев до мобилизации работал преподавателем Кабардино-Балкарского педагогического института. После призыва в Красную Армию был направлен на преподавательскую работу в Урюпинское военно-пехотное училище, которое в то время находилось в Нальчике. В составе курсантского полка в должности политрука роты противотанковых ружей участвовал в бою в районе города Кропоткина, но не погиб, а был ранен. Его полевая сумка осколком была срезана и оказалась возле убитого командира пехотинцев. Того и похоронили как политрука А. И. Щеголева. Андрей Иванович оказался в госпитале, потом снова воевал. Домой ушла еще

одна «плохоронка», а вслед за ней в Нальчик прибыл и Андрей Иванович Щеголев. Работал в пединституте, затем в КБГУ. Скончался он в 1978 году. Сын политрука Виталий Андреевич Щеголев, которому было адресовано письмо майора Гречихина, ныне живет в городе Николаеве, на Украине. Младший сын А. И. Щеголева — выпускник КБГУ Анатолий Андреевич живет и работает в городе Нальчике.

*АДАМ ОГУРЛИЕВИЧ ШОГЕНЦУКОВ,
ветеран Великой Отечественной войны,
народный поэт Кабардино-Балкарии*

ПОМНИТ БАКСАН, НЕ ЗАБЫЛ И ЧЕРЕК

28 августа 1941 года в селение Кызбурун III, где я работал директором средней школы, пришла телефонограмма, в которой Али Шогенцуков сообщал, что он уходит на фронт. На следующий день рано утром я поехал в Нальчик. Али уже был в военкомате, готовый к отправке на фронт. На мой вопрос, кто ему позволил идти в действующую армию с его слабым здоровьем, Али ответил:

— Моя гражданская совесть и долг перед Советской Родиной.

29 августа, как было объявлено, отправка маршевой роты на фронт не состоялась. 3 сентября 1941 года мы проводили Али на фронт. И я вернулся в школу. Подготовив ее к сдаче, обратился в Баксанский райвоенкомат с просьбой включить меня в очередную маршевую роту. Как я, молодой, здоровый, почти профессиональный спортсмен, мог оставаться в тылу, если Али Шогенцуков, такой большой, физически слабый, ушел защищать Ро-

дину! Но мне отказали, сообщив, что я «забронирован» Баксанским райкомом партии.

Только в начале ноября 1941 года удовлетворили мою просьбу. Получили распоряжение отобрать трех парней, крепких здоровьем, образование не ниже среднего, комсомольцев, для отправки в одну из сибирских летных школ. Я оказался первым кандидатом — комсомолец, образование высшее, спортсмен первой категории по спортивной гимнастике, штанге, борьбе, выпускник Нальчикского аэроклуба. Нашли еще двух парней и втроем нас отправили в Омское летное училище. Это была моя вторая комсомольская путевка в летное училище.

По путевке нальчикского комсомола в 1938 году мы с К. Кардаевым были посланы в Краснодарское летное училище. Но я тогда не выдержал испытание на центрифуге, и пришлось вернуться в Нальчик.

А в Омское училище мы были зачислены без всяких экзаменов. Но снова мне не повезло: както командир-инструктор поручил мне провести занятие по отработке включения и выключения двигателя по команде. Когда занятие подходило к концу, вернулся командир. Как положено, я дал команду «Встать!» и доложил командиру, что все в порядке. А курсант за штурвалом включил двигатель без команды, и я получил серьезную травму. Неделю пролежал в госпитале и выписался, но слух мой был поврежден настолько серьезно, что я был отчислен из училища, как непригодный к профессии летчика, и направлен в десантно-парашютный полк.

Здесь, в полку, я встретился с земляком — старшим лейтенантом Богатыревым, который вскоре получил предписание о том, что его посылают в

Новочеркасское кавучилище в качестве преподавателя тактики. Он взял меня с собой в училище по договоренности с начальником штаба полка майором Дадескулем — адыгейцем по национальности.

Дело в том, что Богатырев, как выяснилось, увидев фамилию «А. Шогенцуков» в штабе, был уверен, что это Али Шогенцуков. Получив накануне предписание о своем переводе в Новочеркасское военное училище в качестве преподавателя тактики, он добился разрешения взять с собой Шогенцука. Когда узнал, что Шогенцуков А.— это я, попросил начальника штаба полка Дадескуля изменить предписание на мое имя и изложить: «В целях оказания помощи 115-й Кабардино-Балкарской кавдивизии в подготовке командирских кадров рекомендовать рядового Шогенцука в Новочеркасское кавучилище...»

На третий день пути мы с Богатыревым приехали в Новочеркасское военное училище. Не совсем успел акклиматизироваться, дали курсантскую форму.

После напряженной конной и огневой подготовки вернулись в казармы и готовились к обеду, когда раздался высокий голос:

— Воздух!

Выбежал из казармы и прислушался. Отчетливо услышал далекий гул самолетов. Они летели высоко, ровно, словно на параде. Мы выстроились по тревоге. В конном строю, с полной боевой выкладкой выехали из города. Самолеты держали курс на Ростов-на-Дону. Вскоре по команде спешились и повели коней на поводу. Так шли до сумерек. Раздалась команда: «По коням!» Мы снова оказались в седле и всю ночь ехали то рысью, то шагом. К рассвету оказались в районе двух неболь-

ших казачьих станиц — Большая и Малая Кирсановки. Спешились и на подступах к казачьим станицам расположились и стали окапываться. Лишь успели подготовить ячейки для одиночного стрелка, снова услышали отдаленный гул самолетов. Вскоре увидели и самолеты. По команде все замаскировались, затаились в окопчиках. Когда самолеты оказались над районом нашего расположения, они стали разворачиваться. Ведущий самолет как бы споткнулся и резко нырнул вниз. И остальные последовали за ним. Когда самодеты выходили из пики, от них отделились черные точечки. Они летели вниз с визжащим, устрашающим свистом. Послышался трескучий грохот взрывов. Казалось, все рушится, рвется, а самолеты все шли на нас неудержимой лавиной...

Когда стало чуть потише, я приподнялся, осмотрелся. Увидел горы вывороченной земли, воронки, горящие повозки, искалеченных лошадей, убитых и раненых людей....

Не успели мы привести в порядок снаряжение, как на нас обрушила мощный огонь немецкая мотопехота. Огонь стих — и тут же показались автоматычики. Затаив дыхание, мы ждали команду на открытие огня. Но ее не было. А фашисты шли лавиной на нас в атаку. Оставалась какая-то сотня метров. В немоверном напряжении застыли артиллеристы и мой пулеметный расчет. Лежат и автоматычики...

И вдруг резкая, как вспышка молнии, команда:
— Огонь!

Дрогнула земля. Густой дым окутал все вокруг. Потом он стал рассеиваться, и впереди открылось поле, усеянное трупами немецких автоматчиков, искореженные мотоциклы с пулеметами, горящие

танки. За день пришлось нам отбивать яростные атаки немцев трижды.

Немцы так и не пришли в себя от нашего сокрушительного удара, далеко откатились — к Сонбансским высотам Донбасса. Вскоре училище было снято с фронта и курсанты своим ходом отправились в Пятигорск, где им надлежало завершить свою учебу.

Первая вражеская бомбежка и кровопролитные бои на подступах к станицам Малая и Большая Кирсановки в Ростовской области запомнились мне на всю жизнь. Они заставили пережить первый ужас гибели друзей и радость хоть и небольшой, но первой победы над врагом, помогли по-новому познать цену человеческой жизни, высоту духа и неукротимость защитников своей Родины. Первая победа вселила в нас уверенность: как бы ни был силен враг своей вооруженностью, мы разобьем его! И эта великая вера в свои силы повела нас по невыносимо тяжелым и опасным дорогам — к Великой Победе.

Постоянным стремлением к активности, к достижению чего-то важного запомнились мне курсанты Новочеркасского кавалерийского училища. В нем был собран тогда цвет молодежи — с Дона, Кубани, Ставрополья, из Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Дагестана, Калмыкии. Более девяноста процентов составляли коммунисты и комсомольцы. Подавляющее большинство имело высшее или незаконченное высшее образование. Среди курсантов — бывшие молодые партийные и комсомольские работники, учителя, специалисты промышленности и сельского хозяйства, студенты...

Но вот закончились в училище занятия, проведена проверка выпускников по боевой и политической подготовке, а приказа о присвоении нам офи-

церских званий все нет. Почти все курсанты нашего взвода получили благодарности от командования училища, от проверяющих. А Ясин Джамурзаев, Блю Абазов, Мухамед Далов, Николай Хуснудинов и автор этих строк имели уже по нескольку поощрений.

Известно, что кабардинцы — прирожденные конники. Поэтому и проверяющий не удивился, когда мои земляки отличились по конной подготовке. Не без восторга он отзывался о курсанте Джамурзаеве, который за время проверки заслужил девять благодарностей.

Однажды после тяжелых учений курсанты привели в порядок снаряжение, накормили и напоили коней, стали готовиться к обеду. И вдруг — боевая тревога! Через три минуты все вновь были в конном строю. Перед фронтом трех дивизионов стояли начальник училища полковник И. П. Каляжный, комиссар Федор Лагута, командиры дивизионов, политработники. У подножия Машука раздавалась боевая курсантская клятва, произносимая тысячью молодых голосов:

— Клянемся!

Мы поклялись Родине-матери, советскому народу до последнего дыхания защищать каждый метр родной земли. Теперь нам предстояло держать экзамен на боевую зрелость.

Шли мы всю ночь и к утру 2 августа 1942 года уже были на оборонительном рубеже — на правом берегу реки Кумы, на окраине Минеральных Вод. Здесь на рассвете мы были атакованы авиацией противника.

С 3-го по 8 августа вели бои по уничтожению передовых подразделений, мотоциклистов врага, которых фашисты посыпали для прощупывания на-

меченных направлений прорыва. Почти все они были уничтожены метким огнем курсантов. В ночь на 8 августа мы почти не отдыхали; готовились к отражению танковой атаки врага. В подразделениях был оглашен приказ начальника училища, в котором говорилось: «Смелому танк не страшен! Уничтожайте их, товарищи курсанты! Помните: за нами Кавказ, нам вверены его жизнь и свобода!»

Утром 8 августа фашистские самолеты стали бомбить нас. 40—50 машин совершили по нескольку заходов над позициями. Стоял сплошной гул самолетов, рвались авиабомбы. Всплески взрывов слились в сплошную стену. Все вокруг заволокло дымом и пылью. Но курсанты не дрогнули. Находились в укрытиях в готовности для отражения атаки пехоты и танков врага.

Фашисты не заставили себя долго ждать. На мотоциклах и танках стали накапливаться за станицей Левокумской. Самолеты врага вновь совершили массированный налет на город и наши позиции. Они сбросили также множество листовок, в которых было написано: «Господа юнкера и офицеры, переходите на нашу сторону, свяжите полковника Калюжного и сдайте его нам. Вам будет обеспечена хорошая жизнь...»

— Подождите, гады,— говорил Мухамед Далов, сворачивая из листовки «кошью ножку». — Мы вам покажем и райскую жизни!

Пока нас бомбила немецкая авиация, передовые подразделения фашистов достигли северо-западной окраины станицы, просочились в сады, на огороды, ведя беспорядочную пальбу. Их наступление нарастало.

Но храбрость курсантов была беспредельной. Хотя боевого опыта у нас было маловато, особенно для единоборства с таким сильным противником,

но каждый снаряд и патрон использовался экономно и целенаправленно.

Немцы пробирались к левому берегу Кумы, чтобы форсировать ее и ворваться в город. Они были уверены в успехе. От Ростова-на-Дону почти не встречали сопротивления.

Рассеялась утренняя дымка. Высокое солнце палило нещадно. Мы стали стрелять по врагу. Фашисты, не ожидая такого мощного отпора, вынуждены были залечь. Земля казалась вспаханной нашими снарядами. Все гудело от взрывов. Немцы несли большие потери. Не выдержав нашего встречного огня, они откатились назад. Провалилась их попытка форсировать реку с ходу. Всеми силами старались они удержать Левокумскую, но и эта их попытка не удалась. Мы выбили врага из станицы.

Пример отваги и бесстрашения в бою показали корректировщик огня нашей артиллерии Ясин Джамурзаев, пулеметные расчеты Далова и Абазова, автоматчики Хуснудинов, Симоненко, стрелок из противотанкового ружья Мышалов и другие.

Огромное дерево, на котором сидел Я. Джамурзаев и корректировал огонь артиллерии, было словно обглодано пулями врага. Но корректировщик не дрогнул и лишь после боя присоединился к взводу.

День был на исходе, когда бой стал утихать. Наступила ночь...

Кроме часовых и патрулей, все уже спали. Мы с Джамурзаевым устроились под плащ-палаткой и при зыбком свете фонарика занялись выпуском «Боевого листка». Имея уже солидный опыт работы в стенной печати, мы довольно легко справились с заданием. Короткие заметки, мои первые на русском языке четверостишия, контурные наброс-

ки портретов Далова, Хуснудинова и Калмыкова, карикатуры и острые подписи, разящие врага, оказались находкой для этого выпуска. Получился он красочным, привлекательным. Многие читали «Боевой листок» и в нашем взводе, и в других подразделениях.

На рассвете 9 августа мы услышали тяжелый прерывистый гул. Он как бы расстился над землей. Гул приближался, нарастал с каждой секундой.

Вскоре все смешалось в грохоте. Земля гудела и вздрогивала. Взрывы бомб не прекращались ни на минуту. Уходили одни самолеты, следом появлялись другие. В течение нескольких минут они совершили пять заходов. Наконец, тяжелый рев растаял в воздухе, прекратились взрывы. В ушах стоял тупой звон, а перед глазами — руины и горящие дома.

Не успели мы после бомбежки отряхнуться от земли, пыли и песка, как начался орудийный и минометный обстрел. Вскоре северо-западнее станицы Левокумской показались танки, бронетранспортеры и мотопехота фашистов. Они быстро достигли окраины станицы. Заработали их скорострельные пушки. С оглушающим воем били шестиствольные минометы врага. К ним примешивалось щелканье крупнокалиберных пулеметов.

На южной окраине станицы немцы залегли. Двадцать пять танков и семь бронетранспортеров выдвинулись из станицы и по шоссе направились к мосту через Куму, на ходу ведя огонь по нашим позициям. Метрах в двухстах от них, левее, показалась большая танковая колонна. Наши противотанковые средства открыли ураганный огонь. Немцы не выдержали — откатились. Но не прошло и получаса, как атака возобновилась.

Стальные чудовища врага быстро продвигались к позиции, где притаился наш взвод. До предела напрягая голос, Овчинников скомандовал:

— Бронебойщики! По танкам — огоны! Пулеметчики и автоматчики! Наступающую пехоту уничтожить!

Загрохотали выстрелы. Прищурив глаз, Далов выпустил длинную очередь. Плавно заработал и «максим» Абазова. Десятки фашистов нашли свою смерть на шоссе. Остальные, отрезанные от танков, бросились под откос. Но и там их настигали наши пули.

Пятнадцать танков врага развернулись по фронту и открыли по нас уничтожающий огонь. Один из них продвинулся к мосту через Куму, за которым оборонялся наш взвод. Казалось, бронебойные пули наших ПТР и пулеметов отскакивали от него.

Командир взвода Овчинников приказал мне и курсанту Джамурзаеву взять противотанковые гранаты и ползти к мосту. Скрыто мы выдвинулись вперед. Когда танк был уже в пяти-шести метрах от нас, я бросил в него гранату. Танк вздрогнул от мощного взрыва, потом замер, став поперец дороги. В цель пришелся и бросок Джамурзаева. Фашисты выскочили из люка танка, но тут же были сражены нашими автоматными очередями.

Приближался вечер. Казалось, бой утихает. Но вдруг замаскированные черные тени танков задвигались и, разворачиваясь, стали ломать плетни и заборы в Левокумской. Они выдвигались из станицы. Потом остановились и стали вести огонь по нашим огневым точкам. А часть из них вышла на шоссе и снова направилась к обороняемому нами мосту через Куму, где стоял подбитый нами танк.

Я был вторым номером в пулеметном расчете Далова. Мы стали обстреливать передний танк. Отчетливо виделось, как голубые вспышки гасли на вражеской броне, но танк, не останавливаясь, двигался к мосту, вел огонь. За танками показалась пехота. Стреляя на ходу, бежали солдаты в зеленых мундирах. Пули летели над нами, впивались в брустверы, срезали ветки прибрежных деревьев. Немцы поднимались, бежали, падали. Снова правобережье стало огненной стеной.

Попытка фашистов прорвать нашу оборону захлебнулась. Понеся большие потери, враг откатился.

В нашем донесении штабу фронта говорилось: «Курсанты и начсостав училища, упорно обороняя г. Минеральные Воды, уничтожили до 800 солдат и офицеров противника, подбили 9 танков, сожгли 25 автомашин с пехотой. Начсостав и курсанты в течение 14 часов вели беспрерывный бой...

Они стойко дрались с превосходящими силами противника. Оборонявший мост через Куму взвод курсантов Н. Ф. Овчинникова подбил 3 танка, уничтожил до роты пехоты и много боевой техники...»

...Многие помнят то место — всхолмленное побережье Черека в районе хуторов Советский, Красная Поляна и Правоурванский. Здесь во второй половине августа 1942 года все было перерыто металлом, полито человеческой кровью. Под холмиками и бугорками там лежат кости не одной сотни немецких солдат и офицеров. Немало полегло здесь и молодых парней — курсантов Новочеркасского кавалерийского училища...

Вот хутора Красная Поляна и Правоурванский. За ними лесок, по которому мы с Блю Абазовым пробирались в первую разведку на хутора и к се-

лению Новоивановское. Миновав Красную Поляну, оказались в лесу, где раздавался треск автоматов. Прислушались: всюду беспорядочная стрельба. Значит, это немецкие «кукушки». Осторожно, прикрывая друг друга, чтобы не стать их добычей, пробираемся к хутору Правоурванскому. Подошли к первому дому. Видим: женщина доит корову, старик подправляет плетень, два мальчика играют с косматым псом. От старика узнали, что в хуторах немцев пока не было. Вчера, форсировав Баксан, они заняли Новоивановское. Потом мы и сами убедились в достоверности этих сведений. Хутора Правоурванский, Колдрасинский, Красная Поляна были свободны от врага, а Новоивановское занято мотопехотой и танками противника. На окраине засекли огневые точки. Пробираясь через лес обратно, услышали автоматную очередь. К счастью, «кукушка» стреляла без цели. Метрах в 20—30 из густой листвы вылетела сорока. Взглянув в том направлении, Блю опустил руку мне на плечо и прошептал: «Вот он!» Я не успел никого разглядеть, Абазов вскинул карабин, выстрелил. С большой белолистки свесилось безжизненное тело в маскхалате. Осторожно подошли. Оказалось, что это румын.

Мы забрали автомат, боеприпасы убитого и возвратились в свое подразделение...

Много лет спустя мы побывали на этом месте с генералом Калюжным и председателем Новоивановского колхоза Иваном Михайловичем Горбулинским.

— Вон там,— показал генерал,— на опушке лесопосадки, у поворота железнодорожного полотна, стоял мой командный пункт.

— Неужели так близко к передовой?! — удивился Иван Михайлович.

— Да... Иначе нельзя было, дорогой. Приходилось принимать самые неожиданные решения. И чтобы при отсутствии должной связи быстро передать команды подразделениям, необходимо быть рядом с ними...

Генерал рассказывал тогда о тяжелых боях, восхищался героизмом курсантов и офицеров, проявленным в боях с немецко-фашистскими захватчиками при обороне сел и станиц, расположенных на берегах Малки, Баксана, Черека и Терека. Говорил о смелых рейдах по тылам врага, об операциях по уничтожению опорных пунктов противника.

Самые жестокие бои развернулись тогда за Новоивановское. Нам была поставлена задача: немедленно выбить противника из населенного пункта и отбросить его на левый берег Баксана.

Вот и Новоивановское. Под огнем противника дивизион вынужден был залечь и наступать поэскадронно, прикрывая друг друга. Бешеный огонь немцев не прекращался. Но курсанты первого и второго эскадронов ворвались в село, выбили немцев и отбросили их за Баксан. Не прошло и часа, как противник подтянул артиллерию, танки, форсировал Баксан и обрушил на нас шквал огня. К середине дня мы вынуждены были оставить село, а через некоторое время вместе со взводом Скакунова с юго-восточной окраины села неожиданно атаковали немцев. Основные силы нашего дивизиона ударили с юга. Немцы снова выбиты. Оставляя десятки трупов, они отступили за Баксан.

Утром следующего дня противник возобновил наступление на Новоивановское. В течение дня село трижды переходило из рук в руки. Потом мы получили приказ оставить Новоивановское и закрепиться на правом берегу Черека.

Нашему взводу было приказано любой ценой удержать мост через Черек между Новоивановским и Майским. А фашисты уже форсировали Баксан и Урвань. На опушку леса вышло более 40 танков противника. Они открыли беглый огонь по нашей оборонительной позиции. Под огнем противника нам пришлось рыть ходы сообщения, прокладывать траншеи, маскироваться...

Стоял ясный августовский день. На голубом небе видны легкие облака. Пахнет прогретой зеленью. По обе стороны пыльной проселочной дороги чуть колышутся перезревшие хлеба. Казалось, нет никакой войны. Но постоянные вопросы лейтенанта Овчинникова, проверявшего состояние нашего оружия, огневых точек, напоминают о войне. Своего командира мы очень любили. В прошедших тяжелых боях он показал себя человеком удивительной отваги, мужества и воли. Мы гордились Овчинниковым и старались походить на него...

— Немцы едва ли будут атаковать без танков,— сказал лейтенант.— Настройтесь на борьбу с ними.

Мы с Даловым тщательно осмотрели пулемет, диски.

— Знаешь, Адам,— сказал Далов,— вот разгромим немцев, вернемся, поедем в наше селение. Первым долгом зайдем к отцу. Ведь он откармливает для нас валуха!..

Не суждено было Далову встретить День Победы...

В тот день наш дивизион, находясь под ожесточенным огнем врага, отбил две его атаки танков и пехоты. Противник, понеся большие потери, отступил.

...Неожиданно хлынул сильный ливень. Под его прикрытием большая колонна немецких танков вышла на рубеж нашего второго дивизиона, ата-

ковала с ходу. Отдельные танки прорвали линию обороны. Часть из них уже вышла на железнодорожное полотно. Создалась угроза перехода врага через железнодорожный мост. Но вскоре раздался взрыв огромной силы: по приказу начальника училища железнодорожный мост был взорван. Потеряв возможность переправиться через Черек, противник стал перебрасывать танки на рубеж нашей обороны.

Пулеметные очереди били по брустверу, защелкали разрывные пули. Снаряды вздымали на нашем берегу землю, на левобережье Черека опять появилась вражеская пехота.

Командир взвода подошел к нам, приказал взять противотанковые гранаты и с пулеметом переправиться через Черек, залечь под бугорком и не дать танкам врага подойти к мосту.

Под огнем противника мы переправились через бурную реку и лишь успели залечь, как подошли фашистские танки. Как и прежде, не доходя до бугорка, остановились. Грохнула наша пушка. Но ее снаряды упали так близко, что нас чуть не закрыло выброшенной землей. Из пулемета мы открыли огонь по переднему танку. Старались бить по смотровым щелям. Расстреляли один диск, второй. Меняли свое место, чтобы враги не могли пристреляться. Когда огонь притих, Далов вручил мне пулемет и попросил прикрыть его. Сам взял противотанковые гранаты, пополз вперед. Немцы открыли огонь. Мухамед прижался к земле. Я дал по танку несколько очередей. Далов продолжал ползти вперед. Танки вели по нас огонь. Снова я дал длинную очередь, и вдруг пулемет замолчал: кончились патроны.

Схватив гранаты, я выполз из-за бугорка. Тут же увидел, как Далов поднялся во весь рост, швыр-

нул подряд две гранаты. Взрывом потрясло крайний слева танк. Охваченный дымом, он замер. Мой бросок тоже оказался удачным: закружился и за-тих второй танк.

Дорога к мосту была перекрыта подбитыми машинами. Остальные танки противника развернулись и пошли в фес. В это время с опушки раздалось несколько пулеметных очередей. Далов как-то странно повернулся ко мне. Я подполз и спросил:

— Что с тобой, Мухамед? Ранен?

Ни слова не говоря, он упал как подкошенный. Я взвалил его на плечо, мы переправились через Черек (мост был уже разрушен). Четырнадцать пулевых ранений получил Мухамед, но еще дышал. Тут же его отправили в госпиталь...

Наш взвод потерял в этих боях более половины личного состава. Выбыл из строя и тяжело раненный командир Н. Ф. Овчинников.

Ясин Джамурзаев и Блю Абазов взяли на себя командование отделениями. Бойцов в них осталось мало, но мост удержали. Выстояли под натиском многочисленных атак врага.

Я читал письмо Мухамеда Далова жене и сыну: «Я оставил родное село. Оставил вас, мои дорогие. Но я могу честно смотреть в глаза вам и всему народу, потому что честно воюю, защищая честь и свободу нашей великой Родины. Я не допустил ни одного нечестного поступка ни в мирной жизни, ни в бою. Уверен: мы отступаем сейчас, чтобы с наших гор стремительно ринуться вперед. Пока враг на нашей советской земле, не будет покоя в моем сердце...»

Мухамед весь в этих словах. Прошло уже более 50 лет, как не стало замечательного друга, но всегда живет в моем сердце светлый образ доро-

гого Мухамеда, отважного воина, кристально чистого и честного человека, коммуниста, никогда не ведавшего страха перед врагами и героически отдавшего свою жизнь за честь и свободу родной земли.

На левобережье Черека, в районе Новоивановского, наше положение стабилизировалось. На пути врага новочеркасские курсанты вновь встали неодолимой преградой. После безуспешных семидневных боев немцы пополнили свои потрепанные силы новыми танковыми подразделениями и артиллерией. Но все попытки прорваться на Котляревскую, Александровскую, Муртазово и через Терек к Орджоникидзе разбивались о мужество и стойкость курсантов и воинов других частей. Тогда гитлеровцы решили сосредоточить свои силы в районе Баксана. Создалась угроза прорыва их на Нальчик. Кавучилище срочно было переброшено в район Кызбуруна III и Кишпека.

Наше подразделение заняло оборону в селении Кишпек. Прибыв сюда на рассвете, мы вынуждены были с ходу вступить в бой, который продолжался почти до середины дня. Особенно жарким он был на рубеже Кызбуруна III. Противник, бросив в бой большие силы танков и самоходных пушек, неоднократно пытался овладеть мостом через Баксан и прорваться к Нальчику. Но это ему не удавалось: курсанты держались стойко.

К середине дня бой немного затих, мы получили передышку, успев позавтракать, окопаться, пополнить боеприпасы. Перед вечером меня, Джамурзаева и Блю Абазова, как хорошо знающих местность, вызвал командир дивизиона полковник Курбалидзе и приказал ночью достать «язык».

От беспрерывных дождей в горах Баксан бушевал. Нужно было найти удобный брод и наиболее

безопасный подход к Баксаненку. Пока не стемнело, мы определили брод, наметили маршрут движения, измерили азимут и обозначили ориентиры. К нашему счастью, пошел моросящий дождь.

Сдав документы политруку Шеховцову, во главе с сержантом Николаем Карпенко всемером вышли из Кишпека на старую скотопрогонную дорогу, которая вывела нас к бурлящему Баксану.

— Кто пойдет с нами? — спросил Ясин.

Все подошли к нему, взялись за руки и осторожно вошли в ледяную воду. Она сводила тело судорогой, сбивала с ног. Но переправились мы благополучно.

На юго-восточной окраине Баксаненка вражеский солдат пускал ракеты и освещал подходы к селению. Мы решили взять этого «осветителя». Карпенко и Абазов остались для прикрытия. Мы с Хуснудиновым поползли к месту, откуда взлетали ракеты. Первым приблизился Хуснудинов, здоровый, сильный татарин из Казани. Он оглушил врача, когда тот перезаряжал ракетницу. Сгреб его и завернулся в плащ-палатку. Оказалось, что это был румын.

Соблюдая меры предосторожности, мы вернулись, но «язык» оказался мертвым. То ли с перепугу, то ли Хуснудинов не рассчитал силу удара... Начальник штаба пожурил нас и приказал достать живого «языка».

Днем отдохнули, обсушились. Ночью снова отправились к Баксаненку. Залегли в кустах у реки Баксаненок. А ночь была настолько темна, что ничего нельзя было разглядеть.

Хуснудинов (теперь он был старшим разведгруппы) приказал Абазову и мне переправиться через речку и установить, что происходит у противника. Вскоре мы доложили, что на восточной ок-

райне Баксаненка немцы численностью до роты роют траншеи. Подвезли две пушки. Вероятно, будут обстреливать Кышек.

Мы убедились, что к селу можно подойти лишь с севера или северо-востока. Для этого понадобится большой обходной бросок. Но мы не успеем: приближался рассвет.

Принимаем решение: переждать до темноты. Восточнее селения — мелколесье, густые заросли камыши. Решили там понаблюдать за действиями противника, уточнить характер проводимой им работы.

Днем, выставив охранение, отдыхали по очереди, наблюдали за противником. С высокого дерева хорошо просматривались и юго-восточная окраина Баксаненка, и шоссейная дорога на Прохладный, по которой двигались немецкие машины. Проследовало более двадцати пушек на тягачах. Танков не видно: вероятно, враг не смог переправить их через Терско-Кумский канал.

Целый день мы наблюдали за противником. На юго-восточной окраине села засекли огневые точки. Убедились, что в повозках и на грузовиках немцы везли снаряды...

Наступал вечер. Солнце опустилось за цепи гор, темнота быстро разлилась по равнине.

Пробираемся на северную окраину Баксаненка. Было тихо, улицы оказались пустыми. Мы решили проникнуть на юго-восточную окраину, где противник прошлой ночью рыл траншеи. Здесь в одном из домов и захватили немецкого солдата.

Командир дивизиона Курбалидзе объявил нам благодарность. Пленный подтвердил, что в Баксаненке и Баксане стоят подразделения 2-й горнострелковой румынской дивизии, ждут подхода танков и мотопехоты...

На основании сведений, доставленных нами, утром следующего дня минометно-артиллерийским огнем были уничтожены огневые точки противника на юго-восточной окраине Баксаненка, а также машины и повозки с боеприпасами. Противнику был нанесен большой урон в живой силе и технике.

Мы не успели обсушиться, как снова нас вызвали в штаб дивизиона. Нужно было вывести усиленный эскадрон в тыл противнику и овладеть мостом на Терско-Кумском канале, а также совершить рейды по вражеским тылам.

Получили трехдневный сухой паек, патроны и гранаты. Ночью переправились через Баксан и, обогнув Баксаненок, вышли в тыл противнику, замаскировались в зарослях кукурузы. На рассвете наш взвод атаковал противника на магистральном канале, перебил охрану и занял оборону. Румыны оказались отрезанными от основных частей горнострелковой дивизии, расположенных в Старой Крепости и Баксане.

Противник не мог с этим смириться, перешел в наступление, но с потерями отступил в Баксаненок. Во второй половине дня румыны снова попытались атаковать нас, но уже в конном строю. Мы тоже вскочили в седла, развернулись повзводно и ринулись на румынскую конницу. Это была наша первая атака в конном строю и первая боевая рубка.

Румыны не выдержали, повернули назад. Их конница была уничтожена и рассеяна. Мы не потеряли ни одного человека. Лишь несколько курсантов были ранены. Отважно и умело действовали во время рейда старший лейтенант Богатырев и лейтенант Бутько, курсанты Хуснудинов, Абазов, Джамурзаев...

Закончен рейд. Выведено из строя два эскадрона румынской конницы и до четырехсот пехотин-

цев. Захвачена полковая почта с важными материалами и ценностями, награбленными на нашей земле. Уничтожено много боевой техники. Проведено несколько операций по уничтожению опорных пунктов врага в районе Старой Крепости и Баксаненка.

В боях мужали и закалялись курсанты училища. Они сыграли свою роль в разгроме врага на рубежах Кумы, Малки, Баксана, Черека и Терека, внесли свой вклад в срыв планов молниеносного выхода захватчиков к Орджоникидзе и на Военно-Грузинскую дорогу.

Помнят Баксан и Черек своих защитников — курсантов Новочеркасского кавучилища. Добрая слава хранится о них в сердцах наших людей...

Хочется завершить эти заметки словами песни, сочиненной мною, которая исполнялась курсантами нашего взвода:

Пусть гремят разрывы и
земля дрожит,
Но не дрогнут смелые
курсанты.
Враг под их напором
в панике бежит,
Удирают в страхе
оккупанты.
В ураганном и
решительном бою
Грянем песню мы
курсантскую свою.
Вдохновит нас мужество
отцов и дедов,
И подаст нам руку
славная Победа!

* * *

В этих заметках ничего нет выдуманного. Страна рассказала обо всем, что воочию видел и сам пережил.

Прошел я боевой путь от предгорий Кавказа до столицы Австрии — Вены и Чехословакии — Праги.

Особенно памятны мне жестокие бои по освобождению Ростова-на-Дону, Минска, Одессы, Кишинева.

Участник таких боевых операций, как Ясско-Кишиневская, Корсунь-Шевченковская, прорыв «Миус-фронта» и освобождение Донбасса. Незабываемо памятны взятие Будапешта, освобождение Бухареста, многих городов Румынии, Венгрии, Чехословакии. Грозными и смертельно опасными были бои по форсированию таких рек, как Висла, Дунай, Влтава, Грон и других.

Но особенно незабываемо памятны мне жестокие оборонительные бои на территории Кабардино-Балкарии в августе—сентябре 1942 года в составе Новочеркасского кавучилища.

Невозможно забыть и такие боевые действия, как первая конная атака на подступах к селению Баксаненок, первый штыковой бой на склонах Сонбанских высот в Ростовской области.

Я благодарен судьбе, которая дала мне возможность встретиться на тяжелых дорогах войны с такими воинами-земляками, как Мухамед Дацов, Ясин Джамурзаев, Гузер Бацежев, Блю и Абисал Абазовы, Леля Калмыков, Туш Кулов и др. Они были не только воинами высокой храбрости, отваги и мужества, но и людьми беспредельной честности, чистоты душевной, так «отлично исполнявшими превосходную должность — быть Человеком на земле».

БОРИС ПЕТРОВИЧ ЧЕРЕМИСИН,
*ветеран Великой Отечественной войны,
писатель*

БУРЫЕ ПЯТНА НА ЧЕРНОЙ ШАЛИ

Чегемское ущелье одно из самых живописных на Северном Кавказе. Его охотно посещают туристы. Их влекут сюда Чегемские водопады, исторические памятники, Верхний Чегем, где родился великий поэт XX века Кайсын Кулиев. Да и то сказать — айран, шурпа, хичины, приготовленные по-чегемски, вкуснейшие, а девушки из этого ущелья — красавицы из красавиц...

Поднимаясь в верховья Чегема, туристы все время находятся под впечатлением удивительного калейдоскопа горных пейзажей, поразительной голубизны чистого неба, ослепительного солнца и улыбок смуглолицых, розовощеких горцев и горянок. Умеют жители поселков на берегах Чегема работать и веселиться. А когда отмечают знаменательные даты, то вспоминаютуважаемые фамилии родов и среди них обязательно Адика Наршаова. Простой горец-батрак всем сердцем принял революцию, был красным партизаном, сражался с белыми, а потом возглавил в родном Нижнем Чегеме первый колхоз, сумел сплотить скотоводов, и артельное хозяйство прославилось высокопродуктивным молочным животноводством и сырородием. Адика избрали делегатом на первый съезд колхозников-ударников. Сохранилась фотография, где А. А. Наршаов и другие члены делегации из Карачаево-Балкарии запечатлены вместе с М. И. Калининым и К. Е. Ворошиловым. Четверо колхозников из Нижнего Чегема были награждены высоки-

ми наградами, в их числе скотник Муса Шекеров — орденом Ленина, Адик Наршаев — орденом «Знак Почета» и доярки Чажу Тапасханова и Шамкыз Бапинаева.

А. А. Наршаев привез из Москвы подарок от К. Е. Ворошилова — кинжал в серебряных ножнах, украшенных золотом.

Много славных дел было на счету нижнечегемцев. Хорошую жизнь они связывали в первую очередь со своим мудрым руководителем Адиком, и когда он умер в 1940 году, то управлять колхозом доверили его старшему сыну Абдулкериму.

К слову скажем, Наршаовы, имевшие семерых детей, могли гордиться не только старшим сыном, знатоком животноводства, но и другими детьми. Уважением односельчан пользовался и второй сын, воевавший с белофиннами Хизир. Дочь Сакинат выросла волевой, целеустремленной. Она старалась быть достойной дочерью первого председателя колхоза, бывала в конных переходах из ущелья в ущелье, вместе с участниками первой колхозной альпиниады Кабардино-Балкарии поднималась в 1936 году на Эльбрус. Ей был 21 год, когда вступила в ВКП(б), работала в обкоме партии. На радость всему селению расцветала младшая из пяти сестер Наршаевых — Нашурумхан. Она была активисткой, и ее направили на учебу в Тбилиси в комсомольскую школу.

Жить бы всему горному краю, радуясь простым человеческим радостям, но на нашу страну напали фашисты.

Дальнейший наш рассказ пойдет о войне и бедах, которые обрушились на семью Наршаевых и балкарский народ.

Сакинат с первых дней войны трудилась, забывая об отдыхе, еде. Стойкая, худенькая, она похо-

дила на девочку-подростка, хотя была уже замужем. Сутки делила на две части: большую проводила в колхозах и среди нальчан, строивших оборонительный рубеж под Прохладным, а ночью дежурила в госпитале. В Нальчик с фронта везли раненых бойцов.

Когда враг приблизился к Кабардино-Балкарии и появилась реальная угроза оккупации республики, бюро обкома партии приняло постановление о создании партизанских отрядов и подполья.

Сакинат Наршаова стала подпольщицей. Вместе с бойцами Чегемского партизанского отряда она ушла в горы, сначала в Думалу, что в верховьях Чегема, а оттуда перебралась через перевал в Хуламо-Безенгийское ущелье.

Части Красной Армии всеми имевшимися у них силами, в тяжелейших боях сдерживали дивизии гитлеровцев, но те продвигались в глубь Кавказа.

В оккупированных селениях фашисты на первых порах применили тактику заигрывания с населением. Через переводчиков устроители «нового порядка» уверяли аксакалов, что германские войска несут свободу и счастье угнетенным народам, что будут свято уважать и хранить обычай жителей гор, раздавали священную книгу мусульман Коран.

Эта тактика использовалась несколько дней, а потом фашисты представили во всем своем зверином обличии. Захватчики начали грабить аульчан, забирать скот, ценности, насиливать девушек, по всем пяти балкарским ущельям прокатилась страшная весть: оккупанты расстреляли в Верхнем Чегеме братьев Татчаевых, Баттала и Адалгерия, жителей Нижнего Чегема. Они пытались уйти через перевал, но их схватили и убили. Оккупанты не

разрешили их похоронить. Трупы валялись на камнях, охраняемые черной овчаркой. Смелая женщина Ажа Кулиева сумела подобраться к месту казни и выкрада трупы земляков, казненных фашистами. Их похоронили как положено.

В Нижнем Чегеме фашисты выявили активистов, Их, в том числе председателя колхоза Абдулкерима Наршаова и его сестру Нашурумхан, вернувшуюся через перевал из Тбилиси, гестаповцы арестовали и увезли в Нальчик, в застенок. Там их пытали, требовали, чтобы назвали пещеры, где скрываются партизаны. Не добившись ничего, плачи расстреливали патриотов и сбрасывали в противотанковый ров за городом, у шоссейной дороги, идущей в направлении Прохладного.

Абдулкерима гестаповцы первым толкнули ко рву. Чтобы не видеть смерть брата, Нашурумхан закрыла глаза черной шалью и пошла следом за ним. Стреляли сзади в голову, разрывными пулями... Но об этом чуть позже.

Сакинат о трагедии брата и сестры узнала не сразу. Она, выполняя задание, из гостеприимного дома Малкандуевых в Думале ушла в Хуламо-Безенгийское ущелье. Принимала участие в собрании партизан в Кара-Су, встречалась с руководителями партизанских отрядов Черимом Кудаевым, Азретом Будаевым, Хамзатом Бозиевым, Маштаем Черкесовым и военными, оборонявшими Хуламо-Безенгийское ущелье. От них получила задание вернуться в родные места. Перед ней и другими подпольщиками была поставлена задача: рассказать горцам, отрезанным с двух сторон войсками, правду о войне, о боевых действиях на фронтах и, в частности, на Кавказе. Военные предложили взять с собой листовки. Сакинат ответила: «Я прочитаю, запомню. А иметь при себе явную улику ни к чему. Кому

доверяю, сообщу все, не беспокойтесь, в горах свой способ передавать новости».

А новости, которые должна была сообщить Сакинат, действительно были замечательные: под натиском Красной Армии оккупанты скоро побегут из ущелий. Нужно сохранить людей, скот. Не позволить угнать парней и девушек в Германию.

Уходила в родное ущелье Сакинат не одна. С ней отправились Зоя и Елизавета Искендеровы, которые должны были вести работу в родном Гунделене. С перевала пошли ночью, ориентируясь по знакомым очертаниям гор. Сакинат пригодилась закалка спортсменки. Одетая, как одеваются в горах старухи, закутанная в шаль, Наршаова шла быстро, сноровисто. Ночь была морозная, темно-синее небо усыпали крупные, кажущиеся близкими, звезды.

Через некоторое время уже были различимы шум Чегема и лай собак. В общем, дошли благополучно. Объявились у родственников Малкандуевых. В сгорбленной старушке те не сразу узнали дочь Адика, а когда пригляделись, разобрались, обрадовались. Гостей приняли, накормили. Обогрели. Внимательно слушали рассказ о том, что делается в мире, за перевалом. Спрашивали, когда же союзники откроют второй фронт. И конечно же радовались тому, что Красная Армия скоро начнет наступать.

Искендеровы, передохнув, ушли, а Сакинат осталась. Несколько дней и ночей, проведенных у заботливых Малкандуевых, нормальное питание, позволили ей набраться сил для дальнейшего пути. К тому же Сакинат чем-то выдала себя. Соседка спросила у хозяйки: «У вас кто-то прячется? Это опасно». «Никого у нас нет», — был ответ.

В ту же ночь Сакинат ушла. На этот раз небо было черным, без звезд. Отчетливо был слышен слева шум Чегема и некоторое время лай собак. На всю жизнь запомнился путь к Верхнему Чегему. Шла мимо города мертвых. Каменные гробницы не были видны в темноте, но от этого не легче. Сколько знала легенд о тех, кто нашел здесь вечный покой. Нервы напряжены до предела. Скорее бы добраться до места. Когда приблизилась к мосту перед Верхним Чегемом, показалось, что кто-то крадется за ней. Почувствовала, что волосы встали дыбом. Заторопилась, миновала мост и пустилась бежать к саклям. Только там перевела дух. Заранее решила, что остановится у Кулиевых. Однако в дом не пошла, а затаилась на скотном дворе. На рассвете кто-то из женщин вышел доить корову. Пригляделась: «Аха, ничего не говори. Это я, Сакинат». Что тут сделалось с бедной женщиной, которая не успела толком проснуться, и вдруг — голос Сакинат! А накануне слышала от людей, Сакинат Наршаова замерзла в горах. Видели ее труп. Ажа была не из робких; это она выкрала тела братьев Татчаевых, но тут рухнула без сознания. Ведро отлетело в сторону. Пришлось приводить бедняжку в чувство. Когда же она пришла наконец-то в себя, убедилась, что перед ней не привидение, а живая родственница, искренне обрадовалась и шепнула: «Заходи в дом».

Многое горестного узнала Сакинат в Верхнем Чегеме: брат и сестра в лапах гестаповцев. Надежды на вызволнение, на то, что останутся живы, никакой. Мать скрывается у родственников в Думале. Наверное, и до нее уже дошла черная весть, что дочь видели замерзшей. Поди, знает и об аресте Абдулкерима и Нашурумхан. Как все это перенести уже немолодой женщине?

Находясь в Верхнем Чегеме, Сакинат через подростка Исмаила Кулиева, который мечтал о подвигах, связалась с нужными людьми, передала новости, полученные у военных. В свою очередь, узнала, что товарищ, имевший поручение руководить партизанами в этом ущелье, подался через перевал в Грузию и, что самое прискорбное, Четемский партизанский отряд распался. Решили дальнее действовать самостоятельно. Она помнила просьбу военных, чтобы как можно больше горцев узнали о скором наступлении Красной Армии в горах Кавказа. Это и ей придало силы. Под новый 1943 год советские дивизии двинулись на врага. 4 января был освобожден Нальчик.

Вместе с радостной вестью полетело в горы и леденящее душу известие: всех арестованных гитлеровцы расстреляли у противотанкового рва. Несколько дней в четырех километрах от Нальчика, у дороги в сторону Прохладного, работали сотни людей, извлекая из рва трупы. Узнать многие жертвы можно было только по одежде. Палачи стреляли в затылок разрывными пулями. Лица были обезображенены до крайности.

Горным обвалом на Наршавых обрушилось сообщение, что Абдулкерим и Нашурумхан в числе 600 расстрелянных. На 25 подводах в Нижний Чегем и привезли тела патриотов из противотанкового рва. У бедной Кермахан, потерявшей сына и дочь, от горя произошло кровоизлияние, и она ослепла на один глаз. Сакинат держалась мужественно, но когда отогнула черную шаль в бурых пятнах, закрывавшую лицо Нашурумхан, содрогнулась. Разрывная пуля сделала свое дело. На месте лица зияла рана шириной в ладонь...

Казалось, не может быть более трагического и черного зрелища, чем похороны жертв расстрела

у противотанкового рва, но оказалось, что горькая чаша беды не испита до дна. 8 марта 1944 года колонны мощных «студебеккеров» поползли во все ущелья Балкарии. Человеконенавистный Берия лично руководил выселением горцев. Кому-то может показаться, что это уже совсем другая тема, что автор, получив большой материал, не может им соответствующим образом распорядиться. Я так не считаю, потому что война с фашизмом для балкарского и всех народов, изгнанных из родных мест и превращенных в спецпереселенцев, продолжалась долгих 13 лет. Война — это истребление, экстремальные условия. Именно истребление ни в чем не повинных женщин, детей, стариков, старух, начавшееся для балкарцев 8 марта 1944 года, а для чеченцев и ингушей 23 февраля 1944 года, продолжалось не дни, не месяцы, а годы и годы.

Сакинат была выселена как и другие. Полала в последний эшелон и всю дорогу тщетно пыталась узнать, где же трясется в телячьем вагоне горемычная Кермахан с двумя внуками.

По приезду в Джалал-Абад Сакинат обратилась к секретарю обкома партии Хамзамулину. Тот направил ее на работу инструктором горкома партии. Там с новой силой проявились способности С. А. Наршаевой работать с людьми, узнавать их нужды и добиваться устранения недостатков. Запомнила Сакинат потрясающую картину: в глино-битном помещении, которое с трудом можно было назвать жилищем, четверо малолетних детей пла-кали, терзали измощденную женщину, которая была похожа на привидение. Дети были голодны и требовали есть.

— Где мать детей? — спросила Сакинат.

— Умерла. Мне им дать нечего,— ответила несчастная и зарыдала.

Это была чеченка. Но не в лучшем положении находились и многие балкарские семьи. Хотя в общем-то отношение к спецпереселенцам киргизов, узбеков, казахов, русских, проживавших в тех местах, было сочувственным.

Наршаова обследовала несколько семей, находившихся в бедственном положении, и обратилась за помощью к первому секретарю Джалал-Абадского горкома партии Черткову. Фронтовик, прибывший в тыл по ранению, не остался равнодушным. Внимательно выслушал инструктора, распорядился немедленно создать комиссию, чтобы разобраться, как живут спецпереселенцы, как питаются, какую получают медицинскую помощь? На бюро горкома Чертков, познакомившись с выводами комиссии, спросил руководителей городских организаций: «Чем вы, собственно, отличаетесь от фашистов? Люди мрут от голода, тифа, желудочно-кишечных заболеваний!» На бюро был отстранен от работы заведующий горздравотделом. Соответствующие организации приняли срочные меры помощи нуждающимся продовольствием, медикаментами, организовали лечение больных.

Много сил спецпереселенцы в первые годы отдавали поиску и воссоединению семей. Довелось этим заниматься и Сакинат. Ее родственники оказались в Казахстане. Добилась разрешения и поехала. Сопровождал ее демобилизованный офицер Далхат Мизиев. Сошли на разъезде. Кругом голая степь. У Далхата был компас. Сориентировался на местности. Пошли. Ветер. Холод. Наконец-то вдали показалось какое-то приземистое строение. Подошли. Это и был приют нескольких семей.

Среди замерзших, изможденных обитателей Сакинат нашла сестру и родственников. Они были подавлены безысходностью. Тамада спецпереселен-

цев был рад и в то же время смущен, что не может принять дорогих гостей как положено; а главное — где поместить их на ночь? Он так и сказал:

— Не знаем, чем кормить и как устроить...

На все длинное помещение имелась единственная печь из глины, которая нещадно дымила. На ней каждая семья в очередь варила жидкий суп. Сакинат, видя, как живут её земляки, мучительно думала о том, почему же стариков, женщин, детей загнали в степные просторы. Ответ напрашивался такой: «Тот, кто поселял их здесь, имел злой умысел: на безоружных людей зимой нападет стая шакалов и прикончит».

Сакинат и Далхат забрали родственников, извинились перед остающимися. С трудом через снега добрались до полустанка, сумели погрузиться в поезд и доехали до Новосибирска. Дальше путь лежал на Фрунзе. В Новосибирске погрузились в товарный вагон. В пути у родной сестры Аулият умер грудной мальчик. Горе матери было огромно, но это несчастье отразилось бедой и для всех едущих. Нужно сходить с поезда, организовать похороны. Решили покойника везти дальше. Сакинат посадила мальчишку на нарты так, чтобы они закрывали несчастную мать от посторонних взглядов. Наршаова понимала, что если узнают о покойнике, то его отберут и неизвестно где и как похоронят.

Сакинат распорядилась, чтобы сестра в положенное время выпнимала грудь и клала ее на губы младенца. Вагон был набит людьми. Одна женщина все-таки заметила неладное и, обращаясь к Сакинат, спросила:

— Что с мальчишкой? Он не плачет, не просится?

— Он у нас очень тихий,— ответила Сакинат.— Мать грудью кормит. Все в порядке...

В Джамбуле пересели на Фрунзенскую линию, а на станции Мерке встретили карачаевцев. Они близко приняли несчастье ехавших. Взялись помочь и действительно все организовали. Мальчика похоронили так, как положено, и группа смогла продолжить свой путь дальше.

В жизни спецпереселенцев были не только черные дни. Балкарцы, живущие во Фрунзе, искренне радовались, когда после лечения в госпитале приехал земляк Кайсын Кулиев. Потом было всеобщее ликование, когда из тюрьмы к родным вернулся Адильгери Соттаев. Фронтовик, офицер, он в свое время написал протест в связи с выселением балкарского народа. За свой гражданский поступок Соттаев получил огромный срок — 25 лет. Он был освобожден только после смерти Сталина. Старший брат Соттаева Хасан устроил настоящий той, пригласил сотни гостей в Ворошиловку — это село расположено недалеко от Фрунзе. Гости гуляли три дня.

И конечно же балкарцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, киргизы, узбеки, русские ликовали, когда пришло долгожданное постановление, осуждающее культ личности Сталина, а скоро и разрешение спецпоселенцам вернуться в родные места.

Справедливость, в которую верила Сакинат, восторжествовала. Народы, вывезенные в Среднюю Азию, вернулись к родным очагам. Приехала в Нальчик Сакинат Наршбаева. Она работала председателем райисполкома, заместителем председателя Каббалкпотребсоюза, а когда недавно отдельные лица начали сбивать народ и требовать отделения Балкарии от Кабарды, смело вышла на трибуну Верховного Совета Кабардино-Балкарии и сказала: «Ни одному человеку не нужен конфликт, остановитесь, одумайтесь! Помните, зов

матерей к миру — это священный голос для сыновей и дочерей...»

По древнему обычью горцев, С. А. Наршаова положила перед депутатами платок. Этим действием женщины всегда смиряли враждующих мужчин. Никто из них не смел переступить через платок и продолжить борьбу...

В Кабардино-Балкарии покой. Все больше и больше людей в городах и селениях думают, что истинное благо, счастье — это когда не льется кровь, не гремят автоматные очереди и над головой голубое, ласковое небо...

С. А. Наршаова продолжает жить активной жизнью. К ее наградам — ордену Отечественной войны II степени, медалям «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа» и другим — прибавилась почетная медаль Советского фонда мира. Она член Совета старейшин при Президенте республики, председатель комиссии по международным отношениям Нальчикского Совета ветеранов войны, член республиканского Совета ветеранов войны.

С. А. Наршаова хранит черную шаль сестры, которой та закрывала глаза, чтобы не видеть смерть брата на краю противотанкового рва. Для нее это скорбная память о трагедии любимой сестры, брата, о нашествии гитлеровцев, о выселении балкарского народа, в то же время — это вера в то, что подобное никогда не повторится...

Много десятилетий Сакинат живет с мужем, замечательным человеком, ветераном войны, заботливым другом Сагидом Озиевичем Кетенчиевым.

Шумит, ни на секунду не затихая, стремительный Чегем. Белые барашки покрывают упругие струи, когда они рвутся через россыпь камней, свалившихся со скал в поток. Многое мог бы рассказать старик Чегем о людях, которые лили воду

его, но немногословны горцы-аксакалы. Верится, что придет на эти каменистые берега бессмертный певец, такой, как Кайсын Кулиев, понимающий говор струй, бегущих от ледников, и расскажет людям, о чем шумит горный поток...

ВИТАЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ ЛЕСЕВ,
ветеран Великой Отечественной войны

СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ...

Партизанка

Быть может, потому, что росла и воспитывалась Софият Жанказиева в семье, где большинство составляли мужчины, и в детстве, и в зрелые годы у нее нередко в реализации задуманного проявлялась такая решительность, на какую не всякий мужчина мог осмелиться.

Жили они в большом кабардинском селе Сармаково, раскинувшемся на берегах шумной и многоводной реки Малки, берущей начало с ледников седого Эльбруса. Весной село утопает в зелени садов, а близлежащие предгорья покрываются многоцветным ковром трав и цветов. На фоне белоснежных вершин Кавказа эти картины вызывают восторг всех, кому приходится посещать долину Малки.

Маленькой Соне исполнился всего месяц, как ушел из жизни отец. Вряд ли матери одной по силам было поставить на ноги и воспитать четырех детей, если бы не помочь родного брата мужа Фицы Жанказиева. Хотя и его помощь оказалась

не столь продолжительной. Ворвавшиеся в село белые расстреляли активного участника установления советской власти в Сармаково. Братьям Жанказиевым — Махмуду, Масхуду и Хамиду — пришлось рано познать нелегкий крестьянский труд, взвалить на свои еще не окрепшие плечи заботы о хлебе насущном. Их влияние не могло не сказаться на воспитании сестры. Она с детства умела запрячь и оседлать лошадь, лихо промчаться на ней по сельской улице, накормить и подонять корову, содержать в надлежащем порядке двор. Навыки по ведению хозяйства приобрела раньше, чем научилась читать и писать.

Мать хвалила ее за трудолюбие и старательность, за доброе и внимательное отношение к старшим, за постоянную готовность прийти на помощь. Но никак не соглашалась разрешить ей ходить в школу и не раз чинила разнос за то, что в стычках с мальчишками дочь никогда не уступала им, а временами даже брала верх. И откуда у нее только силы брались, ведь росла тоненькой и худенькой.

— Успокойся, диса¹, — говорил в такие минуты матери старший сын Махмуд. — Придет время, и она сама поймет, что ввязываться в драку девушке неприлично...

Но проходило некоторое время, и все повторялось сначала. Искренне завидовала Соня среднему брату Масхуду. Вокруг него хороводом ходила сельская молодежь. Быделя она, как и почтенные старики оказывали ему знаки внимания, ведь не случайно такого молодого избрали председателем сельского совета. Старший, Махмуд, пошел еще дальше, стал секретарем Нагорного райкома комсомола. А мать упорно продолжала держать ее дома и не пус-

¹ Ласковое обращение к матери.

кала в школу. Братья понимали, что так долго не может продолжаться, и во время одного из приездов Махмуда из Пятигорска, где тогда размещался райком, обсудили ситуацию и договорились с матерью, что Соня поедет к брату в Пятигорск. Если бы знала, что не в Пятигорск уедет дочь, ни за что не отпустила бы.

А София поступила на трехгодичные курсы горянок в Орджоникидзе, ни слова не зная по-русски. Потом она не раз вспоминала, как нелегко давалась ей учеба. Ночи не спала, зубрила. Но дела продвигались медленно. Ей снились картинки, которые им показывали на уроках, а пояснения к ним звучали на кабардинском. И все же она преодолела все трудности и научилась грамоте. Вернулась в родную Кабардино-Балкарию и сразу к матери. Та ее пожурила за своенравность, но в душе простила ее и даже порадовалась успехам. Дочь ждала работа, причем ей пришлось совмещать сразу две должности: заместителя председателя Баксанского райисполкома и директора районного промкомбината. Республика остро нуждалась в грамотных кадрах.

Теперь уже София Псабидовне не раз приходилось слышать: «Ну как она управляетя с двумя мужскими должностями?» И тут же в памяти всплывали слова матери: «Тебе надо научиться, как дом вести, а не в школу бежать».

Быть может, мать в чем-то и была права, но виной тому, что слишком коротким оказалось ее женское счастье, оказалась война. В тридцать шестом сыграли свадьбу, а в сорок первом, защищая Одессу, погиб ее суженый Митя Куважуков.

Не прошло и года, как война докатилась до родных мест. Казалось, они делали для фронта все. Ведь на плечи женщин, старииков и детей-подростков свалились все заботы по выращиванию и убор-

ке урожая, по выполнению производственных планов и подготовке кадров для службы в армии. А враг все дальше продвигался в глубь нашей страны. И вот он уже у границ родной Кабардино-Балкарии. Необходимо эвакуироваться. Но это не для решительного характера Софият Псабидовны. Она ждала, когда начнется формирование партизанского отряда. В числе первых добровольцев написала заявление. Но ей отказали:

— Ты знаешь, на что идешь? Да у тебя и подготовки-то военной никакой нет...

Тогда она пошла к первому секретарю райкома партии и, несмотря на его неоднократные предложения присесть, так и не села, а говорила стоя:

— Вы знаете, война отняла у меня мужа, старший брат вернулся с фронта без обеих ног, где-то в госпитале лежит раненый второй брат. Не мне ли суждено отомстить ненавистному врагу за причиненные утраты? Я твердо решила идти воевать. Вот мое заявление, и я не уйду из кабинета, пока не будет удовлетворена моя просьба. В противном случае буду партизаниТЬ в одиночку!

И ее взяли. В Баксанский районный партизанский отряд зачислили 25 мужчин и одну женщину. Клятву принимали они в штабе 37-й армии в Нальчике. Начальник штаба армии генерал-майор Иван Семенович Вареников, глядя на хрупкую фигурку партизанки Жанказиевой, спросил у командира отряда:

— А выдержит ли предстоящие испытания?

— Выдержит! — уверенно заявил Хазраил Ерижоков. — У нее характер бойцовский...

Для разгрома вражеского гарнизона в селе Каменномостском, которое всего в десяти километрах от Сармакова, была сформирована боевая группа

из 134 человек разведчиков-гвардейцев, партизан Баксанского и Кисловодского отрядов. В ночь на 19 сентября 1942 года группа вышла на задание. Вела ее Софият Жанказиева по известным ей тропам еще с юных лет. К утру вышли к глубокой долине реки Малое Экепцоко всего в километре от села. Укрылись и выслали разведку из двадцати бойцов из отделения баксанских партизан. Им была поставлена задача: уточнить подходы к селу и захватить «языка», чтобы знать численность гарнизона. Разведчики столкнулись с вражеским дозором. Пришлось его уничтожить, а трех раненых из дозора захватить.

21 сентября гвардейцы и партизаны с нескольких сторон ворвались в село. В тот день отличились партизаны: заместитель командира партизанского отряда Ауес Хамзетович Жамбаев, комиссар Хачим Гумарович Бгажноков, Софият Псабидовна Жанказиева, Яков Григорьевич Колесников и Фица Мударович Кауфов.

Вскоре приказом по войскам Закавказского фронта за проявленное мужество в этой операции орденами Красного Знамени были награждены С. П. Жанказиева и А. Х. Жамбаев.

А 9 октября 1942 года в вечернем сообщении Совинформбюро прозвучало: «Отряд кабардино-балкарских партизан, действующий в тылу немецко-фашистских войск, совершил смелое нападение на штаб румынской дивизии. Советские патриоты истребили до 100 румынских солдат и офицеров, уничтожили 2 автомашины и 2 пулемета».

Сколько радости и счастья испытала Софият Псабидовна Жанказиева, когда вместе с воинами 2-й гвардейской стрелковой дивизии входила в освобожденный Нальчик. Их встречали как героев.

Дымились руины разрушенных врагом зданий, в душе было беспокойство за родных и близких, но изгнание врага вселяло веру в нашу победу.

Годы восстановления разрушенного хозяйства — трудные для республики годы. Вместе с тем до последнего дня своей жизни София Псабидовна считала их самыми счастливыми. Ведь на эти годы выпало время работы в комсомоле. Когда-то она так завидовала брату, мечтала о том, чтобы хоть когда-нибудь побывать в его роли. И время это пришло. Как и в период партизанских будней, в районы приходилось выезжать верхом. А ей очень нравилась такая служба.

Потом направили ее на работу в Министерство социального обеспечения. Дослужилась до должности заместителя министра. Работала на одних нервах. Ведь самой приходилось вести следствие, когда какой-то негодяй присваивал инвалидские хлебные карточки или жульничал с пенсиями. Находила виновных и с присущей ей прямотойправлялась с такими беспощадно. Вместе с тем была исключительно внимательна к запросам инвалидов и участников Великой Отечественной войны. Находила время, чтобы познакомиться с их бытовыми условиями. Она была добра к тем, кто прошел суровые испытания войны и дорого заплатил за нашу Победу.

Она никогда не искала легких путей к карьере, никогда не кичилась высокой наградой, не использовала служебного положения в корыстных целях и тем снискала всеобщее уважение и добрую память о себе.

Саперы

В самом начале боевых действий, которые развернулись летом 1942 года на Северном Кавказе,

выявились слабость нашей обороны, а местами и полное ее отсутствие. К началу августа в непосредственном подчинении полевых армий, сдерживавших наступление немецко-фашистских войск, находились только три инженерных и пять саперных батальонов, а в дивизиях имелось всего пятнадцать саперных батальонов. Если учесть их слабую оснащенность и неукомплектованность, то, естественно, такими силами невозможно было обеспечить сооружение оборонительных рубежей на тысячекилометровом фронте. Видимо, частично и этим объяснялось столь стремительное продвижение противника к предгорьям Кавказа. Обстановка осложнялась еще и тем, что на этом участке фронта не было ни одной специальной инженерной части, подготовленной к действиям в высокогорных условиях.

Враг уже вторгся в пределы Кабардино-Балкарии. Упорные бои шли на Баксанском рубеже, когда последовало указание Ставки Верховного Главнокомандования об увеличении числа и значительном пополнении личным составом армейских саперных подразделений. Только поэтому одну из групп призывников Терского района нашей республики, в которую входили Ажгери Абазов, Залимгери Абаноков, Хаути Бевов, Назир Дадохов, Кабон и Николай Кизовы, Хасан Мамрешев, Машхари Сенов, Махмуд Тарчков, Исуф Хамуков и другие, в первых числах сентября 1942 года направили в 160-й отдельный мостостроительный батальон 37-й армии.

События на фронте не позволили заниматься боевой учебой. Времени на нее не было. Юноши, многим из которых не исполнилось еще восемнадцати лет, овладевали основами саперного дела на практике. Название батальон носил громкое: «мостостроительный», но необходимой техники не имел.

Главное оружие, которым в ту пору учились владеть молодые воины, были саперные лопаты, кирки, ломы, пилы и топоры.

О ходе Нальчикской оборонительной операции написано достаточно много. Немало добрых слов сказано о самоотверженности и мужестве бойцов и командиров инженерных частей 37-й армии. В трудах военачальников и военных историков приводятся подробные цифры о числе поставленных минных полей, о количестве сооруженных дотов и дзотов, о километрах проложенных противотанковых рвов и траншей, о взорванных мостах и восстановленных. Но ни слова не сказано о вкладе в эту работу наших земляков-саперов.

Известно, например, что 1574-й отдельный саперный батальон под командованием воинтехника 1-го ранга Филиппского вел сооружение важной дороги по маршруту Жемтала — Фанерный завод — Ташлы-Тала — Аксарисар. В период, когда противник прорвал нашу оборону на Баксане, эта магистраль позволила без больших потерь вывести значительную часть живой силы, транспортные и артиллерийские подразделения 37-й армии. Успешному выполнению заданий командования по прокладке дороги способствовало включение в работу личного состава 160-го отдельного мостостроительного батальона. Вот что об этом вспоминает Машхари Битович Сенов:

— Дорога на Ташлы-Тала запомнилась нам на всю жизнь. Хоть многие из нас с детства были приучены к физическому труду, но то, с чем пришлось столкнуться, казалось порой, было выше человеческих сил. Работали мы посменно, но круглосуточно. На земляных работах нормы были такие, что в мирное время крепкому мужчине ни за что их не осилить. Нам приходилось валить лес, корчевать

пни, пробивать ломами и кирками каменистый грунт, настилать земляной и щебеночный покров проезжей части дороги, заниматься трамбовкой, настилать водоотводы и выполнять другие виды работ. На наши еще не окрепшие плечи выпала такая нагрузка, что порой казалось невозможным поднести ложку ко рту во время обеда. Это было испытание всех наших физических и моральных сил. И быть может, потому, что трудились мы на родной земле, что рядом были земляки, мы и смогли с честью выдержать этот экзамен. Признаюсь честно,—а я на фронте повидал всякого, был и артиллеристом, и автоматчиком,— работа в стройбате была во много раз труднее службы в любом другом роде войск... Дорогу на Ташлы-Тала мы проложили в срок. Уже потом комбат говорил, что трудились мы не зря. Дорога наша помогла спасти тысячи жизней воинов 37-й армии и вывести артиллерию и технику...

Многие годы знаком я и поддерживаю связи с двумя ветеранами 160-го отдельного мостостроительного батальона Залимгери Хамишевичем Абакировым и Машхари Битовичем Сеновым. С первым довелось в начале пятидесятых годов трудиться на комсомольской работе в республике, со вторым вместе учиться на физико-математическом отделении Кабардино-Балкарского учительского института. В ту пору у нас не возникало разговоров о том, кому и где пришлось воевать. Откровенно, я даже не знал, какими наградами был отмечен ратный подвиг моих друзей. Зато всегда восхищался их трудолюбием, высокой дисциплинированностью и исполнительностью, неистощимым оптимизмом Залимгери и скромностью Машхари. Фронтовая закалка сказалась на их послевоенных биографиях. Потребовалось немало времени, чтобы вызвать друзей

своих на откровенный разговор о днях минувших. Обо всем, конечно, не рассказать, но все же...

— Я уже точно не помню,— рассказывал при встрече Залимтери Хамишевич,— когда и где мои земляки выбывали из мостостроительного батальона, а мне пришлось профессию сапера пронести через всю войну. Что сказать об этой профессии? Ведь труд сапера на первый взгляд мало заметен. Но на фронте ни одна операция от самой маленькой до крупной не обходится без участия саперов. Идут ли в разведку пехотинцы или проводится разведка боем, готовится вражеская атака или намечается отход противника — всюду нужны саперы. Не меньше пехоты подвергались мы артиллерию скому обстрелу и бомбёжкам. Но, пожалуй, труднее всего пришлось нам, когда мы оказались прижатыми к Кавказскому хребту. В ряде случаев подразделения одного и того же полка оказывались разобщенными непроходимыми ущельями или отвесными скалами. Отсутствовали тыловые дороги. Резко ухудшилось снабжение войск боеприпасами и продовольствием. Тогда наш батальон получил задачу проложить южнее Алагира дорогу через скалистый хребет. Работали мы в исключительно опасных с точки зрения техники безопасности условиях. Таких мозолей на наших ладонях, как в ту пору, я не видел за всю жизнь. Но радостно было сознавать, что наш труд явился частицей общих усилий по разгрому Гизельской группировки противника. Это была первая крупная победа наших войск в битве за Кавказ...

Вскоре после боев под Орджоникидзе расстался Машхари Сенов со своими друзьями и получил направление для продолжения службы в 333-м отдельном истребительно-противотанковом артиллерийском дивизионе. На должности заряжающего

орудийного расчета прошел он дорогами наступления от предгорий Кавказа до Голубой линии на Кубани. Там пересеклись фронтовые пути Сенова и Абанокова. В мае 1943 года под Крымской оба были ранены. Битва за Кавказ для земляков завершилась на госпитальной койке.

Не стану распространяться о дальнейшей службе их. Машхари Сенов, будучи автоматчиком, штурмовал вражеские укрепления на Перекопе и в Кенигсберге. Его ратный подвиг отнесен орденами Отечественной войны I степени и Славы III степени, медалью «За отвагу» и другими наградами. В годы мирного труда удостоен он почетного звания заслуженного учителя школы Кабардино-Балкарии и орденов Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени.

Залимгери Абаноков прошел фронтовыми дорогами до столицы Болгарии Софии и там случайно встретился с земляком Кабоном Кизовым, с которым призывался и начинал армейскую службу в 160-м отдельном мостостроительном батальоне. Им было о чем рассказывать друг другу, ведь у каждого за плечами была большая война.

За проявленное в годы войны мужество и за самоотверженный труд в мирные дни грудь Залимгери Хамишевича Абанокова украшает орден Отечественной войны I степени и другие награды.

На Ардонском рубеже

В первых числах августа 1942 года в Кабардино-Балкарии началось формирование 319-й стрелковой дивизии. Прибывший в Нальчик из кисловодского госпиталя, где находился на лечении после ранения в Севастополе, комбриг С. Ф. Монахов

здесь был назначен на должность командира дивизии и получил штаты на ее состав.

В Нальчике и окрестных населенных пунктах было принято первое пополнение. В полки и подразделения усиления прибывала молодежь в основном из краев, областей и автономных республик Северного Кавказа. В новом пополнении было немало и наших земляков.

После окончания окружных сборов военных медиков лейтенант Б. И. Литвак стал начальником медико-санитарной части 1336-го стрелкового полка. На должность военфельдшера медсанчасти прибыл из Майского Н. С. Крыгин. Оказавшегося в резерве фронта в Нальчике лейтенанта Ж. К. Эфендиева назначили командиром взвода управления третьей батареи 1014-го артиллерийского полка 319-й стрелковой дивизии. Полк начинал формирование в селении Чегем I. Туда же из села Новополтавского Прохладненского района прибыл на должность наводчика орудия И. П. Сизоненко, а на должность санинструктора была назначена Ф. Ж. Шогенова.

Но завершить формирование дивизии в Кабардино-Балкарии помешали обстоятельства, сложившиеся к тому времени на фронте. А он все ближе подходил к Нальчику. Тогда последовал приказ о передислокации начавших формирование подразделений дивизии в Северную Осетию. Но и там продолжить начатое дело было невозможно из-за большого скопления отходивших войск, прибытия тыловых служб армейских и фронтовых соединений, массы эвакуируемых и беженцев. Пришлось по железной дороге перебрасывать уже набранный личный состав, вооружение и технику в Дагестан. На станции Мамедкала эшелона разгрузились, и в лесу у населенного пункта Маджалис продолжи-

лись работы по приему пополнения, формированию дивизии и боевой выучке личного состава.

Последняя группа призывников из Нальчика численностью в 150 человек в сопровождении офицера направлялась на пополнение в 319-ю стрелковую дивизию 11 августа 1942 года. В ее составе были Анатолий Апаньев, Воробьев, Николай Колпаков, Зиновий Мурzin, Андрей Пискунов, Борис Чирков, Александр Цыбрюков и другие вчерашние школьники. В этой команде были не только коренные нальчане, но и ребята, эвакуированные в Нальчик из других мест. До места назначения команда двигалась пешком. Вновь прибывшее пополнение быстро распределили. Окончивший в Нальчике курсы младших командиров Зиновий Мурzin получил звание сержанта и стал помощником командира пулеметного взвода, Анатолий Апаньев и Александр Цыбрюков были зачислены курсантами роты учебного батальона, Андрей Пискунов — разведчиком 209-й отдельной разведроты.

Боевая учеба продолжалась недолго. 23 сентября 1942 года молодые бойцы приняли воинскую присягу и вскоре прибыли в район Махачкалы.

Когда немецко-фашистские войска прорвали нашу оборону на Баксане, захватили Нальчик и устроились к Орджоникидзе, последовал приказ о переброске 319-й стрелковой дивизии в Северную Осетию.

В Северо-Осетинском издательстве «Ир» выпущена в свет книга воспоминаний ветеранов 319-й стрелковой дивизии «Ардонский рубеж». Составитель книги, ставший бойцом 1336-го стрелкового полка дивизии в Нальчике, писатель Юрий Михайлович Миронов приложил немало сил и труда, чтобы собрать, систематизировать и обработать сведения, которые сохранила память бойцов и команди-

ров, преградивших путь ударной группировке 1-й танковой армии гитлеровцев на рубеже селение Кирово — хутор Ардонский — Нарт — Рассвет.

В книге немало мест, которые запоминаются. Взять, например, строки о параде дивизии накануне тяжелого боя: «Великолепным выражением нашего высокого настроя стал торжественный марш полков 319-й через город. Никогда не покинет меня острое чувство слитности со всеми, кто шагал мглистым вечером от Орджоникидзевского вокзала через затемненный город к еще не укрепившемуся фронту у Ардона, который предстояло нам удержать. Город уже подвергался массированным налетам вражеской авиации, жители научились различать действие фугасных снарядов и зажигательных и настоечные обреченности наверняка охватывали многих. А тут по улицам города идет полнокровная свежая дивизия с развернутыми знаменами под звуки оркестра.

...Время приближалось к полуночи, в затемненном городе далеко разносился звуки марша. Люди нам кричали по-осетински и по-русски, а мы в ответ все крепче били заморскими ботинками-кирзачами по камню, по асфальту, высекая искры. Это был триумф дивизии. Народ поверил, что мы его защитим, отстоим город в бою. Марш нашей дивизии стал для меня как бы памятным уроком военного братства, интернационализма, общенациональной сплоченности. Думаю, это и стало одним из слагаемых нашей стойкости во время боев на осетинской земле...»

Волею судеб сразу после марша 319-я стрелковая дивизия вышла к реке Ардон и в насконо открытых окопах приняла главный удар фашистской группировки войск, нацеленной на Орджоникидзе. Врагу удалось рассечь боевые порядки дивизии,

нанести невосполнимый урон в живой силе и вооружении. Дорогой ценой пришлось заплатить за то, чтобы задержать врага.

На Ардонском рубеже прошли боевое крещение и пролили свою кровь наши земляки Анатолий Антонович Анаьев, Николай Михайлович Колпаков, Зиновий Иванович Мурzin, Иван Петрович Сизоненко, Александр Иванович Цыбрюков и другие. Трагически сложились события для Андрея Яковлевича Пискунова. Будучи в разведке в районе села Рассвет он попал под артиллерийский обстрел и был контужен. Очнулся в пленау. Испытал все горечи немецких лагерей для военнопленных. Перенесенные невзгоды оказались на здоровье, и уже в мирные дни ушел он из жизни.

— В нашем учебате,— рассказывал Анатолий Антонович Анаьев,— начальником штаба был старший лейтенант Баранов, а командиром нашей роты — старший лейтенант Александров, всегда подтянутый, выбритый, аккуратный. Когда мы рыли окопы, он появился свежим, с беленьким подворотничком... И еще один момент запомнился. Когда под Рассветом меня ранило, я приполз в медсанчасть полка. Встретил меня здоровенный санитар. Потребовал сдать винтовку и патроны, потом долго ворчал, что я гранату-лимонку опустил в карман шинели, а его рука не пролазила в узкий карман. Но все же самым памятным явилось то, что первую помощь в медсанчасти мне оказывала нальчанка. Я знал ее по городу. В ту пору фамилия ее была Двухбабная. Она после института была зачислена врачом нашей медсанчасти. Сейчас она живет в Нальчике и носит фамилию Литвак...

Из Киева откликнулся Зиновий Иванович Мурzin: «В составе пулеметной роты 319-й стрелковой дивизии мне пришлось принимать участие в оже-

сточных боях ноября 1942 года на подступах к Орджоникидзе. Героизм молодых воинов дивизии был массовым. Мы противостояли отборным фашистским частям. Инициатива была на стороне врага. И все же мы выстояли. Правда, ряды наши крепко поредели. Мне пришлось в 319-й дивизии воевать до декабря. Под селом Дзаурикау я был ранен и выбыл в госпиталь. В госпитале мне посчастливилось встретиться с Николаем Колпаковым. Мы с ним учились в школе младших командиров, которая была организована при республиканском Осоавиахиме. Потом вместе шли до Дагестана. Он командовал отделением в 1336-м стрелковом полку и выбыл по ранению...»

Нет уже в живых ветерана 319-й стрелковой дивизии Александра Ивановича Цыбрюкова и водчика 1014-го артиллерийского полка Ивана Петровича Сизоненко. Но продолжает трудиться Николай Николаевич Чурилов, воспоминания которого опубликованы в книге «Ардонский рубеж». Многое может рассказать участник событий под Ардоном артиллерийский разведчик Николай Гаврилович Шинкарев и его однополчанин Жираслан Касимович Эфендиев, воспоминания которого приводятся ниже.

...Спустя годы на господствующей высоте 435,9 — ключевой позиции линии фронта у Ардона — поднялся памятник тем, кто здесь сдержал наиск врага. Ежегодно к его подножию в каждый праздник ложатся цветы, как дань памяти совершенному здесь подвигу.

**ЖИРАСЛАН КАСИМОВИЧ ЭФЕНДИЕВ,
ветеран 319-й стрелковой дивизии**

ОТ ПЕРВОГО ДО ПОСЛЕДНЕГО ЗАЛПА

В 1938 году простился я с родным Аушингером и поступил на историческое отделение Кабардино-Балкарского учительского института. С душевной теплотой до сих пор вспоминаю студенческие годы, то особое чувство товарищества, взаимовыручки и настоящего братства молодежи. Жили дружно, веселились от души и думали о прекрасном будущем, в которое искренне верили. Я был комсомольцем и гордился этим. Учебу в институте закончил в 1940 году. Но работать в школе не пришлось: Мы, пятеро друзей, подали заявления в военкомат, чтобы нас направили на службу в армию. Это было осознанное решение, потому что мы понимали, что вот-вот может начаться война, и мы, патриоты, готовы были сражаться с врагом. К нашим заявлениям в военкомате отнеслись серьезно. Как раз готовилась команда из тринадцати человек. Старшим команды назначили Харадурова, который окончил сельскохозяйственный техникум. Отправили нас в город Перемышль, на западной границе СССР. Перемышль практически был разделен на две части. Половина его за рекой Сан была уже за границей. Так что наши и немецкие огневые точки местами находились на одной и той же улице друг против друга. Нас разделяла только проезжая часть улицы.

В пять часов утра 22 июня 1941 года для меня и моих боевых товарищей началась война. Бой с вероломными захватчиками с первых же минут принял ожесточенный характер. Фашисты стреми-

лись смять нас и уничтожить. Но мы хорошо подготовились к отражению их атак. Многие дома были превращены в долговременные огневые точки. Установлены были специальные заграждения, преодолеть которые было нелегко.

Шесть суток продолжались бои в городе. Дважды его занимали фашисты, дважды мы их выбивали из Перемышля. Не раз возникали рукопашные схватки. Наш 233-й корпусной артиллерийский полк, входивший в состав 8-го стрелкового корпуса под командованием генерал-майора Ского-ва, сражался не на жизнь, а на смерть.

Убедившись, что лобовой атакой город не взять, немецкое командование предприняло обходный маневр и начало окружать Львов. Создалась угроза оказаться во вражеском тылу. Тогда и поступил приказ на отход в сторону Тернополя. Отступали с боями, но технику сохранили. Я в то время был курсантом учебной батареи. Наши гаубицы-пушки 152-мм были на мототяге. Враг наседал, наглел. Приходилось вести огонь прямой наводкой. Били и по танкам, и по пехоте. Но силы оказались неравными. Отходя к Тернополю, мы не успели закрепиться, поэтому вынуждены были уходить на Хмельницкий. Бойцы и командиры, а среди них большинство являлось комсомольцами и членами партии, мужественно переносили все тяготы отступления и верили, что скоро остановим захватчиков. Но под Хмельницким последовал приказ грузиться в эшелон. Погрузку провели организованно и должны были отправиться под Киев. Но враг не дремал. На наш эшелон пошли в атаку прорвавшиеся танки врага. Они быстро приближались по пшеничному полю. Сложилось незавидное положение. Наши орудия с платформы быстро не разгрузишь, да и огонь не откроешь. В этот момент меня ранило осколком

снаряда в левое бедро. В кармане брюк у меня была двадцатикопеечная монета. Осколок пробил ее и разворотил мягкие ткани. Товарищи сняли меня с эшелона, погрузили на полуторку, которая и доставила меня в эвакогоспиталь. Так разошлись мои дороги с боевыми друзьями-артиллеристами.

После госпиталя направили меня в 218-ю мотострелковую дивизию и назначили командиром отделения артиллерийской разведки. Дивизия сражалась под Мелитополем, потом у Матвеева Кургана и у станицы Синявской в Ростовской области. Когда немцы развернули наступление на юге, остатки 218-й дивизии отошли к Армавиру. Там из дивизии отобрали 21 артиллериста и направили в Нальчик, где должна была формироваться 319-я стрелковая дивизия. Так я прибыл в родные края и оказался на службе в артиллерийском полку, который размещался в селении Чегем I. Штаб полка находился в здании средней школы. К тому времени мне присвоили звание младшего лейтенанта и назначили командиром взвода управления. К сожалению, продолжить формирование дивизии в Кабардино-Балкарии помешали события на фронте.

10 августа 1942 года мы вынуждены были покинуть республику и выехать в Дагестан. В конце октября, когда немецко-фашистские захватчики оккупировали Кабардино-Балкарию, нашу дивизию по железной дороге перебросили в Беслан. Оттуда мы выступили на фронт и противостояли натиску врага под Ардоном. Нам пришлось участвовать в тяжелых кровопролитных боях под Гизелью. Именно за те бои уже после войны мне было присвоено звание почетного гражданина Северной Осетии, чем я горжусь не менее правительенной награды.

Так случилось, что наша дивизия оказалась на острие вражеского удара, нацеленного на столицу

Северной Осетии. Мы несли невосполнимые потери. Сколько наших боевых друзей погибло на осетинской земле! Но в тех чрезвычайно трудных условиях мы сумели выстоять и не допустить врага к Орджоникидзе. Нам довелось принимать участие в разгроме вражеской группировки и нанесении первого контрудара по противнику на Северном Кавказе. А в начале 1943 года началось изгнание захватчиков с наших родных мест.

Наш 1014-й артиллерийский полк был преобразован в корпусной и отправлен по железной дороге через Баку и Закавказье на Черноморское побережье. От Сухуми к Туапсе двигались своим ходом, потом по морю были доставлены в Геленджик, откуда через Кабардинку прибыли на 6-й километр, где и вступили в бой. Грохот сражения там не застихал ни днем ни ночью.

Наши войска пытались наступать, но наталкивались на хорошо организованную оборону противника и несли большие потери. Запомнилось, что в районе станицы Неберджаевской мы поддерживали наступление морских пехотинцев. Они воевать умели, отличались исключительной храбростью. Было это в начале мая 1943 года. Прорвав вражескую оборону, моряки выбили немцев из второй линии обороны и устремились к станице Нижне-Баканской. Там есть долина, ширина которой километра четыре, а длина около двенадцати километров. Морские пехотинцы пытались с ходу, на плечах врага, преодолеть этот участок. Но попали под губительный огонь немцев. Враг занимал склоны высот, господствующих над долиной. На его стороне было преимущество и в воздухе. Над долиной непрерывно висели вражеские бомбардировщики, которые бомбили наступавших и поливали их пулеметным огнем. Мало этого, немецкие пикирующие

бомбардировщики атаковали с воздуха средства поддержки. Однажды наша батарея подверглась бомбёжке сорока «юнкерсов». Бомбили нещадно. Вокруг вся земля оказалась перепаханной. Погибли и были ранены многие артиллеристы. Никогда не забуду ту жуткую картину: изуродованные орудия, сгоревшие машины и долина, усеянная телами морских пехотинцев.

Наступление провалилось. Невольно приходила мысль: почему морских пехотинцев бросили в наступление на долину днем? Видимо, кто-то из начальства 18-й армии торопился озnamеновать праздник 1 Мая победой? А обернулось сию напрасными жертвами.

Вскоре к нам прибыл представитель Ставки Г. К. Жуков. Он побывал на наблюдательном пункте морских пехотинцев, вызвал туда полковника. Разговаривал круто, разжаловал полковника в капитаны. Тогда и пошло название этого, обильно политого кровью наших боевых друзей участка, как «Долина смерти». Преодолеть ее нашим войскам удалось только в августе 1943 года.

27 сентября 1943 года после тяжелых боев в Кубанских плавнях наша дивизия освободила город Темрюк, а вскоре мы вышли к Керченскому проливу. Прежде чем продолжить свой рассказ, хочу напомнить об одном событии, которое было связано с нашей дивизией. В 1941 году 316-я стрелковая дивизия героически обороняла Москву и была удостоена гвардейского звания, стала именоваться 8-й гвардейской. А ее номер был присвоен вновь сформированной стрелковой дивизии. На Кубани в 316-ю стрелковую дивизию влились остатки бригад морских пехотинцев. В эту же дивизию вошел и наш 875-й артиллерийский полк. За освобождение Темрюка дивизия получила почетное наименование

Темрюкской. Изгнанием немецко-фашистских захватчиков с Таманского полуострова закончилось мое участие в битве за Кавказ.

На станции Крымская мы погрузились в эшелоны и отправились под Киев. Было это в конце 1943 года. Враг стремился любой ценой вновь овладеть Киевом и предпринял удар на Житомир. Во втором освобождении Житомира и принимала участие 316-я стрелковая дивизия.

В те дни пришлось попасть мне в серьезный переплет. Ночью наша батарея оказалась в окружении. До утра мы держали круговую оборону. Били по врагу прямой наводкой. Хочу сказать, что, несмотря на сложную обстановку, несмотря на значительное превосходство противника, никто на батарее не дрогнул. Нас спасло мужество личного состава, умение воевать, вера в победу. Потери понесли мы большие, но выстояли и нанесли врагу урон.

В марте 1944 года наши войска окружили группировку немцев в районе станции Борщев. Пытаясь ее уничтожить, мы пошли в наступление. Но немцы контратаковали танками. Начиналась весна, дороги развезло, а тут еще прошел сильный снегопад. Наш полк был на механической тяге. Орудия тащили мощные «студебеккеры». Поэтому мы не потеряли способности двигаться по такой распутице. Зато другие части отстали. Мы оказались отрезанными от главных сил. У нас был значительный запас боеприпасов. Семь дней и ночей шли непрерывные бои во вражеском окружении. Мы громили немецкие танки и пехоту. Именно за эти бои я был удостоен ордена Красного Знамени.

316-я стрелковая Темрюкская дважды Краснознаменная дивизия участвовала в освобождении Украины, в упорных боях на польской земле, изго-

няла фашистских захватчиков из Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии и Австрии. Боевых эпизодов было много. В каждом из них, как и во всей летописи Великой Отечественной войны, героический подвиг бойцов и командиров нашей славной армии, которая несла освобождение народам Европы от коричневой чумы фашизма.

Записал воспоминания *Б. П. Черемисин*

* * *

От автора записи. Жираслан Касимович Эфендиев за смелые и умелые действия в боях с немецко-фашистскими захватчиками награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалями «За оборону Киева», «За оборону Кавказа», «За взятие Будапешта» и другими.

Славный путь прошел фронтовик и в мирное время. Довелось ему возглавлять сельский район партии и многие годы трудиться в самом большом в республике строительном объединении. Создательный труд его отмечен двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета» и медалью «За доблестный труд».

АХМАТ ЭНЕЕВ,
журналист

В БОЯХ ЗА КАВКАЗ И КРЫМ

318-я Новороссийская стрелковая дивизия после боев за освобождение Северного Кавказа получила приказ: форсировать Керченский пролив и захватить плацдарм на берегу Крымского полуострова.

Холодной осенней ночью наши штурмовые отряды на плоскодонных судах перебрались через залив. Корабли, имевшие глубокую осадку, сели на мель. Десантники прыгали за борт и устремлялись вперед по шее в воде, подняв над головой оружие.

Берег был сильно укреплен: всюду доты, противотанковые и противопехотные мини. Но ничто не могло остановить натиска советских воинов. Появление наших частей на побережье было неожиданным для фашистов. Десантники штурмом овладели рыбачьим поселком Эльтиген.

Оправившись от неожиданного удара, немцы начали контратаки. И на маленьком клочке земли — 3 километра по фронту, 1,5 в глубину — завязалось большое сражение, длившееся 40 дней и ночей.

Враг обрушил на плацдарм артиллерийский огонь большой силы. От взрывов сбрасываемых вражескими самолетами бомб содрогалась земля, в блиндажах и окопах оползали стени. Эльтиген превратился в груду дымящихся развалин. Воронки от авиабомб и снарядов соединялись друг с другом. Местность, которую метко называли «огненной землей», сплошь была покрыта стальными осколками.

Немцы блокировали десант с суши, моря и воздуха. На плацдарме не хватало боеприпасов и продовольствия. Наши воины экономили каждый снаряд, каждый патрон, били врага наверняка. Ели они раз в сутки — 100 граммов сухарей, кружка воды, банка консервов на двоих. Приходилось собирать в ямах мутную дождевую воду, чтобы утолить жажду.

7 декабря 1943 года, после многодневных ожесточенных боев, в ходе которых противник понес огромные потери, славная 318-я Новороссийская

стрелковая дивизия прорвала вражескую блокаду.

О массовом героизме советских воинов в великом сражении на «огненной земле» рассказал в своих мемуарах командир дивизии Герой Советского Союза генерал-майор Василий Федорович Гладков.

Плацдарм на «огненной земле» завоевали и самоотверженно защищали от превосходящих сил врага советские воины разных национальностей.

Был среди этих людей и бывший учитель балкарец Абдулла Юсуфович Кучmezов. О мужестве и героизме, о беззаветном патриотизме отважного горца писала фронтовая печать, об этом рассказал командир 318-й стрелковой дивизии В. Ф. Гладков в своей книге.

С самого начала Великой Отечественной войны Кучmezов участвовал в боях с фашистами, воевал на разных фронтах. Во время штурма Новороссийска руководил партийной организацией батальона, первым прорвавшего оборону противника. За это и был награжден орденом Отечественной войны I степени.

На «огненной земле» Абдулла Кучmezов был заместителем командира роты по политической части, роты, оборонявшей школу, которая стояла на возвышенности, прикрывавшей подступы к переднему краю нашей обороны.

Немцы много раз штурмовали район школы. Они сосредоточивали на нем огонь артиллерии и минометов, били по нему из орудий прямой наводкой. Но каждый раз после огневого шквала как будто из земли поднимались десантники и в упор расстреливали наступавшего врага.

Во время отражения атак Абдулла находился в самых опасных местах. Он ложился за пулемет, бросал в фашистов гранаты, воодушевлял солдат

своим примером. В один из жарких дней группа в пятьдесят человек, возглавляемая Абдуллой, отбила 12 атак батальона дехоты, поддерживаемого пятью танками и самоходной пушкой «фердинанд». В этом бою лейтенант лично уничтожил одиннадцать фашистов.

В другой раз две роты фашистской пехоты, танк и «фердинанд» навалились на правый фланг, где было всего лишь пять наших воинов: командир роты старший лейтенант Колбасов, лейтенант Кучмезов, старшина Пакорный, телефонисты Кучеренко и Годобин. Кончались патроны, нужно было бить на-верника.

Абдулла Кучмезов, отличавшийся исключительной зоркостью глаза, без промаха поражавший любую цель, стрелял из двух автоматов и винтовки поочередно. Около него сидел Кучеренко, перезаряжая оружие, устранивая задержки. В первые же минуты Абдулла убил 8 фашистов, а Колбасов — трех. Значительные силы врага отступали от горстки храбрецов.

Немцы снова рванулись в атаку. Защитники школы снова отбили их. На поле боя остались лежать десятки вражеских трупов.

Были потери и с нашей стороны. Когда Абдулла перевязывал рану старшего лейтенанта Колбасова, фашисты подкрались к блиндажу, окружили его и забросали гранатами. Немцы решили, что перебили всех, и стали неподалеку спокойно устанавливать два пулемета.

Кучмезов помог еще раз получившему ранение Колбасову подняться, подошел с ним к ходу сообщения и, прежде чем броситься в траншею, метнул в гитлеровцев гранаты. Немецкие пулеметы были уничтожены.

На «огненной земле» бывший учитель Абдулла Кучмезов до последнего дня командовал героическим гарнизоном школы-крепости. Он, наверное, был рад, что на его долю выпала честь защищать именно это здание. В краткие минуты затишья он вспоминал школу в родном селении Белая Речка, в которой он когда-то учился, а потом сам учили детей балкарскому языку и литературе. Он мечтал вернуться после победы к любимому делу, смотреть сквозь прозрачные воды быстрой речушки на устilaющую дно белую гальку, на зеленые горы, на затянутые синей дымкой далекие вершины, упирающиеся в чистое голубое небо.

10 мая 1944 года заместитель командира батальона по политической части лейтенант Абдулла Юсупович Кучмезов пал смертью храбрых в бою с фашистами под Севастополем. Неделю спустя в «Правде» был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении его орденом Ленина за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество.

*ВИТАЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ ЛЕСЕВ,
ветеран 317-й стрелковой дивизии*

КУРПСКИЙ РУБЕЖ

Начало пути

В июле 1942 года немецко-фашистское командование развернуло большое наступление на Северном Кавказе. Возникла серьезная угроза прорыва

вражеских войск к грозненской нефти и в предгорья Кавказа. Резервов для прикрытия образовавшегося столь широкого фронта наше командование не имело. Тогда и поступило указание Ставки Верховного Главнокомандования о переформировании и новом формировании нескольких стрелковых дивизий и других соединений на Северном Кавказе и в Закавказье.

В Кабардино-Балкарии намечалось формирование 317-й стрелковой дивизии. Прибывший из кисловодского госпиталя в Нальчик полковник Николай Александрович Шварев 3 августа 1942 года получил назначение на должность командира дивизии и штаты на ее состав. К сожалению, в то время решить все вопросы, связанные с формированием дивизии в Кабардино-Балкарии, ему не удалось. Обстановка, сложившаяся на фронте, нарушила все планы командования.

Когда противник прорвался к Пятигорску, в республике было объявлено военное положение. Мобилизации подлежало все мужское население, пригодное к службе в армии в возрасте от 17 до 55 лет. Естественно, самая большая группа мобилизованных должна была быть направленной в 317-ю стрелковую дивизию. А так как ее формирование перенесли сначала в Грозный, а потом — в Дагестан, то образованная Нальчикским военкоматом команда № 0501, численностью 800 человек, пешком направлялась через Северную Осетию и Чечено-Ингушетию к месту назначения. Входил в эту группу и автор этих строк.

В 317-ю стрелковую дивизию в те дни направляли мобилизованных также Прохладненский, Майский и Урванский районные военкоматы. В населенных пунктах Каракал, Сергокала и Леваши Дагестана нас распределили в стрелковые и артил-

лерийский полки, в подразделения усиления дивизии. Там прошла короткая боевая учеба, там приняли военную присягу и через месяц выступили на фронт.

В первых числах октября дивизия прибыла в Северную Осетию, вошла в оперативное подчинение 11-го гвардейского стрелкового корпуса и на рубежах горы Заманкул, осетинских сел Илларionовка, Лакисово и Кусово, ингушских — Сагопшина, Пседах и Кескем сменила бригады 3-го стрелкового корпуса.

Нам выпала доля пройти боевое крещение совсем рядом с родными местами. Такое случалось не с каждым участником войны. В летопись минувших сражений этот участок фронта вошел как Курпский рубеж.

Именно здесь враг пытался ворваться в Алханчуртскую долину и выйти к Грозному. Было тревожно. Противник еще не отказался от наступательных операций. А у нас вообще не было никакого боевого опыта.

В трудные дни осени сорок второго и начала второй военной зимы бойцы, многим из которых едва исполнилось семнадцать лет, сумели не только отстоять свои рубежи, но и не позволили противнику снять часть сил для переброски под Орджоникидзе, где к тому времени развернулись жаркие бои. Есть доля ратного подвига моих однополчан в срыве вражеского наступления на столицу Северной Осетии.

От Курских высот для нас началось не только освобождение Кабардино-Балкарии, но и изгнание захватчиков с оккупированных земель. Нам никогда не забыть тот миг, когда мы впервые вошли в освобожденное село! Этим селом оказался Верхний Курп. Трудно передать словами чувства, которые

испытывал каждый, вступавший на освобожденную землю. Трудно передать радость встречавших нас земляков. Прошло более пятидесяти лет, а братские связи ветеранов дивизии с односельчанами поддерживаются все эти годы. Благодаря неутомимой деятельности большого энтузиаста поисковой работы Лели Эльдаровны Ашижевой в Верхнекурпской средней школе создан один из лучших музеев боевой и трудовой славы в республике.

Когда-то, встречаясь с юными следопытами села, я пообещал им собрать материал о наших земляках, служивших и сражавшихся в полках и подразделениях усиления 317-й стрелковой дивизии, и написать небольшую книгу. Обещание свое я выполнил. К сорокалетию Победы в книжном издательстве «Эльбрус» вышла в свет книга «Герон — рядом». В меру сил своих и способностей рассказал я о судьбах наших земляков-воинов к концу войны именовавшейся 317-й стрелковой Будапештской Краснознаменной дивизии.

Приведу лишь один документ из этой книги, связанный с началом освобождения Кабардино-Балкарии:

«Боевое распоряжение № 1 03.01.43 г. Гора Заманкул, отметка 926,4, 761-й стрелковый полк.

Противник под напором частей Красной Армии оставил Эльхотово и Верхний Курп, оттягивает свои силы перед районом полка, отходит в направлении Верхнего Акбаша. Для установления наличия и сил противника командирам батальонов организовать разведку перед районом обороны. Разминировать все пути и дороги... С 7.00 04.01.43 г. начать наступление, предварительно до рассвета накормить личный состав пищей, иметь сухой паек

на одни сутки, приготовить транспорт на движение. Наступление вести: 1-й стрелковый батальон на сел. Илларионовское, 2-й батальон на шоссе Верхний Курп — Верхний Акбаш, 3-й батальон прикрывает наступление слева. Мой резерв: рота автоматчиков, химвзвод, пулеметный взвод, дивизион 773-го артполка и батарея 120-мм минометов. Движение уступом за 3-м батальоном с задачей не допустить контратаки противника справа и с тыла.

Командир полка Корнеев.

Так началось наше наступление. Противник отходил в направлении Арика, Майского, Прохладного. Полки дивизии освобождали Верхний Акбаш, Тамбовское и Арик, готовили переправу через Терек в районе Котляревской и двигались на Прохладный. В бой шли воины, прошедшие серьезный экзамен на боевую зрелость в районе Курских высот. И путь им предстоял нелегкий. До конца войны оставалось почти два с половиной года...

Политруки

После окончания краткосрочных курсов политсостава в Тбилиси наши земляки Эльмураз Ширевич Хатшуков, Казут Машевич Хутов и Магомед Карамашевич Эльчепаров в звании младших политруков прибыли в Дагестан, где завершалось формирование 317-й стрелковой дивизии. Их направили политруками рот. Хатшукова в 571-й, Хутова в 761-й и Эльчепарова в 606-й стрелковые полки.

Когда дивизия заняла оборону на Курских рубежах, нашим землякам посчастливилось в ноябре 1942 года встретиться в политотделе дивизии в селении Старый Батакоюрт.

— Какой участок фронта нам доверили! — разводя руки и улыбаясь, говорил Эльмурза Ширевич. — Половину Северного Кавказа прикрываем. Действительно, Хазут со своим полком не пускает врага в Северную Осетию, я — в Чечено-Ингушетию, а Магомед, счастливчик, воюет на крошечном участке родной Кабардино-Балкарии...

— Время было очень трудным, — вспоминал через годы Магомед Карамашевич. — Враг еще не оставлял мысли захватить Сталинград и прорваться к грозненской нефти. Нелегко сражаться, когда знаешь, что враг бесчинствует в твоем доме. Поэтому даже нам, призванным вселять уверенность в сердца бойцов и командиров в победе Красной Армии, по душе пришелся оптимизм нашего друга. Я помню, что в ту ноябрьскую ночь мы долго говорили, вспоминая общих знакомых по республике и надеясь на скорое изгнание захватчиков с родной земли...

Но до освобождения Кабардино-Балкарии еще не раз каждому из них довелось поднимать в атаку свою роту, высакивать из окопа навстречу свинцово-вихрю ружейно-пулеметного огня, преодолевать нелегкие метры до вражеских окопов сквозь сплошную завесу разрывов снарядов и мин. Должность политрука обязывала личным примером показывать, как следует громить врага.

17 ноября 1942 года после короткого артиллерийского и минометного налета роты первого батальона 606-го стрелкового полка вышли на склоны высоты 473,0 в районе Верхнего Курпа. С особым чувством шел в атаку политрук Эльчепаров, ведь эта высота была частицей его родной Кабардино-Балкарии. Рассказывая о бое за высоту, корреспондент дивизионной газеты «На штурм» А. Марков писал: «Политрук Эльчепаров всегда среди бойцов.

Был он с ними и в решительный час атаки на врага. Скользкой была земля, крутым — подъем. Смертью грозил каждый шаг вперед. Но храбрых смерть не берет. В самых первых рядах дрался Эльчепаров. Острым взглядом заметил он вражескую засаду. Быстры в движениях горцы... Троє фашистов и опомниться не успели, как меткая очередь автомата уложила их наповал. Четвертый прятался в кустах. Эльчепаров подбежал к нему. Они стояли друг против друга: гордый советский воин и гитлеровский негодяй. «Я не фашист. Гитлер заставил меня воевать. Не убивайте меня...» — бормотал гитлеровец. Он поднял руки и был взят в плен».

На второй день захватчики предприняли несколько контратак, пытаясь выбить воинов полка с высоты. Но устояли бойцы и командиры первого батальона. Здесь, на господствующей высоте, в глубоких окопах и ходах сообщения сброшенным врагом имуществом, среди которого виднелись награбленные в селах подушки и одеяла, домашние коврики и подстилки, под непрерывный гул артобстрела проводил Магомед Карамашевич первую после взятия высоты политинформацию. Рассказывал о подвиге парторгра Жмурко, смертью храбрых павшего при штурме высоты, о самоотверженных действиях бойца Фокина, в жарком бою истребившего четырех захватчиков, о родной республике и ее людях, ждавших освобождения...

...Незадолго до перехода дивизии в наступление враг предпринял контрудар в направлении Малгобека. Участвуя в отражении атаки противника, политрук Хатшуков был ранен. Санинструктор оказал ему первую помощь и поручил санитару доставить политрука в медсанбат. Там осмотрели рану и уже подготовили документы для отправки Эльмурызы Ширевича в эвакогоспиталь. Но он наотрез

отказался туда ехать, понимая, что домой он попадет скорее с дивизией, нежели из эвакогоспиталя. И не ошибся. После освобождения Кабардино-Балкарии из медсанбата 317-й стрелковой дивизии получил политрук Э. Ш. Хатшуков краткосрочный отпуск домой. С ощущением радости и тревоги ехал в Кубу. К счастью, из родных и близких никто не пострадал в период оккупации.

На рассвете 4 января 1943 года батальоны 761-го стрелкового полка ступили на землю Кабардино-Балкарии. Словно на крыльях летел политрук Х. М. Хутов по местам, с детства знакомым. Встреча с родными краями вселяла надежду на скорый разгром врага. Но до конца войны предстояло пройти еще немало испытаний. В начале февраля 1943 года 761-й стрелковый полк вел наступление в Кубанских плавнях. Враг отчаянно сопротивлялся. Как обреченные бросались в атаку фашистские автоматчики. Мороз сковал льдом Кирпильский лиман, по которому шла в атаку рота Х. М. Хутова. Воспользовавшись этим, противник бросил в атаку танки. После первых же залпов из орудий цепи залегли. Погиб командир роты. Командование ротой принял на себя его заместитель по политчасти Хутов. Он отвел часть роты к камышам, выдвинул бойцов с противотанковыми ружьями и приказал эвакуировать раненых. Но тут с фланга выскоцил еще один танк и почти в упор расстрелял группу прикрытия. Когда на выручку пришли артиллеристы, старший лейтенант Хутов лежал в луже крови. Несколько осколков попало ему в бок, один — в грудь, кисть правой руки, в которой он держал пистолет, была изуродована. Но он был жив. В госпитале перенес несколько операций. На правой руке осталось всего два пальца, остальные были ампутированы. Все осколки, кроме одного, удалось

извлечь. Путь на фронт был заказан. Почти год лежился в госпитале. В родную Шалушку Хазут Машевич Хутов вернулся инвалидом, кавалером ордена Красной Звезды, медалей «За отвагу» и «За боевые заслуги». Осенью 1944 года не стало политрука Х. М. Хутова.

А в дивизионной газете еще не раз появлялись публикации о наших земляках. Вот отрывок одной из них: «Вторично простился старший лейтенант Эльмурза Ширович Хатшуков с милой Кабардиной-Балкарией, с родным селением Куба, короткий отпуск после ранения кончился. Хатшуков возвратился в свое подразделение, крепко ложал руку героическому командиру...»

...И вот настал день жаркого боя. Зной жег кубанскую землю. Под ураганным огнем шли наши бойцы в атаку на вражеские траншеи. Хатшуков наступал вместе с одним из стрелковых взводов. И когда выбыл из строя командир, он принял командование на себя. Бойцы уже ворвались во вражескую траншею, как вдруг старший лейтенант ощутил боль в ноге. «Ранен!» — мелькнула мысль. Но, превозмогая боль, он продолжал руководить боем. Немалый урон понесли немцы в этой схватке. На днях командование наградило старшего лейтенанта Хатшукова орденом Красной Звезды...»

— На Кубани, в районе хутора Красного, я был тяжело ранен,— вспоминал Магомед Карамашевич Эльчепаров,— и когда вернулся в дивизию, мой земляк был парторгом 571-го стрелкового полка. Дивизия в то время воевала на Украине. Еще один орден, орден Отечественной войны II степени к тому времени украсил грудь Эльмурзы Хатшукова. После войны мы с ним встречались. Почти год пришлось ему после Победы находиться в Вене и выполнять ответственное задание по снабжению

продовольствием столицы Австрии. Но самым памятным для нас было и осталось на всю жизнь освобождение Верхнего Курпа. Мы освобождали большие города и крохотные хутора. Но первым в этом списке стоит Верхний Курп. Для нас с него началось освобождение Родины...

Многие годы связывала меня дружба с Магомедом Карамашевичем Эльчепаровым. Мы вместе приложили немало сил для того, чтобы сохранить верность фронтовому братству. До конца дней своих Магомед Карамашевич возглавлял совет Кабардино-Балкарской группы ветеранов 317-й стрелковой Будапештской Краснознаменной дивизии. Он вложил частицу своего сердца в то, чтобы регулярно на Курских рубежах встречались однополчане. Благодаря его помощи удалось разыскать многие свидетельства ратного подвига наших земляков, освобождавших Кабардино-Балкарию.

* * *

В боях на Терском рубеже осенью 1942 года участвовал и замполит роты 176-й стрелковой дивизии житель селения Яникой Ахмат Тамукович Кудаев. С июня сорок первого он сражался с гитлеровцами на Украине, был ранен. После госпиталя воевал под Ростовом. С осени 1942 года стал участником боев за Кавказ, под Моздоком. Там 23 октября вторично был ранен. Выздоровев, Ахмат Тамукович, командуя взводом, громил гитлеровцев на Северном Кавказе. Под станицей Крымской его вновь ранило. Затем Кудаев находился в боях, до полного изгнания врага с Кавказа.

В начале ноября 1943 года командиром роты 1-го гвардейского стрелкового полка 2-й гвардейской стрелковой дивизии А. Т. Кудаев форсирует

Керченский пролив. Под Керчью в четвертый раз был ранен. За мужество в боях при освобождении Крыма Ахмат Тамукович награждается двумя орденами Красной Звезды. «За время пребывания в полку тов. Кудаев, участвуя в боях с немецкими захватчиками, показал себя смелым и храбрым офицером,— писал в характеристике командир полка в июле 1944 года.— За мужество в боях дважды награжден правительственные наградами. Тактически грамотный. Политически развит. Пользуется авторитетом среди подчиненных и личного состава...»

Третий орден Красной Звезды Ахмат Тамукович получил осенью 1944 года за отвагу в боях в Прибалтике.

После войны ему пришлось пережить боль выселения в Среднюю Азию, где он, как и все его близкие и земляки-балкарцы, испытал на себе унижения спедпереселенца.

Отважный воин, кавалер трех боевых орденов А. Т. Кудаев умер в 1961 году в Нальчике.

Генерал из пятой школы

Прошло уже более пятидесяти лет с того памятного дня, когда нас, вчерашних школьников, вызвали по повесткам в Нальчикский городской военкомат и объявили, что наступила наша пора службы в Красной Армии. Большинству из нас в ту пору не исполнилось еще восемнадцати лет, но мы мечтали о подвигах и боялись, что война может окончиться без нашего участия, боялись на нее опоздать. Конечно, мы и предполагать не могли, что досрочный призыв связан был не с нашими желаниями, а с обстановкой, складывавшейся к тому времени на приближавшемся с каждым днем к

Нальчику фронте. Не будь того призыва, кто знает, как сложились бы наши судьбы. Хотя и тогда и позже не принято было говорить, что на службу в армию официально призывались юноши моложе восемнадцати лет.

Около восьмисот призывников собралось в тот день во дворе военкомата. Вместе с нами пришел и ученик средней школы № 5 города Нальчика Николай Павленко. Он повестки не получал, а пришел потому, что призывался его самый близкий друг и одноклассник — Владимир Добровольский, и ему очень не хотелось расставаться не только с ним, но и с многими из нас. Однако военком наотрез отказался включить его фамилию в списки нашей команды. Даже в то чрезвычайно сложное время не отважился он взять на себя ответственность за призыв Павленко, так как тому только в конце декабря 1942 года исполнялось семнадцать лет.

Тогда, пользуясь тем, что наша команда отправлялась к месту службы не по железной дороге, а пешком, наш друг решился на отчаянный шаг и без всякого на то разрешения пошел вместе с нами.

А когда прибыли в Сергокала, пришлось нам помочь Николаю определяться на службе. С большим трудом, и то после того, как он «подправил» на июнь месяц своего рождения, зачислили его вместе с нами в 231-ю отдельную зенитно-артиллерийскую батарею 317-й стрелковой дивизии. Перед самым выступлением на фронт, а нам пришлось заниматься боевой учебой всего чуть больше месяца, получили мы вместо зенитных орудий крупнокалиберные пулеметы ДШК, и стали друзья Владимир Добровольский и Николай Павленко пулеметчиками.

У немцев хорошо была поставлена разведка. Не успели мы прибыть на передний край в район горы Заманкул, как прилетели первые листовки, в которых шла речь о нашей дивизии, как о «детском саде».

Но пройдя на Курских рубежах боевое крещение, «детский сад» выстоял, не пропустил захватчиков в Алханчуртскую долину, освобождал Кабардино-Балкарию и Северный Кавказ, сражался в Кубанских плавнях. Под Крымской 20 мая 1943 года наводчик зенитного крупнокалиберного пулемета ДШК Николай Павленко сбил вражеский самолет МАКИ-200 (итальянская модификация истребителя «мессершмитт»), за что был награжден орденом Отечественной войны II степени.

На «Голубой линии» мне пришлось расстаться с моими друзьями. Нас, небольшую группу бойцов, перевели в отдельный армейский зенитно-артиллерийский полк, и я потерял связи с Владимиром Добровольским и Николаем Павленко.

А после войны, спустя годы, когда занялся сбором сведений о тех, с кем призывался и прошел боевое крещение под Верхним Курпом, многих найти не смог. Война всех нас разметала...

По сведениям знакомых, выяснилось, что в Нальчике жила Антонина Федоровна Добровольская. Я наведался к ней. Она бережно хранила все, что связано было с судьбой ее сына. При встрече я впервые прочитал горестное извещение о том, что «красноармеец Владимир Борисович Добровольский, находясь на фронте, верный воинской присяге, пал смертью храбрых 29 декабря 1943 года». Случилось это в период боев под Житомиром.

В разговоре невольно пришлось коснуться и судьбы близкого друга ее сына — Николая Павленко. И Антонина Федоровна сообщила, что все по-

пытки разыскать его родственников в Нальчике, положительных результатов не дали. Вместе с тем, по сведениям ребят, якобы служивших с ним, Николай погиб на Правобережной Украине.

Рассказывая о судьбах земляков, служивших и сражавшихся в полках и подразделениях усиления 317-й стрелковой дивизии, в книге «Герои — рядом», я так и написал о Добровольском и Павленко. Книга вышла в свет к сорокалетию Победы и очень быстро разошлась. После ее выхода я получил немало писем. Одно из них прислал генерал-майор Юрий Петрович Любанский, бывший комсогр 761-го стрелкового полка. Вот отрывок из его письма: «Книгу Вашу прочитал с интересом, встретил немало знакомых имен... А Николай Павленко (ДШКист) не погиб! Мы одно время служили с ним, уже после войны. Последняя его должность — начальник политотдела, заместитель начальника Высших офицерских курсов «Выстрел» имени Б. М. Шапошникова в городе Солнечногорске Московской области. На этой должности он и получил звание генерал-майора...»

Новость для меня была неожиданной и радостной. Я бы не поверил Любансому, если бы он не разыскал в Москве моего друга и не сообщил ему мой адрес. Вскоре я получил от генерал-майора Николая Ивановича Павленко большое письмо и его фотографию с надписью на обороте: «Другу юности, земляку и однополчанину на добрую память!»

Годы изменили облик моего школьного друга, но в моей памяти его образ всплыл таким, каким знал я его в те далекие юношеские годы. Мог ли я предполагать, что кто-то из нашего «детского сада» дослужится до генеральского звания? Конечно нет!

Но как же складывалась фронтовая и послевоенная биография моего друга?

Итак, слово Николаю Ивановичу Павленко: «Мой старший брат Иван после окончания Ростовского артиллерийского училища получил назначение на должность командира огневого взвода артиллерийского полка 383-й стрелковой дивизии. В начале июня 1943 года он уже командовал батареей. Случилось так, что наши дивизии оказались рядом, и мне посчастливилось на переднем крае встретиться с братом. Было это недалеко от Крымской. Он сумел добиться моего перевода к нему в батарею. Стал я наводчиком 76-мм орудия. Вскоре брат был ранен и уехал в госпиталь. А когда вернулся, то воевал совсем недолго. В районе хутора Русский, недалеко от Крымской, 20 сентября 1943 года лейтенант Иван Иванович Павленко погиб. Посмертно его наградили орденом Отечественной войны I степени. Я же остался в его батарее, участвовал в прорыве «Голубой линии», освобождал Таманский полуостров, форсировал Керченский пролив и высаживался в бухте Опасной... Потом было освобождение Крыма, и когда бои завершились, меня направили на учебу в Тбилисское горно-артиллерийское военное училище. В феврале 1945 года училище было окончено, и в звании младшего лейтенанта я отбыл на фронт. Войну закончил в Вене на должности командира огневого взвода противотанковых орудий 102-го гвардейского ИПТАПа...»

Как выяснилось позже, друг мой был трижды контужен и дважды ранен, подбил шесть вражеских танков Т-3 и Т-4, удостоился почетного звания снайпера-противотанкиста и многих наград. Когда кончилась война, невольно возник вопрос: как

быть дальше? Продолжать армейскую службу или обретать гражданскую специальность?

И тут помог случай. В 1950 году в армии ввели институт заместителей командиров рот (батареи) по политчасти. Пришлося Николаю Павленко испытать свои силы на новом поприще. Получилось. Мало того, оказалось, что эта работа — его призвание. Вскоре направили замполита на учебу в военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Стал Н. И. Павленко профессиональным политработником.

«Служил заместителем командира дивизиона по политчасти,— продолжал он рассказ о себе,— пропагандистом, а затем заместителем командира полка по политчасти, заместителем и начальником политотдела дивизии. 16 лет служил в аппарате Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота. Был инструктором, инспектором и секретарем парткома. Последние девять лет перед увольнением из армии был начальником политотдела Высших офицерских курсов «Выстрел»... Такова вкратце моя биография.

Огромное тебе спасибо за память, за добрые слова. Читал твою книгу неотрывно, пощекотал нервишки и как бы заново в течение нескольких часов прожил свою юность. Надеюсь с тобой встретиться, ведь в Нальчике последний раз я был только в декабре сорок пятого. Больше не получилось...»

Наша встреча состоялась. Мой друг отдыхал в одном из железнодорожных санаториев и на пару дней вырвался в Нальчик. Было это в конце января 1993 года. Приехал он без всякого предупреждения, чтобы выяснить, узнаю ли я его через годы?

Трудно передать словами, что мы пережили при встрече. Мы побывали в школе, где когда-то учились, подходили к школе, в которой учился брат

Николая, долго искали место, где находился дом их семьи, были в парке и на озере, посетили каждый памятный с детства уголок Нальчика. И, конечно, вспоминали все и всех...

В знак памяти о встрече мой друг подарил мне книгу «Полевая академия» об истории Высших офицерских курсов «Выстрел», в создание которой он вложил и свой труд.

Такова судьба моего школьного друга, прошедшего боевое крещение на Курском рубеже.

**ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ КОНОВКО,
ветеран 317-й стрелковой дивизии**

НАУКА ПОБЕЖДАТЬ

В 1941 году я закончил девятый класс Нальчикской средней школы № 9. 20 июня группа одноклассников, в их числе был и я, решила пойти на Голубые озера. Там, 22 июня, мы и узнали о начале Великой Отечественной войны. Сразу же отправились домой. Красноармейская улица около военкомата была полна народу.

В этот день для нас закончилась юность. В октябре сорок первого учащиеся девятых и десятых классов школ города были направлены в станицу Прохладную на строительство оборонительных рубежей. Рыли противотанковые рвы, некоторое время мальчишки по ночам выгружали из вагонов камни для сооружения долговременных огневых точек. В конце декабря строительство было закончено, и мы возвратились в Нальчик. Новый 1942 год встречали в родной школе.

В мае сорок второго в связи с войной началась подготовка к выпускным экзаменам. Государственный Комитет Обороны принял решение: учащимся школ и других учебных заведений досрочно сдать экзамены. После вручения аттестатов зрелости и выпускного вечера в нашей школе была создана бригада из десятиклассников и выпускников для работы в селении Урожайном в местном колхозе. Руководил бригадой учитель физики Яков Яковлевич Сысуненко.

Здесь мы работали июнь и июль, а первого августа нас отозвали из колхоза по распоряжению военкомата. 9 августа 1942 года 17—18-летние ребята в Нальчикском военном комиссариате сдали свои паспорта и были зачислены в команду. К вечеру нас направили в сторону Орджоникидзе, но потом последовал приказ возвратиться в Нальчик, так как якобы где-то за Урванью высадился немецкий десант. В городе уточнили, что никакого десанта на нашем пути нет. День 10 августа мы провели в пойме реки Нальчик, где сейчас находится Орджоникидзевский мост, а вечером отправились в путь, с которого началась наша фронтовая биография.

В команде было несколько взрослых, среди них наш классный руководитель и учитель математики Виктор Григорьевич Турчанинов, учитель русского языка и литературы Александр Иванович Протогенов. Они дошли до Орджоникидзе. А мы продолжили свой путь через Северную Осетию, Чечено-Ингушетию, прошли мимо Махачкалы и остановились в Каякенте. Здесь нас распределили по подразделениям, выдали обмундирование, оружие, различное снаряжение, необходимое на войне. Я и мои одноклассники Виктор Бочаров, Георгий Матусевич и Виктор Сафонов были зачислены в полковую ба-

тарею 76-миллиметровых пушек 761-го стрелкового полка 317-й стрелковой дивизии. Бочаров стал на-водчиком орудия, Матусевич — заряжающим, Са-фонов — разведчиком, а я — связистом.

29 сентября 1942 года в соответствии с указа-нием Ставки Верховного Главнокомандования, 317-я стрелковая дивизия выводилась на Грознен-ский оборонительный рубеж и вводилась в бой на стыке границ трех братских автономных респуб-лик — Чечено-Ингушетии, Северной Осетии и Ка-бардино-Балкарии. Здесь, на Курских рубежах, мы приняли боевое крещение.

Дивизии ставилась задача: остановить наступ-ление врага и не допустить его к высоте Заман-кул (926,4) и одноименному населенному пункту. Овладение неприятелем высотой 926,4 обеспечивало бы ему контроль над Алханчуртской долиной и выход к Орджоникидзе с востока. Начались упор-ные бои. В ночь на 26 октября группа немецких автоматачников просочилась на стыке 7-й и 8-й рот 3-го батальона и, используя пересеченную мест-ность и лесистые склоны высоты, вышла во фланг и тыл этих рот. Утром 27 октября при поддержке артиллерии немцы силой до батальона пехоты предприняли наступление на 7-ю роту с фронта, а автоматачики — с тыла. Рота сумела отразить пер-вый удар. Но слишком неравными были силы. В результате второй атаки бойцы вынуждены были отойти с высоты Безымянной.

В 10.30 командир полка направил из резерва роту автоматачников. Они с ходу атаковали против-ника и продвинулись на пятьсот метров, но восста-новить исходное положение не смогли.

Памятен день 26 октября для моего одноклас-сника Александра Леонтьевича Тригорова, после войны учителя средней школы станции Подкумок.

Он служил в роте автоматчиков. Отражая вражескую атаку, получил тяжелое ранение, лишился руки и стал инвалидом войны в неполные 18 лет. В тех боях выбыли по ранению нальчане Владимир Андреевич Усков и Николай Васильевич Титов, впоследствии кавалеры ордена Красной Звезды.

В феврале 1943 года мы освободили хутор Куйбышев на Кубани. Не успели вырыть окопы, как немцы предприняли контратаку. Их танки вели ожесточенный огонь из пушек и пулеметов. Командир орудия приказал открыть огонь по танкам прямой наводкой. Орудийный расчет сделал несколько выстрелов, но фашистский танкист из крупнокалиберного пулемета в упор расстрелял ребят. Так погибли Виктор Бочаров и Георгий Матусевич. Тяжело перенес я потерю близких мне людей. Ведь с ними я проучился девять лет.

В кубанских плавнях, около хутора Свистельникова, в марте 1943 года меня тяжело ранило. Обессиленного и окровавленного, в медсанбат меня дотащил Виктор Сафонов, который сам был легко ранен. За мужество, проявленное в бою под Свистельниковым, его наградили медалью «За боевые заслуги». Он остался в медсанбате лечить рану. Это была наша последняя встреча. Вскоре Сафонов погиб под станицей Крымской на Кубани. А меня направили в город Кропоткин. Здесь раненые прошли санобработку, помылись в бане, надели чистое белье. Нас погрузили в вагоны санитарного поезда. Так я оказался в эвакогоспитале № 2924 города Махачкалы. Здесь нас радушно встретили, подготовили чистые постели, наладили нормальное питание. Нас окружали добрые, внимательные врачи, медицинские сестры, санитарки.

Когда я оказался в Махачкале, сразу же написал в Нальчик и сообщил адрес госпиталя. Меня

интересовал вопрос, что с моими родными: мамой, папой и двумя сестрами. Ведь с 10 августа 1942 года я от них никаких сведений не имел. С большим нетерпением ожидал ответа. А в это время мама с сестрами послали телеграмму отцу, который служил тогда в городе Буйнакске. Командир части, получив телеграмму из Нальчика, вызвал отца и спросил: «У тебя есть сын?» — «Есть. Он на фронте», — ответил отец. «Так вот,— сказал командир,— я получил телеграмму от твоей жены, что ваш сын ранен и лежит в госпитале в Махачкале. Даю тебе увольнение на двое суток. Я уже отдал распоряжение начпроду, чтобы он подготовил подарок для сына».

В одно прекрасное утро меня вызвали из палаты. В коридоре я увидел отца. Крепко обнялись два солдата, два защитника Родины. Сорокачетверехлетний отец и девятнадцатилетний сын. У тех, кто оказался свидетелем нашей встречи, невольно появились слезы на глазах.

Вскоре по просьбе отца меня перевели из Махачкалы в Буйнакск, в эвакогоспиталь № 1797, для продолжения лечения. Здесь тоже был замечательный коллектив, отдававший все свои знания, опыт, теплоту сердец раненым бойцам и командирам.

В августе сорок третьего меня выписали из госпиталя и направили в Кропоткин в запасной полк. Отсюда я попал в свою 317-ю стрелковую дивизию, в 606-й стрелковый полк, в батарею 76-миллиметровых пушек. Меня назначили командиром отделения связи. С этой дивизией я дошел до Будапешта. Демобилизовался в марте 1947 года. В августе того же года поступил на исторический факультет Кабардино-Балкарского педагогического института. В 1951 году с отличием закончил его и был направлен в Нальчикский горком партии консультантом, а в 1955 го-

ду утвержден лектором горкома. В 1963 году переведен в Нальчикский политехникум преподавателем истории. В 1976 году мне было присвоено звание «Заслуженный учитель школы Кабардино-Балкарской АССР».

**НИКОЛАЙ НИКИТОВИЧ БРЕХУНЦОВ,
ветеран 317-й стрелковой дивизии**
НА КУРПСКИХ ВЫСОТАХ

Нас, 52 призывника, вызвали в Нальчикский городской военкомат 3 августа 1942 года и отправили поездом в Грозный. Так что мы на неделю раньше начали службу в 317-й стрелковой дивизии, нежели наши ровесники, призванные в Нальчике позже. В Грозном на старых промыслах формировался 571-й стрелковый полк.

Пока наши друзья шли пешком до Дагестана, нас погрузили и отправили эшелоном в Нахичевань. Ходили упорные слухи, что мы отправимся в Иран, но они оказались только слухами. Вскоре нас вернули в Дагестан. На станции Каракент мы разгрузились, искупались в Каспийском море и совершили марш в Леваши. Там окончательно завершилось формирование полка и оттуда выступили на фронт.

Когда прибыли в Гудермес, стало известно, что немцы в ряде мест форсировали Терек и появилась реальная угроза выхода их к Грозному. Троє суток окапывались мы в районе Гудермеса. Но воевать там не пришлось. Нас снова погрузили в эшелоны и по железной дороге доставили в Беслан. После выгрузки совершили марш в район Старого Бато-коюрта.

В конце октября 1942 года сменили на переднем крае стрелковую бригаду и 1 ноября приняли боевое крещение.

Я хорошо помню, что немцы пытались потеснить нас и даже сумели прорваться к подсолнечному полю, разделявшему наши позиции. Командир взвода лейтенант Вялкин приказал открыть огонь по фашистам, и мы минут десять вели его из всех видов оружия. Немцы вынуждены были ползком возвращаться на прежние позиции. Когда перестрелка закончилась, командир взвода объявил нам благодарность. Мы были возбуждены и горды тем, что удалось отразить первую вражескую атаку.

До 6 ноября противник не оставлял нас в покое, пока роту не оттянули к окраине ингушского селения Сагопшина. Мы были уверены, что 7 ноября немцы обязательно будут нас атаковать, но они предприняли наступление левее, а нашу оборону подвергли артиллерийскому и минометному обстрелу. Более часа длился их огневой налет. Мы понесли первые потери. Но все попытки противника прорвать оборону в районе Сагопшины, успехом не увенчались, 571-й стрелковый полк выдержал этот серьезный экзамен. Двадцать дней вели мы бои в районе Малгобека. 21 ноября 1942 года перебросили наш полк под Заманкул, а к середине декабря — под Верхний Курп. Ночью вывели нас на передний край. Утром осмотрелись — кругом ни кусточка, голые высоты.

На второй день в 6 часов утра началась артиллерийская подготовка. Потом наш комбат подал команду — и мы поднялись в атаку. Стоял сплошной гул, создавалось такое впечатление, будто кто-то специально завел шумовую установку. Мы бежали к вершине ближайшей высоты, но обороны

противника из-за тумана не видели. Немцы открыли огонь только тогда, когда обнаружили приближавшиеся цепи. И хотя мы горели желанием захватить высоту, сделать этого нам не удалось. Мы понесли большие потери и вынуждены были вернуться на исходные рубежи.

Накануне Нового 1943 года к нам пришло пополнение, и 30 декабря наша рота участвовала в наступлении на господствующую высоту. Мы выбили немцем с вершины и стали окапываться. Работать лежа на промерзлой земле под непрерывным обстрелом было нелегко. Мы уже знали, что всякая «поющая» мина пролетает мимо, но вот зачастали разрывы мин, полет которых не был слышен. Одна из мин разорвалась рядом. По спине потекло тепло, я уронил лопатку и медленно сполз на дно окопа. Обратился к соседу, посмотреть, что там у меня на спине.

«Ты знаешь, Микола,— ответил он,— у тебя вместе с половиной шинели сорвало со спины и кожу...» Когда он прикоснулся, я почувствовал резкую боль.

Меня доставили в медсанбат, а оттуда в госпиталь. Так на Курских высотах для меня окончилась война...

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. НА КИЕВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Стойкость сто семьдесят пятой. И. Х. Баграмян	5
Рассказы о героях. В. Д. Лесев	10
По следам фронтовой фотографии. В. Н. Алиев	27
Подвиги пулеметчиков. И. Ф. Евдокимов	33
Спасая полковую святыню... П. И. Русин	38
О моем отце М. С. Афашагов	44
Письма мужа. А. П. Винник	48
Оглядываясь на пройденный путь... С. С. Володенко	53

Часть II. В ДОНСКИХ И КАЛМЫЦКИХ СТЕПЯХ

В междуречье Дона и Волги. А. Т. Хатукаев	62
Насмерть стоявшие... С. М. Черкесов	72
Ночной штурм Кургана Лысого. А. Х. Эльмесов	85
Горжусь вами, боевые друзья. К. М. Валиев	90
Время не властно. В. Д. Рязанов	93
Патриарх нашей науки. Х. Х. Гатаев	101

Часть III. В БОЯХ ЗА КАВКАЗ

Первый бой. М. А. Шахемишев	107
Отмстица войны. Т. М. Мамуков	111
Бой в Новомихайловском. К. Х. Кумехов	116
У Волчьих Ворот. К. Г. Петров	119
В огненном кольце. М. Б. Байдултанов	126
Письмо сыну политрука А. И. Щеголева. Е. Д. Гречихин .	133
Помнил Баксан, не забыл и Черек. А. О. Шогенцуков .	138
Бурые пятна на черной шали. Б. П. Черемисин	160
Сражались за Родину... В. Д. Лесев	172
От первого до последнего залпа. Ж. К. Эфендьев . .	188
В боях за Кавказ и Крым. А. Эневев	194
Курский рубеж. В. Д. Лесев	198
Наука побеждать. В. А. Коновало	214
На Курских высотах. Н. Н. Брехунцов	219

Массово-политическое издание

**НАМ ДОРОГИ ЭТИ
ПОЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ**

Составитель Лесев Виталий Дмитриевич

Редактор *О. Л. Опрышко*

Художник *И. Г. Абрамов*

Художественный редактор *В. Л. Захохов*

Технический редактор *Л. Д. Жарашуева*

Корректор *Е. Е. Терушкина*

ЛКБ № 1 от 30.09.91

Сдано в набор 06.03.95. Подписано к печати 25.04.95. Формат
70×100¹/₂. Бумага офсетная № 2. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 9,1. Уч.-изд. л. 8,79. Тираж
500 экз. Заказ № 698

Издательство «Эльбрус»

Нальчик, ул. Адмирала Головко, 6

Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года

Мининформпечати КБР

Нальчик, пр. Ленина, 33

Нам дороги эти позабыть нельзя: Воспоминания, статьи, материалы из семейных архивов участников Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Составитель В. Д. Лесев.—
Нальчик: Эльбрус, 1995.— 224 с.

ISBN 5-7680-1009-2

В книге рассказывается об участии сынов Кабардино-Балкарии в Киевской оборонительной операции 1941 г., в битве за Кавказ и о воинах 116-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии, сражавшихся в Донских и Калмыцких степях летом и осенью 1942 г.

**0503020600-022 87-95
M125(03)-95**